

М. Аронсон и С. Рейсер

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
КРУЖКИ и САЛОНЫ

19 • П р и б о й • 29

М. А р о н с о н и С. Р е й с е р.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ
КРУЖКИ И САЛОНЫ**

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ

Б. М. ЭЙХЕНБАУМА

с 4 иллюстрациями

«Прибой» — Ленинград . 1929

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

★

**ТРУДЫ СЕМИНАРИЯ Е. М. ЭЙХЕНБАУМА
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА**

★

Жизнь литературы не исчерпывается выходом в свет книг и журналов с новыми стихами, романами и рассказами. Прилавок книжного магазина, на который ложится, в ожидании покупателя, новая книга, — это нечто вроде эстрады, на которой является артист перед публикой. Кроме этой «эстрадной» жизни, у литературы, как и у других искусств, есть жизнь более интимная, но не уходящая в область быта вообще, а только скреживающаяся с ним. Список всех книг, появившихся за какой-нибудь период времени, еще не дает полного представления о литературной жизни. Не говоря о постоянно существующей и иногда очень характерной рукописной литературе, в этот список не войдет самая история возникновения этих книг, а между тем она иногда очень важна — если не для современников, то для историков. Каждая книга имеет не только свою судьбу, но и свое прошлое.

Писатель работает не в одиночку, а бок-о-бок со своими единомышленниками, друзьями, товарищами по ремеслу и т. д. Образуются «кружки», «группы», устраиваются собрания, заседания или просто «вечеринки». Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее «домашним», то развываясь в сторону большей общественности или публичности — как меняется самый тип литератора, от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона. Это не значит, конечно, что в каждую эпоху существует только одна из форм. Как всегда в истории, в любую эпоху можно обнаружить сосуществование разных форм и типов — меняются их обличья, их литературные и социальные значения: знак исторической *характерности* переходит с одних на другие. Формы эти, как и все в истории, соотносительны — ни одна не пропадает вовсе и не возникает совсем заново.

Литературные кружки и салоны особенно характерны для русской культуры начала XIX в. Они существовали в быту, конечно, и до этого, но не имели значения литературного факта.¹ Домашние альбомы наполнялись стихами, но за пределы альбомов стихи эти не шли. В начале XIX в. эти «домашние» формы поэзии, в связи с отходом от придворной оды, используются как литературное новаторство, как новый жанр, а вместе с этим приобретают новое литературно-бытовое значение и самые формы кружкового или салонного общения. Основной стиховой жанр этой эпохи — «альбомная» лирика, а основной тип литератора — поэт-дилетант, не стремящийся уже к положению придворного «певца» и еще не нуждающийся в публичной «эстраде».

«Домашность», как литературно-бытовая позиция, принимает у некоторых поэтов этой эпохи особенно резкую и принципиальную форму. Таков, например, Языков. Темами его стихотворений служат мельчайшие факты домашней жизни. Альбом Воейковой или альбом Дириной — вот главные «органы», в которых он «сотрудничает». О своем стихотворении «Каким восторгом ты пылаешь» он сообщает брату: «Воейкова, не знаю каким из духов подземного царства возбужденная, подарила в знак памяти Тютчеву, которого ты знаешь заочно, перчатку; к моему солюбовнику написал я следующие стихи». ² Печатаение стихотворений мало интересует его: «Ежели хочешь, пожалуй отдай Булгарину стихи о перчатке», пишет он в ответ на запрос брата. Когда Языкову нужно написать что-нибудь специально для печати, он делает это с трудом и неохотой: «Мысль, что я должен поэтовствовать на заказ для Альманахов, может охладить мою Музу». На новое требование он отвечает: «Жаль, что здесь нет теперь, например, Воейковой: тогда бы я мог даже на заказ написать что-

¹ См. статью Ю. Тынянова, Литературный факт, в книге «Архаисты и Новаторы» (Лнгр., 1929).

² Письма Н. М. Языкова к родным, СПб., 1913.

нибудь дельное». Близкие и соотносительные для него понятия — «литература и жизнь семейственная». Получив от сестры подарок, он пишет родным: «Парашу буду благодарить за мешок на табак стиховно: этот подарок такой важности, что требует поэзии для соответствия, а я и рад случаю писать стихи».

Если уж надо печатать свои стихи (пристают издатели и друзья), то Языков предпочитает отдавать их в альманахи, а не в журналы, принципиально и очень определенно различая эти типы изданий. О «Московском Телеграфе» он говорит с раздражением — и именно тогда, когда Пушкин, порывая с «домашностью», борется за журнал против альманахов. Разница их литературно-бытовых позиций ясно сказывается в характернейшем письме Языкова от 2 января 1827 г.: «Пушкин находится теперь в Москве; пишет мне, что мое *Тригорское* будет напечатано во 2 № Московского Вестника, и приглашает прочие мои будущие стихи туда же. Он, видно, принимает деятельное участие в сем журнале; не в охулку сказать почтенному поэту, а участвовать в журнале — дело не поэтическое; журнал в быту литературном то же, что почтовая телега в мире вещественном: приятно иногда, даже полезно нашему брату, полнокровному, на ней проехаться, но совсем другое ее везти или быть ее конеправителем». О том же он пишет 21 января 1827 г. А. Н. Вульфу: «Он [Пушкин] ко мне писал из Москвы: манит и блазнит меня посылать стихи мои в Московский Вестник и хочет, кажется, вовсе втянуть меня в эту единоторговицу словесности русской. Говорит, что пора задушить Альманахи — и, конечно, этот будущий удушитель сих пигмеев есть Московский Вестник. Замечу мимоходом, что едва ли альманахи вредят успехам Парнаса более, нежели журналь». ¹

Это непонимание и несогласие современников — факт исто-

¹ Пушкин писал Языкову 21 ноября 1826 г.: «Тригорское ваше с вашего позволения напечатано будет во 2 № Моск. Вестн. — Рады ли вы журналу? Пора задушить Альманахи.»

дический. Здесь столкнулись разные литературно-бытовые системы. Пушкин идет к профессионализму, к журналистике, к «эстраде» — Языков защищает архаические для конца 20-х годов формы интимной «домашности». Кстати, в цитированных письмах Языкова уже налицо наши злободневнейшие гермины — «заказ» и «литературный быт»: лишнее подтверждение тому, что в истории меняются не столько факты и слова, сколько их значения.

«Семейственность» уступила свое место «салонности», которая, в свою очередь, потеряла свое литературно-бытовое значение в эпоху журналистики. Альбом стал опять делом всецело домашним, но самая «домашность», в новых формах, еще не так давно опять явилась в нашей литературе — хотя бы в книгах Розанова. Кружки символистов и самые их стихи, насыщенные особой кружковой семантикой, тоже свидетельствовали о своеобразном возрождении старых литературно-бытовых традиций. У акмеистов была тенденция воскресить альбомные жанры и создать «домашнюю» лирику (Анна Ахматова).

Революция принесла с собой не только новые жанры оды, но и широкие организации профсоюзного типа: однако потребность в создании иных литературно-бытовых форм резко ощущается. Этим, отчасти, объясняется, вероятно, такой повышенный интерес к литературным мемуарам и биографическим материалам. Публичность и домашность соотносительны. Поэзия вечеринок и кружков, носящая совсем «местный» характер, рукописные эпиграммы, пародии и экспромпты, живущие на одних правах с анекдотами, — все это, постоянно пребывающее в быту, может в любой момент быть призвано в литературу.

История не принадлежит к числу бескорыстных, чисто теоретических наук (если такие вообще есть). Кто-то в шутку назвал ее «пророчеством назад». Это вовсе не так странно, как может показаться. Да, мы «пророчествуем назад», чтобы таким образом разобраться в современности — потому что

не можем пророчествовать вперед. Мы ищем в прошлом ответов и аналогий — устанавливаем «закономерность» явлений. История — особый метод изучения или истолкования современности.

Так явилась у нас проблема «литературного быта», так явились на свет мемуары, «монтажи» и пр. — в том числе и эта книга.

Б. Эйхенбаум.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Б. д. Чт. — «Библиотека для чтения»
В. Е. — «Вестник Европы»
ЖМНП. — «Журнал министерства народного просвещения»
И. В. — «Исторический Вестник»
Киевск. Ст. — «Киевская старина»
Моск. Вед. — «Московские Ведомости»
Ост. Арх. — «Остафьевский Архив»
От. З. — «Отечественные Записки»
П-н и с. — «Пушкин и его современники»
Р. А. — «Русский Архив»
Р. Библ. — «Руский Библиофил»
Р. Б-во — «Русское Богатство»
Р. Вестн. — «Русский Вестник»
Р. М. — «Русская Мысль»
Р. Об. — «Русское Обозрение»
Р. Сл. — «Русское Слово»
Р. Ст. — «Русская Старина»
Совр. — «Современник»
п/р., — под редакцией
[] — текст составителей
-

В современной беллетристике при полном разложении всех жанров, когда читатель едва ли не отворачивается от литературы вообще (от стихов и прозы; несколько лет назад только от стихов), роль литературы, удовлетворяющей читателя, исполняют мемуары, новые, современные и старые дореволюционные, а порою и очень старые. Исторические, литературные и всякие иные мемуары — все идет на потребу падкого до этого жанра читателя-современника. «Мемуарная беллетристика» (так назовем ее) исполняет обязанности существующей, но не бытующей сейчас собственно беллетристики. Другим руслом, куда устремились сейчас интересы читателя, являются монтажи. В основе увлечения ими лежит, в сущности, тот же мемуарный, но более четко, так сказать, тематически оформленный интерес, в основе монтажа большей частью лежит одно определенное лицо, например, Пушкин. Работы Н. С. Ашукина и В. В. Вересаева (1925 — 1926) сделали монтаж сразу необычайно популярной и ходкой формой, и вскоре последовавшие за ними работы того же типа стали разнообразно варьировать формы монтирования материала.

Монтаж отличается от мемуаров значительно большей емкостью своего материала; если мемуары по условиям жанра связаны с субъективностью их авторского лица, то монтаж этого лица не имеет: какой-нибудь исторический факт дается в нем в нескольких планах, показывается с разных сторон, в разных аспектах. Поэтому в монтаж легко входят материалы, которые не укладываются в мемуары, всякий документ — проект, протокол, устав, отзыв постороннего свидетеля-современника и т. д. Все это значительно расширяет вместительность монтажа, как жанра, делает возможным самые разнообразные его конструкции.

Здесь следует однако отметить два обстоятельства. Во-первых, то, что монтаж является только технически оригинальной формой, так как материал весь заранее задан, но преподнесен читателю во вполне удобоваримой форме, освобожденным от менее важных деталей, и дополненным необхо-

димыми комментариями. Во-вторых, следует иметь в виду и то, что монтаж явился не только эквивалентом переставшей удовлетворять беллетристики, но и своеобразной научной формой. Уже первая работа В. Вересаева претендует на то, чтобы быть исследованием особого типа. «Передо мною, — писал Вересаев, — возможно полное собрание отзывов о Пушкине, и на их основании я имею возможность делать свои самостоятельные выводы». ¹

Еще одно обстоятельство следует учитывать при анализе успеха жанра монтажей — это пристрастие читателя к сухому, четкому документу; все, что дает эту документальность или хоть ее иллюзию, является для читателя привлекательным. ² Автор же (точнее редактор, еще точнее монтажер) находится где-то сзади за материалом, он невидим, и это читателю импонирует.

Симптоматичным для наших дней является процесс разложения научной формы, совершающийся на наших глазах. Разложение старых сугубо-академических традиций и некоторое освежение, размен их — это уже процесс заканчивающийся. Исследование в виде изящной статьи, написанной «с темпераментом», получило право гражданства.

Монтаж материала — новая форма и дальнейшая стадия того же процесса жанрового разложения. Может быть точнее будет сказать, что он, вместе с другими признаками, является симптомом еще более широкого явления: в художественную литературу привносятся черты исследования; научное исследование освежается «беллетристически».

Будущий историк сможет установить генезис этого явления. Он укажет быть может на влияние кино-искусства, воздаст должное приоритету Вересаева, быть может, заглянув в «пра-историю», вспомнит историко-литературные хрестоматии Покровского, сборники критических материалов Зелинского — но все это дело будущего. Перед нами же книги Н. С. Ашукина, В. В. Вересаева, В. Фейдер, П. Е. Щеголева, Л. П. Гроссмана, Н. Н. Апостолова, А. Г. Остров-

¹ «Пушкин в жизни», вып. 1, М., 1926, с. 4.

² Н. Н. Апостолов («Живой Толстой»), поместив все ссылки за текст в примечания, свел до минимума эту иллюзию документации, и книга, конечно, проиграла от этого одного внешнего упущения.

ского; готовится также серия аналогичных работ семинария Б. М. Эйхенбаума по литературному быту и т. д.

Форма монтажа — законная и равноправная форма, а вовсе не какой-то «низший жанр», «младшая линия», коей надлежит еще быть канонизованной.

Монтаж есть форма, органически вошедшая сейчас в жизнь и бытующая в ней, независимо от того, удовлетворяет она нас или нет, нравится или не нравится. А не удовлетворять она, конечно, может. И здесь прежде всего встает вопрос о принципе монтирования материала.

В оживленной и плодотворной полемике, возникшей по поводу книги В. Вересаева «Пушкин в жизни» (Б. В. Томашевский, Н. К. Пиксанов, П. Е. Щеголев, Я. З. Черняк и др.), вересаевский принцип монтирования был забракован. Однако указаниями на произвольность подбора материала, на нестрогость и непоследовательность отбора его исследующей отсюда произвольностью выводов не был отвергнут самый принцип монтирования. И уже следующие за работой Вересаева книги жанр монтажа самого по себе оправдали.

Авторы настоящей работы (тоже монтажа), лучше других сознают ее недостатки. Но и не касаясь даже метода монтирования материала, работа неполна и нецельна — она легко может показаться читателю случайной по выбору и монтажу материала. Это однако не так. Из имеющегося в картотеке авторов материала и библиографии около 400 кружков, салонов и других видов объединений в настоящей книге удалось представить всего лишь около 30. Для вошедших в книгу далеко не всегда удалось использовать весь имеющийся у нас и достойный быть введенным материал. Примерно, около половины ввести не удалось. Иные кружки (Арзамас) представлены в этом случае лучше, нежели, например, кружки Станкевича и Белинского, материал о которых дан очень небольшой. А кружок Герцена и вовсе опущен. Правда, здесь нами руководило то соображение, что названные кружки и без того более известны широкой публике и лучше разработаны. И все же материал распределен не всегда пропорционально историко-литературному значению данного кружка. Таким образом, нам удалось использовать лишь небольшую часть собранного материала, который авторы не теряют надежды развернуть

когда-либо в большое исследование. Мы выбирали те кружки и салоны, которые характерны для литературной эволюции, стараясь наметить хоть вехи этого большого пути. Мы старались отобрать, кроме того, материал живой, интересный для современного читателя и исследователя, по возможности мало изученный.

Нам приходилось в работе обращаться и к материалу полудефектному. Так, например, в книге использован материал воспоминаний В. П. Бурнашева и А. О. (О. Н.?) Смирновой. И тот и другой (в особенности же первый) дан в отрывках, дающих верное в общем освещение и характеристику того или другого объединения. Мы избегали приводить конкретные факты, частично сочиненные изобретательным Бурнашевым, частично же, как выясняется в последнее время, «сконтаминированные» им из различных других воспоминаний. Кроме того, даже в сочиненных деталях В. Бурнашев верно передает быт и отношения описываемого им времени. Именно такими общими характеристиками этого «мемуарного беллетриста» мы и пользовались. Воспоминания же Смирновой цитированы нами очень осмотрительно, в частях, повидимому, ей действительно принадлежащих. (К сожалению, подлинные записи А. О. Смирновой, хранящиеся в Москве и еще не изданные, были нам недоступны.)

Но наряду с таким полудефектным материалом нам приходилось в работе обращаться порою и к материалу дефектному в другом плане. Таким является прежде всего цитируемый нами в книге несколько раз материал не первоисточников, а позднейших исследователей. Мы прибегали к такому цитированию в тех случаях, когда материал исследователей давал хорошую сжатую сводку или верную характеристику изображаемого явления.

Здесь однако возникает принципиальный вопрос о доверии к материалу. Показание современника является, вообще говоря, единственным материалом для суждения о тех или других фактах жизни кружка или салона. Однако, *бесспорно-достоверного материала не существует вовсе*, и возможно лишь некоторое приближение к этой достоверности. К ней мы и стремились.

Не вполне целостен в работе и комментарий. Налицо три типа комментариев: сжатый, деловой комментарий типа

примечаний В. Сайтова к Ост. Архиву, далее комментарий, представляющий собою небольшое исследование самостоятельного характера, выходящее за пределы данного салона или кружка, но затрагивающее общие вопросы (таков, например, комментарий к «Четвергам Раича» или к салону В. Ф. Одоевского); наконец, собственно уже не комментарий, а общий очерк о том или ином кружке (см., например, салон Э. А. Волконской). Комментарий, таким образом, тоже не выдержан в одном плане.

Мы не сомневаемся в том, что критика укажет нам ряд немаловажных промахов и недосмотров в этой работе; их мы ожидаем и примем с благодарностью. Напомним только, что в русской литературе отсутствует какая бы то ни было библиография по материалу кружков и салонов, и авторам часто приходилось идти ощупью, от других тем и работ, построенных по индивидуальному принципу. Пропуски особенно вероятны в связи с тем широким размахом (от конца XVIII в. до середины XIX в.), какой авторы взяли в этой работе, посвященной обзору кружков и салонов в целом. Работ об отдельных кружках существует в русской литературе очень немного, и они далеко не всегда удовлетворительны. Особые трудности возникали еще в связи и с тем, что настоящая работа является первым монтажом, построенным не на биографии, а на конкретном историко-литературном явлении. Во всяком случае мы охотно примем во внимание все замечания и поправки по адресу этой книги, тем более, что большая часть их, как видно из сказанного, известна и нам самим.

Быть может это исследование явится толчком и для других работ на ту же тему.¹ Это было бы лучшим доказательством того, что труд, затраченный на составление книги, не пропал даром.

*

¹ О том, что рассмотренные в нашей книге вопросы являются актуальными, свидетельствует между прочим и то, что за последнее время вышло несколько работ, близких нам по теме. Назовем здесь статью Н. Бельчикова в «Литературе и марксизме» (1928, III), статью В. Асафьева «Музыка в кружках русских интеллигентов 20-х — 40-х гг.» (см. сб. «Музыказнание», Academia, Л., 1928). Отчасти затрагивает разбираемые нами вопросы и книга Т. Грица, В. Тренкина и М. Никитина, «Словесность и коммерция», «Федерация», М., 1929.

Своим возникновением и появлением настоящая работа всецело обязана руководителю семинария по литературному быту при Институте Истории Искусств — Борису Михайловичу Эйхенбауму, которому приносим горячую благодарность за руководство работой.

Согласились просмотреть работу в корректуре и внесли ряд ценных замечаний и дополнений Юлиан Григорьевич Оксман и Юрий Николаевич Тынянов.

Кроме того, мы обязаны благодарностью ряду ленинградских и киевских библиотек Публичной Библиотеке, Библиотеке Всеукраинской Академии Наук, Пушкинскому Дому и т. д.) за неизменно внимательное и предупредительное отношение в разыскании различных книг и журналов, наведегии справок и пр.

Нам неоднократно приходилось пользоваться ценными библиографическими указаниями и превосходной библиотекой Павла Наумовича Беркова, которого искренне благодарим за помощь.

В сверке текстов и составлении указателя нам помогала Елизавета Николаевна Калайдович. Ей, всему составу семинария по литературному быту и кружку друзей за ряд замечаний при обсуждении отдельных частей работы — дружеская благодарность.

С. Рейсер.

Ленинград.
31. XII. 1928 г.

Желательно было бы узнать историю, хоть краткую, литературных обществ в России и известно о том, каким образом исчезли они с своего поприща... Жаль, если потеряны свидетельства о том; это доставило бы новые материалы для истории нашей литературы.

М. Лонгинов (1859).

1

Памятники литературного творчества еще не обнимают собою всей литературы. Литературная эволюция захватывает и многие другие ряды, в том числе и изменения писательской биографии.

Роль писателя в литературе раньше не была загадкой. Писатель либо был основой литературных построений, либо вовсе выбрасывался из поля зрения литературоведа. Первый тип мы находим в так называемых биографическом и психологическом методах. Характерное признание второго можно было встретить еще совсем недавно. Таково, например, признание П. Бицилли: «Пушкин есть условное обозначение произведений, известных нам под этим именем». Вряд ли кто-нибудь стал бы теперь безоговорочно защипать одну из этих позиций. Апелляция к писательской личности, как к некоторой чуть ли не метафизической константе, и апелляция к тексту, без учета его читателя, теперь просто невозможны.

Учет же своеобразных условий, окружающих литературу данной эпохи, выдвигает ряд вопросов, среди которых вопрос о писателе, как носителе литературных ценностей, — далеко не последний вопрос. Экспансия литературы в быт и быта в литературу, изменяемость литературных фактов, о которых говорит Ю. Н. Тынянов,¹ несомненно влечет за собою значительные изменения писательского лица, определяемые изменениями литературы. Б. М. Эйхенбаум в своей книге о Толстом² рассматривает первые литератур-

¹ О литературном факте, «Леф», 1924, № 2 (6) и Вопросы литературной эволюции, «На литературном посту», 1927, № 9.

² В. Эйхенбаум, Лев Толстой. Книга первая. 50-е годы, Л., 1928.

ные шаги Толстого и доказывает их типичность для данной эпохи. Книга В. Б. Шкловского о «Войне и мире»¹ демонстрирует изменчивость писательского лица для читателей различных эпох. Писатель, его биография, его авторское лицо рассматриваются, таким образом, современными исследователями не как предпосылки литературного творчества, а как продукты различных условий.

Сплошь и рядом бывают случаи, когда литературное творчество одного писателя не является плодом его индивидуальных дарований. «Громвал» Каменева известен в переработке Жуковского. «Ревизор» и «Мертвые души» связаны не только с именем Гоголя, но и с именем Пушкина. Пушкинская переписка хранит не мало примеров того, как стихотворения Вяземского исправлялись Пушкиным. Многие журналы, в частности «Библиотека для Чтения», как известно, не церемонились с предлагаемыми им рукописями и исправляли их на свой лад и вкус. Многие стихотворения Фета и Тютчева носят такие же исправления Тургенева.

Примеров такого вмешательства в индивидуальное творчество писателя — сколько угодно. Иногда этим занимаются литературные единомышленники, реже — литературные враги. Библиографы приписывают такие произведения только одному из принимавших в них участие лиц. Филологическая работа путем кропотливого анализа пытается восстановить основной, незапятнанный чужой рукою первоначальный текст. Но не следует забывать, что для современников произведения этого рода предстояли в «исправленном» виде, в редакции, участие в которой принимали несколько человек. Авторское лицо писателя не есть его индивидуальное лицо. Есть авторские лица не смешиваемые с лицом индивидуальным (псевдонимы). Есть авторские лица без исторической биографии писателя (Кузьма Прутков).

Формирование писателя начинается задолго до его реального вступления в литературу и не прекращается с его реальной смертью. По отношению же к своей современности писатель есть результат сплетения некоторых сложных единств; писательская индивидуальность в конечном счете сводится

¹ В. Б. Шкловский, Материал и стиль в романе Л. Толстого «Война и мир», М., 1928.

к некоторому соотношению участвовавших в ее создании объективных литературных, литературно-бытовых и социальных сил. Исследовать эти силы, научиться разбираться в них, уметь видеть, как они дают на литературу, знать законы и процессы литературного производства и потребления в их реальном воплощении, не абстрагированном из общественных соотношений, и наблюдать живую эволюцию литературы в обществе — вот задачи, к которым подошла современная наука о литературе и которые вскроют содержание понятия «писатель» и самый смысл совершаемой писателем работы.

Этот пестрый материал, окружающий литературу, не имеет своей особой специфичности. В основном, это материал и литературный и социальный. Развитие книготорговли, например., связано как с развитием литературы, так и с ростом капитализма в России и с запросами того социального слоя, на который издатель рассчитывает.¹ Развивающаяся литературная промышленность часто определяет и самую литературу. Известно, что некоторые явления стиля Достоевского объясняются поспешностью, с которой он писал, и которая вызывалась условиями печатания романов в ежемесячных журналах. Для книжной индустрии писатель — поставщик литературного сырья. Это ставит его в особые условия творчества. Если какой-нибудь будущий историк литературы станет размышлять о романе Джима Доллара «Месс Менд» и задумается над путями, которыми пришла символика М. Шагинян к авантюренному роману, то ему придется учесть при этом статью Н. И. Бухарина в «Правде», выражающую спрос книжного рынка на советского Пинкертон. Таких примеров можно было бы привести много.

Точно так же и цензура, явный продукт соотношения классовых сил общества, несомненно отражается и на литературе. Так, в 20-х гг. прошлого столетия было запрещено употреблять в критике «личности», т. е., вместо опровержения данной мысли, подрывать моральный авторитет ее автора. Поэтому в литературной полемике того времени часто переносят действие куда-нибудь в Китай и вволю язвят над каким-нибудь

¹ См. об этом подробнее в обильной материалах книге *Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина*, *Словесность и коммерция*, М., 1929.

мандарином: современники, ощущавшие всю литературную обстановку, хорошо знали, кого следует разуместь под этим мандарином. Этот прием сохранялся довольно долго. Вспомним у А. Толстого:

Сидит под балдахинном
Китаец Дцу-Кинь-Дцинь...

Когда нельзя было писать обличительных статей против генералов, писали против коллежских советников. Когда нельзя было говорить прямо, говорили обиняками, прибегали к намекам, к эзоповскому языку, к аллегориям и т. д. Пушкинское «На выздоровление Лукулла», сказки Салтыкова, каламбурные рифмы Минаева, — вплоть до некоторых дореволюционных басен Демьяна Бедного, — все это вырастает на этой основе. Цензура заставляет писателя искать новую систему выражения.

К тому же типу литературно-социального материала, осложняющего понятие писательской индивидуальности, принадлежат и литературные объединения: кружки, салоны, вечера и пр. Тут происходит встреча писателей между собою и встреча их с представителями других общественных групп. Тут ассимилируются некоторые литературные и общественные идеи, обсуждаются и устанавливаются литературные ценности, заключаются литературные союзы, и решается тактика литературной борьбы. Но, помимо этого чисто литературного значения, кружки и салоны известных эпох являются и базами общественной мысли.

Так, например, именно в них зародилась и развилась славянофильская и западническая мысль. Это не было случайностью. В эпоху строгого надзора над печатью в обществе естественно возникает тяга к свободному обмену мнений в интимном дружеском кругу. Домашность вырастает за счет подавленной публичности.

Разумеется, как литературная, так и общественная роль кружков и салонов нуждается еще во временном ограничении. В 30-х гг., например, были распространены так называемые «Серрапионовы вечера». Это были творческие кружки молодежи, учившейся писать. Для 30-х годов они являлись литературно-прогрессивным явлением. Из одного такого кружка вышли Ап. Майков и И. Гончаров. В наше же время

многие творческие кружки, повторяя ту же схему, являются не прогрессивными, а регрессивными литературными факторами. Закон ассимиляции действует в них подчас так сильно, что индивидуальные лица молодых авторов совершенно обезличиваются: стихи становятся похожи друг на друга.

Изменения захватывают и самое соотношение между отдельными рядами литературного быта. Так, к концу 50-х годов литературно-общественную роль кружков и салонов начинает выполнять журнал. Писатели уходят от непосредственных встреч, их творчество замыкается в тиши их уединенных кабинетов. Связь их между собою и связь с читателем поддерживается через журнал. Эта эпоха, так сказать, индивидуальной литературы отразилась и на литературоведении, которое перенесло эти формы писательской работы и на другие эпохи. В результате сдвинулись литературные соотношения первой половины XIX в., и роль кружков и салонов того времени осталась не освещенной.

Изучение кружков и салонов велось до сих пор совершенно анархически. Вся область их представляет еще пока почти необозримую целину, на которой то там, то здесь проведена небольшая борозда. Все, что имеется, — это короткий список статей о нескольких более или менее случайно подобранных кружках. На ряду с Арзамасом, слишком заметным, чтоб не обратить на себя внимания, на ряду с Обществом Любителей Российской Словесности, слишком долговечным, чтоб на его многократных юбилеях не заставить оглянуться на его прошлое, вызывали интерес исследователей кружок Пономаревой или «Общество свиней», не имеющие никакого литературного значения. При этом значительная часть этих работ посвящена, так сказать, реконструктивным задачам, т. е. пытается на основании мемуарных и архивных материалов восстановить четкое представление о том или другом кружке. Лишь по отношению к 2 — 3 кружкам исследователи пытались поставить вопрос о «влиянии» их на писателя, не задаваясь более серьезной целью проследить роль и значение данного кружка в литературе и обществе вообще. Самостоятельного интереса к этой области не было, да и не могло быть ни в науке, ставящей своею целью изучение литературных портретов и биографий, ни в науке, построенной исключительно на произведениях писателей.

А между тем вопрос о кружках и салонах стоит на очереди и именно в этой плоскости. Достаточно сказать, что за первую половину XIX в. было основано огромное количество кружков и салонов, чтоб понять, насколько распространен был этот вид объединений в русском обществе, и как высоко ценился он в глазах современников.

В условиях русской культуры начала XIX в. литература играла доминирующую роль. Если в XVIII в. поэзия как-то тянулась за живописью, и Державин и Дмитриев, разные люди в литературе, увлекались передачей в поэзии картин и красок,¹ то живопись XIX в. уже тянется за литературой. Отчасти эта литературность культуры сохранилась еще и по сей день; по крайней мере, ни одно из

¹ Ср. М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 34—35 и 128.

искусств не вызывает у нас таких горячих методологических споров, как именно литература. В начале XIX в. русское общество было уже сильно насыщено литературой. Поэтому если и не все тогдашние кружки и салоны носили явно литературный характер, то все они представляют для литературоведа тот интерес, что они культивируют литературу, что беседы в них часто вращаются вокруг нее и что, таким образом, даже те из них, которые не заняты в литературном производстве, важны для нас как своего рода биржи литературного потребления. Пропитанность интересов людей того времени литературой хотелось бы иллюстрировать на одном, и очень ярком примере.

«Зимние сезоны 1814 и 1815 гг. в Москве были даже шумнее и веселее сезонов 1810 — 1811 гг. Бал следовал за балом без передышки, а в промежутках — всевозможные завтраки, катанья, детские утра и пр. Волкова в письме к Ланской от 4 января 1815 г. перечисляет свои выезды за текущую неделю: в субботу танцовали до 5 ч. утра у Оболенских, в понедельник до 3 ч. у Голицыных, в четверг предстоит костюмированный бал у Рябиной,¹ в субботу вечер у Оболенских, в воскресенье званы к гр. Толстому на завтрак, после которого будут танцы, а вечером в тот же день придется плясать у Ф. Голицына («В. Е.», 1875, I, с. 221 — 225). И так всю зиму без перерыва, и все эти балы «так оживлены, что приходится вертеться до изнеможения».²

История бала совсем еще темна. Вероятно, балы в русском великосветском кругу восходят к традиции петровских ассамблей, введенных в плане петровской культпросветработы. Позднее произошла дифференциация на *рауты* (без танцев) и на *балы*. В самом начале XIX в. балы были еще довольно культурным институтом, в частности связанным и с литературой. Записки Жихарева сохранили любопытное литературное состязание, происходившее во время ужина после одного бала в 1805 г.

... «Ужин был человек на сто, очень хороший. . . за одним из маленьких столиков, неподалеку от меня, сидели две дамы

¹ Повидимому, у Рябиной, Прасковьи Николаевны (1793 — 1868), рожд. Горчаковой. Оболенские, Голицыны и Толстые — имена очень распространенные, т. ч. трудно установить, о ком тут идет речь.

² М. Гершензон, Грибоедовская Москва, М., 1914, с. 52 — 53.

и трое мужчин, в числе которых был Павел Иванович Ку-тузов, и довольно горячо рассуждали о литературе, цитируя поочередно любимые стихи свои. Анна Дорофеевна Урбановская, очень умная, бойкая девица... прочитала стихотворение Кольчеза «Мотылек» и сказала, что оно ей нравится по своей наивности и что Павел Иванович такого не напишет. Поэт вспыхнул. «Да знаете ли, сударыня, что я всякие заданные рифмы лучше этих стихов напишу?» — «Нет, не напишите». — «Не угодно ли попробовать?» Урбановская осмотрелась кругом, подумала и, услышав, что кто-то из гостей с жаром толковал о персидской войне и наших пленных, сказала: «Извольте; вот вам четыре рифмы: плен, оковы, безмен, подковы; даю вам сроку до конца ужина». Павел Иванович с покрасневшимся лицом и с горящими глазами вытащил бумажник, вынул карандаш и погрузился в думу. Прочие продолжали разговаривать. Через несколько минут поэт с торжеством выскочил из-за стола. «Слушайте, сударыня, а вы, господа, будьте нашими судьями», и он громко начал читать свои *bouts-rimés*:

Не бывши на войне, я знаю, что есть плен,
Не быв в полиции, известны мне оковы,
Чтоб свесить прелести, не нужен мне безмен.
Падешь к твоим стопам, хоть были б и подковы.

«Браво, браво!» вскричали судьи и приговорили Урбановскую просить извинения у Павла Ивановича, который так великодушно отомстил своей противнице.

Алексей Михайлович Пушкин сказал, что если кузен его, Василий Львович Пушкин, считающий себя первым докою на *bouts-rimés* и экспромты, узнает об этих стихах, то с ним сделаются спазмы, если что-нибудь не хуже, тем более, что Павел Иванович *другой секты в литературе*.¹

Стихи на заданные рифмы, шарады, логогрифы, экспромты, эпиграммы — значительная часть литературного богатства карамзинизма — непосредственно упираются в подобную бытовую обстановку на балу, в гостиной, на дружеской пирושке.² Русская культура начала XIX в. была лите-

¹ С. П. Жихарев, Записки Современника, М., 1890, с. 43 — 45.

² Ср. Ю. Н. Тынянов, Пушкин и архаисты, сб. «Пушкин в мировой литературе», с. 252.

ратурна насквозь, и в этих условиях характерно, что даже светский бал на ряду с литературно-потребляющей функцией (чтение любимых стихов, как вид беседы), создавал также условия для литературного производства.

Другим показателем пропитанности тогдашнего общества литературной культурой являются альбомы светских красавиц. Наши архивы и библиотеки хранят их многие сотни. Некоторые из них были уже опубликованы.¹ На этих пожелтевших листках выцветшими чернилами набросано не мало галантных стихов и комплиментов, показывающих высокое поэтическое мастерство тогдашних кавалеров. Известно, с какою элегантною расписывался в альбомах отец Пушкина, Сергей Львович. Иной раз альбом являет примеры соревнования остроумия, своеобразные стиховые турниры. В альбоме Буниной, например, под стихами некоего Бориса Бланка «Мне ль сметь писать стихи. . .» и т. д. кто-то другой подмахнул:

Кто ж под руку тебя толкал?
Не смеешь — лучше б не писал.²

Подобные стиховые турниры встречаются довольно часто. Недаром Пушкин назвал светские альбомы в Евгении Онегине «мученьем модных рифмачей»:

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстою кистью чудотворной,
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы ей пиши!³

¹ Так, Б. Л. Модзалевский опубликовал альбом П. А. Осиповой («П-н и с.», вып. 1), Комаровской (ib., вып. 11), О. А. Милюковой (Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов., 1910, т. XI), С. Н. Карамзиной («Р. Библ.», 1916, VI) и др.

² Альбом хранится в Пушкинском Доме Академии Наук.

³ Глава 4-ая, с. XXX.

Боратынский тоже подчеркивает состязательный характер альбомных записей:

По замечанью моему
Альбом походит на кладбище?
И не подобно ли ему
Он всем открытое жилище;
Не также ль множество имен
*Самолюбиво испещрен?*¹

Культурное общество начала XIX в. было пропитано литературой насковзь. Поэтому нам нет нужды, по крайней мере для первых десятилетий, строго дифференцировать кружки и салоны того времени на литературные и не литературные. По условиям того времени и той литературы каждый кружок и салон — от разгульного кружка молодых шелопаев до чопорного салона — мог явиться очагом, где выращивалась и распространялась литература.

Большая социальная значимость литературных кружков и салонов первой половины XIX в. может быть подкреплена еще двумя примерами: отношением к ним революционного подполья и николаевской жандармерии. Уже в 10-х годах распространяются в офицерстве тайные политические объединения, выдвинувшие будущих декабристов. Это революционное подполье, конечно, было чуждо чисто литературным задачам. Правда, многие писатели так или иначе соприкасались с ними: Кюхельбекер и Рылеев были активными декабристами, Пушкин, Грибоедов, Катенин и многие другие соприкасались с этим движением слабее. Но это касательство писателей к общественному движению нельзя рассматривать как идеологическую связь между литературными и общественными задачами современности, как это было десятилетием позже. В декабристском движении писатель выступал скорее как гражданин, и в его литературной работе его связь с декабристами выражалась лишь иногда и лишь в новом, гражданском материале, обрабатываемом в той же литературной системе, как и другой, чисто литературный материал. Таким образом, связь писателей с революционерами была более или менее личной связью и не распространялась ни на общественные задачи декабристов, ни на литературные задачи писателей того времени.

¹ Курсив мой. М. А.

И все же мы видим, что декабристское революционное подполье старается вовлечь в свою орбиту и чисто литературные кружки и салоны. Как это установлено Семевским,¹ отдельные члены революционных кружков проникают в совершенно аполитические литературные объединения и, не выдавая своих целей, пытаются направить деятельность кружка в интересах революционного подполья.

Уже не раз высказывались предположения, представляющиеся, впрочем, мало вероятными, что Арзамас распался именно вследствие стремления М. Ф. Орлова, Н. М. Муравьева и Н. И. Тургенева, членов подпольных политических организаций, перевести его на политические рельсы. Когда Арзамас распался, Н. И. Тургенев старался сам организовать кружок и журнал при нем, но из этого ничего не вышло. В 1817 или 1818 г. организуется такой же кружок у Ф. П. Шаховского, тоже скоро прекративший свою деятельность. Ф. П. Шаховской был тесно связан с декабристами. Суд по делу декабристов причислил его только к восьмому разряду, так как последние годы перед взрывом 14 декабря он жил в своем отдаленном имении.² О кружке Ф. П. Шаховского приведем следующее сообщение Б. Л. Модзалевского: «М. А. Фон-Визин, в числе обществ, учрежденных членами Союза благоденствия, упоминает об одном литературном обществе в Москве. Об этом литературном обществе Зубков показал [на следствии], что в 1817 или 1818 г. кн. Ф. П. Шаховской предлагал ему вступить в тайное литературное общество, название которого ему неизвестно, но у которого был писанный устав. «Цель его, — заявил он, — кажется, заключалась единственно в распространении общепользных познаний между членами и в денежных пособиях бедным членам, а средство состояло в переводах на русский язык лучших иностранных книг и некоторых денежных пожертвований». В черновике ответа Зубкова было прибавлено, что члены обязаны были вносить $\frac{1}{10}$ часть доходов и платить штрафы всякий раз, когда не приносили какого-нибудь сочинения или перевода. Глав-

¹ Ср. В. И. Семевский, Очерки по истории идей декабристов, «Р. Б-во», 1908, № 4.

² Ср. Б. Л. Модзалевский, Примечания к Запискам В. П. Зубкова, СПб., 1906, с. 83.

ное упражнение членов состояло в переводе хороших исторических книг и в сочинениях, в стихах и в прозе». ¹

Вот чисто литературный кружок на службе революционного подполья. В 1818 году основывается «Зеленая Лампа», также тесно связанная с декабристами; когда полиция выследила ее, она должна была закрыться. Салон Нарышкиных уже в начале 20-х годов также был втянут в орбиту декабристского влияния; в этом салоне с жаром агитировал Рылеев и, повидимому, настолько успешно, что даже чисто теоретический кружок Любомудров, имевший связи с этим салоном, на время забросил немецкую философию и стал учиться фехтованию и верховой езде, чтоб в случае выступления принять активное участие в восстании.

Стоит задуматься над тем, почему декабристы так настойчиво добивались и проводили свое влияние в литературных кружках и салонах. Не литература привлекала их в этом случае, а большая *социальная* значимость литературных кружков и салонов. Функции литературных организаций, как распространителей декабристских настроений, еще мало изучены, но несомненно, что глубокое сочувствие декабризму, которое мы находим в русском обществе того времени, и тот ореол славы, который на протяжении многих десятилетий окружал его, в некоторой своей части обязаны работе литературных кружков и салонов, втянутых в орбиту революционного подполья.

Отношение тайной полиции к кружкам и салонам также характерно. Их широкое распространение и большой социальный вес не раз заставляли беспокоиться николаевскую жандармерию. Известно, что в связи с восстанием декабристов внимание следственной комиссии долго привлекала «Зеленая Лампа», а Булгарин, по требованию тайной полиции, подробно, хотя неверно, информировал ее об Арзамасе. От страха быть открытыми, самоликвидировались Любомудры. За свой кружок, открытый полицией, Герцен поплатился ссылкой. За принадлежность к кружку Петрашевского, одному из многих революционно-литературных кружков

¹ Ср. *Б. Л. Модзалевский*, Примечания к Запискам В. П. Зубкова, СПб., 1906, с. 3, 43, 49.

конца 40-х годов, несколько человек были приговорены к смертной казни и, испытав предсмертный ужас, прямо с эшафота отправились в Сибирь на рудники.

Во многих неофициальных, домашних кружках и салонах тайная полиция имела своих информаторов, посредством которых узнавала о членах, об их интересах и об их «благонамеренности». Бдительность новосозданного «III Отделения собственной его величества канцелярии», как назывался тогда орган тайного надзора, была особенно остра в первые годы царствования Николая, когда в памяти еще свежо было декабрьское восстание. Жандармский полковник Бибииков доносил шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу осенью 1826 г., когда Пушкин только что возвратился из ссылки в Москву: «Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома кн. Зинаиды Волконской, кн. Вяземского, поэта, бывш. министра Дмитриева, и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются по большей части на литературе».¹ Николай со всем двором поехал в Москву на коронацию. Надзор за «состоянием умов» Петербурга отражается в чуть ли не ежедневных донесениях М. Я. Фон-Фока, адресованных Бенкендорфу, но, как видно из некоторых пометок, читавшихся и Николаем. Тут мы находим много материала, свидетельствующего о том, как внимательно полиция следила за кружками и салонами и отчасти показывающего, какие методы при этих наблюдениях употреблялись. «Во многих кружках упорно продолжают анализировать причины, возбудившие взрыв 14-го декабря».² «Чтоб потешить ваше превосходительство, должен передать, что в небольшом обществе у графини Коновницыной говорили, что вы, ваше превосходительство, и я — мы самые опасные шпионы».³ Иногда подозрительность оказывалась напрасной: «по всем сведениям, полученным до сих пор о происходящих у Мордвинова сборищах, оказывается, что он и его сподвижники не более, как повесы, собирающиеся с единственною целью устраивать оргии. Я слежу за ними очень зорко. Несколько

¹ Б. Л. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, «Былое», 1918, I, с. 31 — 32.

² Письмо от 20 июля 1826 г., «Р. Ст.», 1881, № 9, с. 172.

³ Письмо от 21 июля, *ib.*, с. 175.

дней сряду Мордвинов только и делал, что бегал за публичными женщинами, доходя до проституток самого низкого сорта. Молодой Замятин, вызвавшийся посещать эти собрания, никак не мог застать его дома». ¹ Иногда провокатор не посылался в общество, а сам устраивал салон. Такую роль должен был сыграть некий Нефедьев, живший в Петербурге, но хорошо знакомый с Москвой. «Возвращаюсь снова к вопросу о Нефедьеве. У него дом в Москве и подмосковная деревня; короткие связи почти со всеми жителями столицы, где он не раз живал по-долгу, так что, по приезде в Москву, ему не надо будет устраивать дом и заводить знакомства, а стоит только начать делать приемы. Сообщение биографий разных лиц и донесения о настоящем положении вещей и людей, о полиции и местных властях, — одним словом, обо всем, что может интересовать «надзор», могут быть сделаны Нефедьевым тотчас же по прибытии в Москву со всеми подробностями». ² Салон в роли полицейского агента — вот оружие, которым пыталась овладеть николаевская жандармерия. Нефедьев, как видно, довольно состоятельный человек, хотел получить за это поддержку Бенкендорфа в одном запутанном судебном процессе. Были среди информаторов и люди, сами причастные к литературе, и даже писатели, например, Булгарин, Владиславлев, Висковатов и др. Подозрительность николаевской полиции не была секретом для писателей того времени. О том, как постепенно, после восьмимесячного перерыва, медленно, с опаской стали вновь собираться литературные кружки после декабрьского восстания, мы узнаем опять-таки из полицейской докладной записки Фон-Фока, представленной Бенкендорфу. «После. . . 14 декабря. . . петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления правительства... Литераторы даже избегали быть вместе и только, встречаясь мимоходом, изъявляли сожаление об упадке словесности. Наконец, поступки государя... начали разуверять устрешенных литераторов в ошибочном мнении. . .

¹ Письмо от 5 августа, *ib.*, с. 189.

² Письмо от 17 июля, *ib.*, с. 169.

... В прошлое воскресенье 28 августа давал литературный обед Павел Петрович Свиньин, издатель Отечественных Записок. На сем обеде давно не бывшие вместе литераторы сошлись как давнишние знакомые, но с некоторой недоверчивостью и боязнью. Вино усладило конец беседы, стали вспоминать о прошедшем и положили, чтоб все литераторы с состоянием дали по 2 вечера в зиму для своих собратий и художников. Но сей обед и последовавший за ним вечер был притом несколько холоден по той причине, что на нем люди были из разных литературных партий и откровенность не могла между ними воцариться.

Но дух здешних литераторов лучше всего обнаружился на вечеринке, данной Сомовым 31 августа по случаю новоселья. Здесь было немного людей, но все, что... напутствует мнение литераторов, — журналисты, издатели альманахов и несколько лучших поэтов... Совершенная откровенность председательствовала в сей беседе; говорили о прежней литературной жизни, вспоминали погибших от безрассудства литераторов, рассказывали литературные анекдоты, говорили о цензуре и т. п...»¹

Нас в первую очередь интересует та политическая атмосфера, которая окружала кружки и салоны николаевской эпохи. Негласный надзор не делал большого различия между тайным политическим кружком и кружком литературным, домашним, возникшим, так сказать, самоотечком, не спросив разрешения начальства. Салонам в этом отношении было легче. Более прочное общественное положение их хозяев, большая известность их и обычно более зрелый возраст хозяина дома, — все это несколько успокаивало полицию. Кроме того, она легче могла проникнуть в открытый светский салон, чем в замкнутый, тесный домашний кружок, который поэтому представлялся ей значительно страшнее.

И, наконец, надо иметь еще одно обстоятельство в виду. Кружок представляет большее единство, больший коллектив, чем светский салон. Всякий же коллектив, способствующий развитию общественности, не вмещался в николаевскую систему, и она ставила палки в колеса, как только какой-

¹ Б. Л. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, «Былое», 1918, I, с. 36 — 38.

нибудь кружок должен был получить разрешение начальства. Когда А. В. Никитенко, которого никак нельзя было заподозрить в антиправительственных помыслах, попытался учредить в Москве студенческий кружок типа кружка Раича для чтения произведений и для переводческой деятельности, он сейчас же встретил затруднения. В его дневнике мы находим следующую запись об этом:

[1827, 23 марта.] «Давно занимает меня следующая мысль. Я желал бы подвигнуть моих товарищей на серьезные занятия литературою: пусть бы они писали сочинения и упражнялись в переводах, лучшие из которых в конце года издавались бы в свет. Между товарищами моими многие к тому способны. Попечитель сочувствует моей мысли и одобряет ее. Но осуществление ее, тем не менее, обставлено большими затруднениями. У нас ныне подозрительно смотрят на все, что делается соединенными силами и имеет хоть тень общественного характера. Я, в начертанном мною плане, старался избежать всего, что напоминало бы такой характер, но не мог однако умолчать о необходимости студентских собраний, в которых сочинители и переводчики, взаимно разбирая и критикуя свои произведения, могли бы совершенствоваться в отечественной словесности. Надо просить позволения у совета университета». ¹

Тут самое необходимое в кружке, его заседания, его коллективная работа хотя бы в области чисто литературной, вызывали возражение со стороны начальства. Кружки и салоны, как формы некоторого объединения, были окружены в николаевскую эпоху системой шпионажа, провокации, запрещения. Против них боролись, — значит, они были сильны. Все эти цитаты, число которых можно было бы значительно увеличить, говорят о том, что кружки и салоны были в определенную эпоху крупным общественным фактором. Революция и реакция с одинаковым вниманием относились к ним. Это можно понять только, если учесть, что по общим условиям того времени, при мало развитой прессе и при небольшом ее удельном весе в обществе, функцию распространения идей выполняли кружки и салоны, места встреч тогдашнего культурного общества. Иметь кружки и салоны

¹ А. В. Никитенко, Записки и дневник, СПб., 1893, т. I, с. 220.

на своей стороне — значило в то время иметь сильное влияние на русскую общественность. Борьба декабристов с правительством происходила не только на Сенатской площади, но и в десятках отдельных кружков и салонов: это была борьба за рост и оформление русской общественной мысли. По всем данным, мы имеем тут дело с объединениями, игравшими крупную социальную роль. Общественная координата интересующей нас области нами уже найдена. Обществовед лучше историка литературы объяснит, почему николаевская государственная система так последовательно убивала каждое проявление общественной инициативы, почему она должна была искать себе поддержку не в широких кругах общества, а в корпусе жандармов и огромной бюрократической машине. Обществовед мог бы показать на материале значительно более обширном, чем материал историка литературы, в чем выражалась общественная функция кружков и салонов и какие явления социальной жизни можно рассматривать как результаты их работы. Историк же литературы может ограничиться установлением их общественной координаты и заняться более специальным вопросом об отношении кружков и салонов к литературной эволюции. Попробуем же определить и литературную координату наших объединений.

Но раньше мы должны дифференцировать материал. В мемуарной литературе, основном источнике изучения интересующей нас области, мы встречаем очень много названий, так или иначе соприкасающихся с нашим материалом. Кружки, салоны, общества, собрания, вечера, сходки («сборища», в терминологии тайной полиции), обеды, юбилеи, книжные лавки, где толкуются писатели, клубы и кофейни, где они бывают, публичные и домашние чтения, где они выступают со своими произведениями, — вот ближайший круг объединений, с которыми нам приходится иметь дело. Кружки и общества в современном понимании этих слов различаются по своим размерам, по удельному весу, по своему официальному или неофициальному характеру. Самые наименования крупных советских обществ, как МОПР, ОДН, ОДР и др. до сих пор сохраняют основное значение *общества*, хотя формы их, представляющие сложную систему разветвлений с организационными центрами, уже значительно изменились, по сравнению с обществами начала XIX в., и, например, регулярные заседания какого-нибудь такого советского общества в целом просто невозможны. Литературные официальные объединения в наши дни предпочитают понятия «федерации» или «ассоциации»: Федерация советских писателей, ВАПП, ЛАПП и др. выросли на этой основе. В ранних мемуарах под обществом разумеют также и кружок, т. е. небольшое, обычно приятельское объединение, собирающееся где-нибудь на дому, не зарегистрированное в соответствующих инстанциях, но обычно имеющее, — особенно в пределах первой четверти прошлого века, — свой устав и ведущее протоколы своим заседаниям. Эта формальная сторона домашних кружков очень скоро изжила себя, повидимому, именно вследствие своей формальности, угрожавшей членам интимного кружка крупными неприятностями со стороны полиции. Если подчеркнуть регулярность происходящих заседаний кружка или общества, то мы получим понятие «собрания», например, «Собрания Воспитанников Университетского Благородного Пансиона». Собрания ничем существенно не отличаются от кружков и обществ. В ранние эпохи под собраниями разумели и французское понятие *seigne*, т. е. и кружок и клуб. В значении клуба мы

находим это слово в названиях «Московское Благородное Собрание», «Офицерское Собрание» и др.

Кружки, общества и собрания замыкают, таким образом, первый концентр нашего материала. Самым основным в этой группе является ее регулярный, организованный и целеустремленный характер. Современные советские общества, революционные организации в эпоху царизма, вплоть до тайных обществ на заре XIX в., из которых позже вышли декабристы, и марксистские революционные кружки накануне революции, — все это дает понятие о том, что кружки и общества возникают не случайно, а что они организуются и притом очень отчетливо осознают свои задачи и цели, достигнуть и разрешить которые они стремятся. Что касается до чисто литературных кружков, то и тут история литературы показывает нам, как вместе с изменениями литературных задач изменяются и круг интересов, и цели, и направление, и даже до известной степени структура кружка.

Ниже нам придется подробнее остановиться и на самой связи кружков и салонов с современной им литературой, и на характере этой связи. Теперь же коснемся лишь одной существенной черты литературной эволюции, которая позволит нам еще более дифференцировать материал. В понимании старого литературоведения эволюции литературы почти не существовало. Это был мирный переход от одного писателя к другому, от одной исторической эпохи к другой. Литература расценивалась не годами, а столетиями. Литература эпохи ренессанса противопоставлялась литературе средних веков, которая в свою очередь противостояла всей античной литературе. У нас также противопоставляли литературу до-петровскую литературе XVIII в., которая в свою очередь противостояла XIX в.

В действительности же литературная эволюция совершается значительно быстрее. Только при тех грубых средствах изучения литературы, которыми обладала старая наука о литературе, нельзя было видеть перманентной литературной эволюции, в результате которой литература в течение нескольких лет претерпевает радикальные изменения. Так, в наши дни головокружительный успех мемуарной литературы, изменившей отчасти и литературную продукцию сегодняшнего дня, может быть датирован очень отчетливо выпуском

воспоминаний Авдотьи Панаевой в издательстве Academia (1927). Когда через месяц после выпуска книги потребовалось второе издание, стало ясно, что книжный рынок требует литературного быта, и наши издательства стали наперебой переиздавать воспоминания, записки, дневники и переписку, и выпустили специальную газету «Читатель и писатель», посвященную литературно-бытовым вопросам сегодняшнего дня. Так возник и новый литературный жанр монтажей, посвященных крупным писателям нашего литературного прошлого: «живой Пушкин», «живой Толстой», «живой Чехов» уже вышли; «живые» Тургенев и Достоевский готовятся к воскрешению. Жанр монтажа, как явление литературной эволюции, вызвавшее значительное оживление на нашем книжном рынке, возник не в столетиях, а на наших глазах. Чем внимательнее мы изучаем литературу, тем яснее становится, что каждые несколько лет литература основательно перестраивается, что каждые несколько лет возникают новые литературные отношения, новые задачи и цели литературного труда.

Организуемые для разрешения определенных очередных задач, изменяющиеся сообразно со своей функцией в ту или иную эпоху, кружки обычно уже очень скоро вступают в стадию своего умирания. «Дружеское Литературное Общество», как назывался Тургеневский кружок, существовало лишь несколько месяцев; Арзамас, основанный осенью 1815 г., дотянул лишь до осени 1817 г., хотя его отдельные заседания продолжались до конца 1818 г. Любомудры также существовали только около 3 лет. Создается представление, что кружок является как бы кратковременной организацией того литературного молодняка, который, не удовлетворяясь официальной общепринятой литературой взрослых, пытается разрешить литературные вопросы по-своему. Конечно, понятие «взрослых» и «молодых» не следует понимать дословно, хотя литературных революционеров в первой половине XIX в., за немногими исключениями, составляла молодежь.

Над этой недолговечностью кружков надо задуматься. Если кружок так недолговечен, — спросим мы себя, — если он легко и свободно возникает, чтоб так же быстро исчезнуть, то не следует ли историку литературы обратить особое вни-

мание не на кружки, а на литературные общества, возникающие не так легко и значительно более долговечные? Ведь живет же Общество Любителей Российской Словесности уже 117 лет, в течении которых были, правда, и мертвые десятилетия, но все-таки это одно общество, с единой историей, с сотнями подчас очень славных имен! Быть может, устойчивость такого общества покоится на более значительных литературных посылках, быть может, оно исполняет более значительную литературную функцию? Ведь если Общество Любителей Российской Словесности прожило 117 лет, значит это было литературе нужно?

Как ни легко и удобно работать над историей таких официальных обществ, благодаря тщательно сохранившимся и отчасти публикуемым материалам о них, и как ни соблазнительно поэтому оправдать свою работу над ними подобными умозаключениями, все же нельзя не видеть в этой устойчивости и обратную сторону медали. С. С. Уваров, плохой министр народного просвещения, но человек с хорошим литературным вкусом, освященным еще Арзамасом, в своих «литературных воспоминаниях», высказал очень здравую мысль о сравнительной значимости официальных обществ и дружеских, домашних литературных кружков и салонов. «... Заметим, что частные, так сказать, домашние общества, — писал он, — состоящие из людей, соединенных между собой свободным призванием и личными талантами и наблюдающих за ходом литературы, имели и имеют не только у нас, но и повсюду, ощутительное, хотя некоторым образом невидимое влияние на современников. В этом отношении академии и другие официальные учреждения этого рода далеко не имеют подобной силы. Такие официальные учреждения не дают знаменитым писателям, а частью заимствуют от них жизнь и направление. Французская академия при Людовике XIV, едва вышедшая из рук Шапелена, подчинилась влиянию Буало и его друзей и чрез это, косвенно, видам *Великого короля*. При Людовике XV Французская академия не переставала действовать в духе Вольтера и его многочисленной школы. Гораздо более самостоятельности являлось в салонах герцогини Дю-Мень, г-ж Дюдефан, Леспинас, Жофрень и других. В этих салонах происходили все перевороты во вкусе и в литературных произведениях.

Фонтенель, Вольтер, Даламбер, Дидерот, Лагарп, Мармонтель и другие почерпали тут мысли и вдохновение, блистали красноречием и остроумием и искали гораздо более одобрения этого избранного общества, чем похвал и лавров академических. Критика этих остроумных женщин была для них страшнее всякой другой критики. Великие поэты Италии образовались также в пышных чертогах владетельных особ и там находили свой ареопаг. Скромные, незаметные беседы во Франкфурте нескольких молодых людей, собиравшихся вокруг молодого Гёте, произвели повсеместный переворот в языке и словесности Германии». ¹

Та же мысль проскальзывает порою у современных литературоведов, хорошо знакомых с литературной обстановкой начала XIX в. ²

Домашние кружки, возникающие свободно и не сдержанные инерцией официального существования, в меньшей степени обязаны посторонним факторам и в большей степени посвящены литературе. Они сами создают литературу, в то время как официальные общества ею питаются. К этой уваровской мысли примкнем и мы.

Салоны более живучи, чем кружки. Сплошь и рядом мы сталкиваемся с салонами, охватывающими несколько десятилетий. Салон Ф. П. Толстого, известный в 30-х годах и продолжавшийся, повидимому, и позже, был основан в 1809 г. Салон Одоевского, основанный в 20-х годах, просуществовал до конца 60-х. Салон Карамзиной охватывает период около 25 лет. Конечно, в течение такого сравнительно большого количества времени литература значительно изменяется, перестраивается, прежние интересы ее отходят в область преданий, и возникают новые интересы, обычно холодно встречаемые представителями старой литературы. Поэтому в жизни салона можно всегда выделить период, в которой он наиболее деятелен, и другие периоды, когда он ограничивается одним лишь ставшим уже привычкою наблюдением за интересующей его областью.

Салон более, чем кружок, связан с бытовой обстановкой эпохи,

¹ А. В. [С. С. Уваров], Литературные воспоминания, «Совр.», 1851, т. XXVII, № 6, отд. II, с. 41.

² Ср., напр., Ю. Верховский, Поэты пушкинской поры, М., 1919, Введение. с. 4.

потому что в нем нет твердо фиксированного состава посетителей и нет обязательности его посещения. Тут формы значительно более свободны, чем в кружке. В практике обществ часто наблюдается требование обязательного посещения заседаний. Индифферентизм к работе общества или кружка, непосещение его заседаний без уважительных причин обычно влечет за собою исключение из числа членов. Если эти требования в начале XIX в. были значительно менее резки, все же они были. В салоне же собираются люди из круга, раз навсегда введенного в дом хозяина; но состав салона в каждый вечер определяется личным желанием, личным интересом, волею, но не обязательством. Обязательности посещения салона принципиально не существует.

Другой характерной чертой салона является наличие *золея*. Это сказывается на характере салона в том отношении, что контингент посетителей далеко не всегда объединен общностью интересов, подобно членам кружка. Тут появляются на сцену и семейные связи, и положение в свете, и всякого рода случайные знакомства. Таким образом, в наиболее ярких литературных салонах появляются люди, чуждые вопросам и интересам салона. Зато иногда литературные интересы так тесно сковывают небольшое ядро салона, что он несколько приближается по своему типу к литературному кружку. Таков, например, салон А. О. Смирновой.

Литературные функции кружков и салонов также различны. Кружок больше связан с писателем, салон — с читателем. Участие в салоне лиц, не связанных с литературой непосредственно, облегчает ему работу по распространению идей и вкусов, по внедрению их в общество. Если кружок поможет нам осветить вопросы литературного производства, то салон осветит нам вопросы литературного потребления.

Салоны работают двояко: в заранее твердо фиксированные дни недели или просто по вечерам. К первому типу относится салон В. Ф. Одоевского (субботы), ко второму — салон Е. А. Карамзиной. С этим первым типом салонов уже во второй половине 20-х годов начинают конкурировать «вечера», часто просто обозначаемые днями недели, в которые происходили собрания: таковы среды и воскресенья Плетнева, среды Кукольника, четверги Греча, пятницы Никитенки, Жуковского и Воейкова, субботы Аксакова и множе-

ство других. Эти вечера первоначально отличались от салонов своим более демократическим составом посетителей. Тут встречались не писатели с аристократией, как у Одоевского, и не писатели-аристократы, как у Карамзиной, а просто писатели с писателями и художниками. Этот более замкнутый круг профессионалов predetermined и дальнейшую историю этих вечеров. Из них развились позже редакционные собрания журналов, домашние, а позже публичные чтения, еще позже писательские профсоюзные организации (Литературный фонд и другие).

Таким образом, кружки, салоны и вечера, как регулярные формы писательских объединений, близко соприкасаются друг с другом и в некоторые эпохи, например, в эпоху упадка их в конце 40-х годов между ними уже трудно провести границу.

Менее важны объединения нерегулярные, случайные и эпизодические. В 60-х годах, например, практиковались нерегулярные, публичные и домашние *чтения* писателями своих произведений; эта традиция сохранилась отчасти до сих пор. Как правило, на этих чтениях произведения не разбираются, не обсуждаются, и, таким образом, подобное чтение ничем существенно не отличается от живого альманаха. Цель подобных чтений — очень часто благотворительная — тоже отличает их от общей массы кружков и салонов.

К тому же типу эпизодических объединений отнесем и торжественные обеды в честь того или иного лица или в честь какого-нибудь события; сюда же попадут и писательские юбилеи и все вообще собрания писателей, вызванные какими-либо эпизодическими событиями. Разумеется, и эта группа объединений часто дает историку литературы чрезвычайно ценный материал. Так, юбилей Блудова, на котором вспомнили про Арзамас, повлек за собой изучение этого кружка. Характерны и юбилеи ранних писателей, например, Погодина и Вяземского, к моменту юбилея совершенно оторвавшихся от современной литературы, застывших на старых позициях и враждебно встреченных молодежью.

Кружки сами по себе не знают традиции. Они организуются по очередным задачам литературы. Глубоко неправы те из исследователей, которые стремятся установить традицию Арзамаса, изучая «Дружеское литературное общество» или даже немецкий *Sturm und Drang*: дальше аналогий они не пойдут. Дело в том, что вместе с изменением литературной системы изменяется и литературная функция кружка, изменяется определяющая его *целеустремленность*. Не в прошлом, а в настоящем следует искать ключа к кружку, в литературной системе данной эпохи, в соотношении производственных сил данных литературных партий. Если в самой литературе понятие традиции играет некоторую роль, то в вопросах литературного быта значимость традиции чрезвычайно низка. Издатель, цензор и журналист руководствуются в своей работе не традицией своей профессии, а обстоятельствами, лежащими к ним значительно ближе. Поэтому и возникновение в России литературных кружков не следует ставить в связь с теми или иными явлениями западно-европейского быта.

Иное дело — салоны. Удельный вес литературы в культурных запросах данного общества зависит от общего характера данной культуры. Потребление литературы в своем домашнем быту, так сказать, внедрение литературы в общественный быт русского культурного общества, может быть связано с общей традицией русской культуры, в силу известных исторических условий подвергавшейся сильному влиянию Запада.

В Европе салоны распространились из Франции, где они восходят еще к XVI в. В XVII в. мы имеем там уже целый ряд блестящих салонов Рамбулье, Поле, Бурдонне, Скюдери и др. В салоне Рамбулье, например, «беседовали о литературных новинках, упражнялись в импровизации мадригалов и сонетов, слушали чтение новых произведений, вели живой и остроумный разговор и, наконец, просто развлекались и веселились». В честь дочери хозяйки дома, красавицы Julie, в 1641 г. посетители салона выпустили сборник «Guirlande de Julie» с 29 рисунками различных цветов и 62 мадригалами, написанными 19 посетителями салона. Mlle de Scudery, бывавшая в этом салоне, основывает позже свой собственный салон, в котором читаются и обсуждаются литературные произведения и ведутся беседы на злободневные

темы. В XVIII в. многие салоны приобретают крупное политическое значение, и в некоторые эпохи правительство начинает с ними бороться. Тут характерен салон Граммон, с большим вниманием следящий за государственными делами. Литературным интересам были посвящены упоминаемые Уваровым в приведенной ранее цитате салон Дюдефан и родившийся из него путем почкования салон компаньонки и лектрисы слепой Дюдефан — Леспинас.

К эпохе французской революции салоны, помимо литературы, заняты и вопросами политики. Таков, например, салон Неккера, финансового деятеля и министра Людовика XVI. Тут встречались Бюффон, Мармонтель, Дидро, Лагарп, д'Аламбер и др., сюда же приходили и общественные деятели, как Кондорсе, Сийес, Талейран и др. С этим салоном, несомненно, связана и дочь Неккера, впоследствии знаменитая мадам де Сталь. Когда наступила революция и Неккер бежал из Парижа, основывается салон самой мадам де Сталь, сначала в Париже, а с ее отъездом — в замке Коппе близ Женевы. Тут можно встретить всех выдающихся деятелей эпохи директории: Бенжамена Констан, Талейрана, Карно и многих других. Позже, уже в XIX в., из многочисленных салонов выделяется салон мадам Ансело, преданный литературным интересам, объединявший лучших писателей времени — Виктора Гюго, Альфреда де Виньи, Шатобриана, Эмиля Дешана и других, и пользовавшийся таким весом, что с ним считается Академия. Салон Рекамье известен в то время так, что некоторые русские мемуаристы пользуются его именем в качестве украшающего эпитета при изображении особо выдающихся русских салонов.

Дальше за французскими салонами следить не будем.¹ В Германии салоны появляются не ранее второй половины XVIII в., т. е. также заносятся туда из Франции. Примерно к середине XVIII в. относится и образование салонов, а также и литературных кружков у нас.

Уже в 30-х и 40-х годах XVIII в. мы находим интимные литературные кружки. Так, есть сведения, что в Сухопутном шляхетном корпусе, в бытность там молодого А. П. Сумарокова, т. е. в 30-х годах XVIII в., воспитанники читали

¹ См. также Feuillet de Conches, *Les Salons de conversation* etc. P. 1882.

друг другу свои литературные сочинения и переводы и что Сумароков назвал их «Обществом Любителей Российской словесности». Из этого кружка вышли известные впоследствии И. П. Елагин, И. И. Мелисинно, А. П. Мельгунов и др. К 50-м годам относится основание салона Ивана Ивановича Шувалова (1727 — 1797). Салон Шувалова посещали и Ломоносов и Сумароков, к концу века тут бывали Державин, Оленин, Шишков, Дашкова, Козодавлев, Дмитриев и др. В этом салоне ярко отражались литературная борьба и литературный быт того времени. В угловой гостиной Шувалова, во дворце, схватывались Ломоносов и Сумароков, и просвещенный меценат, стоящий над литературными партиями, стравливал их себе на потеху и в равной мере поддерживал обоих. Сюда же, в надежде заполучить лишнего «субскрибента», являлись издатели нищенских журналов XVIII в., быстро возникавших, чтоб также быстро исчезнуть.

Десятилетием позже мы встречаем новый литературный кружок студентов Московского университета, группировавшихся вокруг Хераскова. Кружок этот издавал журнал «Полезное увеселение» (декабрь 1760 — июнь 1762) и «Свободные часы» (1763). В 1771 году Херасков переселился из Москвы в Петербург, и вокруг него снова собирается тот же кружок. В новом петербургском кружке мы снова находим Богдановича, Фон-Визина, Домашнева, Ржевского и других.¹ Этот петербургский кружок снова издает журнал под характерным названием «Вечера», в котором мы находим даже любопытное и показательное свидетельство о нем: «Мы все составляем небольшое общество, сие общество вознамерилось испытать, может ли благородный человек один вечер в неделе не играть ни в вист, ни в ломбер, и сряду пять часов в словесных науках упражняться. Многие из нас о том уже начали сомневаться, и как таковые мнения во светских беседах весьма прилипчивы, так опасно, чтоб и все мы сею мыслию не заразились и тем бы наши труды не пресеклись. Читатели! ежели вам полюбятся наши сочинения, желайте, чтобы не совершились наши подозрения, и чтобы в подлинну

¹ Ср. *Н. Колупанов*, Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. I, с. 28 и 109 сл. Ср. также *М. Пыляев*, Старая Москва, с. 23 — 24.

всему человеческому роду в том не утвердиться, что благо-рожденный человек целый вечер без игры пробыть не может». ¹ Тут тонкий сатирический выпад против пустоты светской знати использован как своего рода журнальная реклама. Об «упражнениях в словесных науках» на еженедельных заседаниях Херасковского кружка сохранил любопытное свидетельство М. А. Дмитриев. «У Хераскова собирались по вечерам тогдашние московские поэты и редко что выпускали в печать, не прочитавши предварительно ему. Дядя мой [поэт Ив. Ив. Дмитриев] говорил, что по большей части похвала Хераскова ограничивалась словами: «гладко, очень гладко!». Гладкость стиха почиталась тогда одним из первых достоинств . . . ; но во времена Дмитриева, Жуковского, Батюшкова это было достоинством второстепенным». ² Это «гладко, очень гладко!» есть начало новой критики. Поэты XVIII в. умели писать прекрасные стихи, разбирались во всех тонкостях риторики и стилистики и так детально разработали литературный язык, что выражали малейшие оттенки мысли путем особого стилистического подбора слов. Но эти поэты в нашем смысле не имели критики. В этой литературе стиль каждого слова был раз навсегда закреплен за определенным жанром; жанр определял и тематику поэзии, и стиль, и ритм. Поэтому, при тогдашней профессиональной грамотности поэтов, при соответствии теоретического задания его реальному выполнению, критику нечего было сказать о каждом данном произведении. Любопытно, что то же затруднение мы встречаем и в Новиковском кружке, основанном в 1779 г. Мы не будем останавливаться на этом интереснейшем кружке, приведем лишь одну цитату, иллюстрирующую его критическую беспомощность:

«Когда Херасков издал *Россиаду* [1779 г.], общество Новикова, состоявшее большею частью из друзей и почитателей первенствовавшего тогда поэта [Хераскова], вознамерилось написать разбор его поэмы: разумеется, выставить ее лучшую сторону. И что же? Избранные им сочинители неоднократно собирались в дом Новикова. Писали, чертили,

¹ «Вечера», еженедельное издание на 1772 г. В Санктпетербурге, с. 6.

² М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 30.

переправляли и, наконец, при всем своем усердии сознались в своем бессилии и предоставили этот труд совершить немцу, директору Казанской гимназии. Юлий Иванович Фон-Каниц... самопроизвольно сочинил на немецком языке этот разбор и поместил его в Рижском журнале. Тогда готчас поспел перевод и напечатан в С.-Петербургском вестнике, которого издателем был г. Брайко, чиновник Иностранной коллегии. Это я слышал от самого члена общества, Ивана Петровича Тургенева». ¹

В условиях литературы того времени, строго определившей функции всех элементов стиха в соответствии с данным поэтическим жанром, было совершенно естественно, что индивидуальные вариации выражались главным образом или в выборе жанра, или в большем или меньшем версификационном искусстве. Херасковское «гладко, очень гладко!» — оценка для того времени чрезвычайно характерная. Вспоминая о первых шагах своей поэтической деятельности, И. И. Дмитриев так говорит о задачах, которые он себе ставил: «Вся моя работа была только в том, чтоб стихи мои были менее шероховаты, чем у многих. Одну только плавность стиха и богатую рифму я считал красотой и совершенством поэзии. Но в то время у нас едва ли не так же думали не только читатели, но и самые первостепенные стихотворцы». ²

Приблизительно к этому же времени относится образование салона Державина, собиравшегося, кажется, по воскресеньям. ³

Критическое направление этого салона тоже бросается в глаза. «Обыкновенно общество Державина составляли: И. Ф. Богданович, А. Н. Оленин, Николай Александрович Львов, Федор Петрович Львов, П. Л. Вельяминов и В. В. Капнист, когда он приезжал из Малороссии... Все это небольшое дружеское общество Державина отличалось просвещением, талантами, вкусом, любовью к художествам, к музыке и вообще к изящному. До 1782 г., т. е. до отъезда своего в Смирну, к нему же принадлежал и Хемницер, который много обязан ему чистотой слога своих басен, особливо Оле-

¹ И. И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, 1866, с. 83 — 84.

² *Иб.*, с. 91.

³ Ср. «Братчина», Учено-литературный сб., СПб., 1869, вып. I, с. 115.

нину и Н. А. Львову. Они строго разбирали его погрешности, советовали и даже с его позволения поправляли слог его. Хемницер прошел чрез сильное чистилище.¹

Позже в Державинский салон вошли А. С. Шишков, Д. И. Хвостов, А. С. Хвостов, А. А. Шаховской, С. А. Шихматов, настолько владевший версификацией, что не употреблял глагольных рифм, за что и прозван был безглагольным,² — словом, мы встречаем тут ту литературную группу, которая позже образовала «Беседу Любителей Российского Слова», а в наши дни удачно названа архаистами.³

Салон Державина существовал, повидимому, до его смерти в 1816 г. Тут чрезвычайно характерно свидетельство об исправлении стихов Хемницера (без обычного в таких случаях негодования на непрошенных редакторов). Методы критики и исправлений в этом кружке можно изучить довольно подробно путем изучения методов критики его главных участников. В 1807 г. в Петербурге организовались литературные субботы, предтечи будущей Беседы Любителей Российского Слова, причем довольно определенный состав их участников собирался поочередно у Державина, Шипкова, Захарова и А. С. Хвостова — все видных посетителей и Державинского салона.

Деятельный участник этих суббот, Жихарев, подробно заносил в свой дневник разговоры и отзывы о стихах, читанных на этих субботах. Таким путем можно установить методы критики, господствовавшие как на этих субботах, так и в Державинском салоне.

В субботу 9 февраля 1807 г. среди прочих авторов прочел свое стихотворение и Ф. П. Львов. «Ф. П. Львов прочитал стишки свои к «Пеночке», написанные хореем довольно легко и с чувством:

Пеночка моя драгая,
Что сюда тебя влекло?

¹ М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, с. 37—38. Состав посетителей — ср. также И. И. Дмитриев, Взгляд на мою живнь, с. 57, 60, 61 и др.

² Ср. М. Дмитриев, Мелочи и пр., с. 225.

³ Ср. Ю. Н. Тынянов, Пушкин и архаисты, сб. «Пушкин в мировой литературе», Л., 1927; о посетителях ср. А. В. (С. С. Уваров), Литературные воспоминания, «Совр.», 1851, № 6, отд. II, с. 38—39.

Легкое твое крыло,
Чистый воздух рассекая
и проч.

Но эти стишки возбудили спор. Кикин ни за что не хотел допустить, чтоб в легком стихотворении к птичке можно было употребить выражение *драгая* вместо *дорогая* и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступились Карабанов и другие; но Захаров порешил дело тем, что слово *драгая* вместо *дорогая* и в легком слоге может быть допущено так же, как и слова *возлюбленный* и *драгоценный* вместо *любезный* или *любезнейший*... Но что касается до выражения *крыло* вместо *крылья*, то по совести надлежало бы изменить его, потому что птица может рассекать воздух только двумя крыльями, а на одном в воздухе даже держаться не может». ¹

В следующую субботу разыгралась аналогичная сценка: «... Конечно, мне удалось и поужинать, и прочитать стихи свои «К деревне»:

Деревня милая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь под кров счастливый твой?

но за это и выслушать получасовое замечание... о том, что эпитет *милая* не у места и может прилагаться только к одушевленным предметам, как, например, к другу, к женщине, к ребенку и проч.; что нельзя также сказать, обращаясь к деревне: *когда я возвращусь под кров твой*, потому что деревня слово собирательное и хотя состоит из *многих кровов*, но сама по себе кровом назваться не может, но что, впрочем, очень легко исправить эти стихи следующим образом:

Деревня тизия, о хижина *драгая*...

Все замечания были в том же роде; но никто не заметил мне того, что я заметил сам себе, т. е. что стихи мои не заключают в себе ничего, кроме одного набора слов, и что в них нет ни одной мысли, на которой бы остановиться можно было; они похожи на какую-то жижу, смесь воды с каплею меда: пить не противно, но и вкуса никакого нет». ²

¹ С. П. Жихарев, Записки современника. Дневник чиновника, «Р. А.», 1891, I с. 299.

² Там же, с. 310.

Мы видим, что критика на этих субботах движется по двум направлениям: по стилистическому соответствию языка выбранному жанру и — довольно грубо — по соответствию поэтического словоупотребления общезыковому. Этот упор на язык произведения в кружковой критике чрезвычайно характерен для литературы того времени. Ведь и борьба Шишкова с Карамзиным, начавшаяся в 1803 г., была борьбою за язык, с точки зрения литературных систем XVIII в. подлежащий дифференциации по стилям, а с точки зрения Карамзина никакой дифференциации не подлежащий.¹ Нападки на сентиментально-народное стихотворение Львова и на карамзинистское стихотворение Жихарева в этом отношении примечательны. Тут сказывается уже двойственность литературных систем. Поправки Захарова, несомненно, испортили бы данные стихи, так как строятся на другой основе. Другое дело с Хемницером. Тут была твердая договоренность о жанре басни, о языке басни, о функции басни и т. д. и исправления тут — исправления имманентного характера, подобные исправлениям работы новичка опытным мастером цеха.

Помимо этого коллективного контроля над творчеством отдельных членов Державинского салона, тут любопытна еще связь между салоном и песенной сентиментально-народной литературой, разрабатывавшейся ее характернейшими представителями (Львовыми, Вельяминовым и др.) и заметной струей вошедшей в русло архаической литературы. Литературное значение этой струи станет понятно, если вспомнить, что она приведет, наконец, к Кольцову. Изучить влияние Львовых и Вельяминова на творчество старика Державина можно лишь, учитывая роль Державинского салона, где поэты непосредственно сталкивались, где беседы вертелись вокруг литературы, где создавалась тесная, дружеская литературно-бытовая обстановка. Трудно без специального анализа сказать, какими этапами развивалась эта струя, насколько важна для нее горацянская и анакреоптическая поэзия конца XVIII в., но несомненно, что в распро-

¹ Карамзинизм тем не менее не отрицал литературной жанровости. Жанры должны были определять лишь степень «украшений» (метафор, эпитетов, перифраз и проч.) в одном и том же языке. Ср. А. Скворцов, Сокращенный курс русского слога, М., 1797 (курс В. С. Подшивалова).

странении ее значительную роль сыграл салон самого Державина.

К 70-м и 80-м годам XVIII в. относится также образование и ряда официальных литературных обществ, как «Вольного Собрания Любителей Российского Языка» (1771 — 1787), «Собрания университетских питомцев», организованного в 1781 г. при ближайшем участии мартиниста и деятельного члена Новиковского кружка проф. Шварца, наконец, «Собрания воспитанников Московского Университетского Благородного Пансиона», учрежденного студентом В. А. Жуковским в 1787 г. Тут же следует назвать и «Общество российских писателей», любопытный неосуществившийся проект Богдановича, и «Общество, старающееся о переводах книг» Екатерины II. На этих обществах мы останавливаться не будем. Мы пройдем также мимо распространенных в это время масонских лож, требующих специального изучения, и разного рода «веселых кружков», вроде «Галеры».

Итак, кружки и салоны XVIII в. любопытны с нескольких точек зрения. Тут мы встречаемся с типом «просвещенного мецената», вроде Шувалова, стоящего вне литературной борьбы и покровительствующего враждующим литературным партиям своего времени. Роль мецената в русской литературе еще совсем не изучена. А она, вероятно, очень значительна, особенно в те эпохи, когда литература не вошла еще в обиход, еще не сделалась предметом литературного спроса и нуждается в некоторой моральной или материальной поддержке. В XVIII в., при малоразвитой книжной индустрии, меценат брал на себя материальную поддержку писателя, путем ли прямых субсидий или путем подарков, или, наконец, путем искусственного создания спроса на изданные его произведения. Так, крупнейший литературный меценат второй половины XVIII в., Екатерина II, закупила множество экземпляров Державинской «Фелицы» и пропагандировала ее среди своих приближенных. Многие посвящения книг высокопоставленным лицам, вплоть до императоров, нельзя рассматривать исключительно как знак уважения, почтения, внимания к данному лицу; тут скрывалась и довольно некрасивая подкладка: за таким посвящением обычно шло попрошайничество. Русские императоры вплоть до середины XIX в. очень любили играть роль просвещенных меценатов,

и нередки случаи, когда за посвященную царю книгу автору «жаловались» бриллиантовые перстни, дорогие табакерки или даже просто деньги. В николаевскую эпоху это средство авторов пользоваться помощью меценатствующего монарха так распространилось, что на посвящение книги царю требовалось особое его разрешение, добываемое через III Отделение.

Меценатство многообразно и изменчиво. Незадолго до революции роль покровителей литературы и искусств любили играть московские купцы. Большинство их не имело при этом собственных литературных и художественных вкусов и всецело полагалось на окружавших их литераторов и художников, сбывавших им модернистские произведения в эпоху, когда на художественном рынке спроса на них не было, и основывавших на их средства журналы и издательства, рассчитанные на ежегодную дотацию. Поскольку каждая новая литературная система, прежде чем она дойдет до широких кругов потребителей, обеспечивающих ей своим спросом материальную возможность существования, должна пережить своеобразный «детский возраст», поскольку далеко не все в искусстве тем значительнее, чем большим рыночным спросом оно обладает, постольку нельзя отрицать за меценатствующими миллионерами Москвы крупного значения в деле помощи литературному символизму и некоторым футуристическим течениям живописи. Следует при этом отметить, что низкое художественное образование этих купцов и своеобразная конкуренция между отдельными торговыми фирмами обеспечивали художникам и литераторам их полную моральную независимость. Не понимая в искусстве ничего и поэтому им не удовлетворяясь, купцы руководствовались в своем меценатстве отнюдь не эстетическими соображениями: тут играла роль мода, стремление заставить о себе говорить, сомнительное удовольствие видеть свое имя на обложках непонятных книг и журналов. Но было бы, конечно, ошибкой распространять эту художественную безграмотность на всех решительно меценатствующих купцов. Отдельные лица, как Рябушинский, Морозов и др., обладали большой художественной культурой.

Если меценатство, весьма значительное литературно-бытовое явление, встречается нам впервые в XVIII в., то там же

мы встречаем и своеобразные явления книжного рынка, жалкую участь тогдашних журналов, своеобразное положение литературы в культуре образованного общества. Читатель XVIII в., проблема весьма любопытная сама по себе, помог бы уяснить многое в истории русской журналистики вплоть до 30-х годов XIX в. «Круг действия литературного, круг читателей, — говорит С. П. Шевырев в своей замечательной статье о торговом направлении, — распространяется все более и более... При Ломоносове чтение было напряженным занятием; при Екатерине стало роскошью образованности, привилегией избранных; при Карамзине необходимым признаком просвещения; при Жуковском и Пушкине — потребностью общества». ¹ Для проблемы читателя и издателя XVIII в. много дал бы и Новиковский кружок, сам занимавшийся издательской деятельностью. В этом аспекте кружки и салоны являлись хорошим контактом между читателем, в те времена очень немногочисленным, и издателем книги или журнала (ср. салон Шувалова). Они стояли также и между писателем и издателем, так что произведение попадает в печать лишь после санкции литературного кружка или салона (особенно заметно в кружках Хераскова и Новикова, но несомненно присутствовало и в других). Тут любопытна также и проблема критики (не поэтики), тогда лишь возникавшей. Начатки русской литературной критики мы находим именно в этих кружках и салонах и склонны даже считать ее развитие до известной степени результатом работы кружков и салонов.

¹ С. П. Шевырев, Взгляд на современное направление русской литературы, «Москвитянин», 1842, № 1, с. XII.

Первые два десятилетия XIX в. знаменуются уже быстрым ростом кружков, литературных обществ и салонов, распространившихся не только в столицах, но и в провинции. Кроме упомянутых уже выше литературных суббот (1807 — 1809), явившихся фундаментом «Беседы Любителей Российского Слова», кроме официальных «Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств», «Общества Любителей Российской Словесности», «Петербургского Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения» и, конечно, «Российской Академии», мы встречаем тут множество мелких домашних объединений, частью группирующихся вокруг отдельных лиц, как, например, вокруг Ф. Ф. Иванова, Ф. Ф. Кокошкина, В. А. Жуковского, Д. Н. Блудова и др., частью организованных в различных учебных заведениях: в юнкерской школе при Сенате, в Педагогическом Институте, в Царскосельском Лицее и др. Точно так же распространяются и салоны. В Петербурге мы находим салоны Н. П. Брусилова, Ф. П. Толстого, А. П. Хвостовой, А. Н. Оленина и др., а в провинции — салон А. И. Бедряги (Воронеж), Е. Голицыной (Рязань) и некоторые другие.

Среди литературных объединений первого десятилетия обращает на себя внимание Тургеневский кружок, или, как он сам называл себя, «Дружеское Литературное Общество». Это — яркий пример творческого кружка, в котором члены своим морализированием, своими докладами о божестве, об этике и т. д. сталкиваются с тем материалом, который нужен им в их литературной работе. Они учатся владеть своими материалами. Задумчивость в элегии и размышление в послании требуют особого морально-сентенциозного материала. Этот материал мы и находим в речах членов Дружеского Литературного Общества. В творчестве старших карамзинистов, например, Жуковского, значение этого кружка должно всегда учитываться.

К 10-м годам относится образование и широкое распространение тайных политических кружков, роль и значение которых в литературной эволюции заслуживали бы особого исследования. Декабристские кружки, стремясь использовать для политических целей кружки чисто литературные, сближались с ними, и это сближение отразилось на лире

не одного поэта, но тесная смычка литературы с политикой все же заключена не была. Даже поэтика Рылеева целиком укладывается в рамки общих литературных систем своего времени, в то время как возникшая через десяток лет литература западников и славянофилов создает уже свою собственную литературную систему.

Литература 10-х годов и роль кружков в литературной борьбе той эпохи довольно известны. Пожалуй, это — единственное десятилетие, литературно-бытовая обстановка которого привлекалась к изучению литературы. Слишком заметна, слишком ярка тут борьба Арзамаса с Беседой, и слишком характерна она для современной литературы, чтоб не обратиться на себя внимания старого литературоведения. Отсюда и крайности. Анненков, например, склонен все литературные общества старого Петербурга ставить в связь с Арзамасом и Беседой. «Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств, — говорит он, — под председательством Измайлова склонялось более к воззрениям «Беседы Любителей Русского Слова» и потому преследовало в своем органе «Благонамеренный» романтизм и его баловней, между тем как «Вольное Общество Любителей Словесности» Глинки радушно относилось к новым деятелям и, видимо, состояло под влиянием знаменитого Арзамаса, хотя и собиралось в доме Державина, как прямой наследник основанной им Беседы». ¹ К тому времени, о котором говорит Анненков (после 1816 г.) оба эти общества были литературно-нейтральны. Рылеев, например, был членом обоих обществ. Плетнев и Загоскин, люди различных литературных партий, были членами Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств. Вольное Общество Любителей Словесности, якобы находившееся под арзамасским влиянием, имело в рядах своих членов Крылова и Гнедича, — странных «питомцев» Арзамаса. Анненков, конечно, не прав. Большинство официальных обществ и целый ряд кружков и салонов не принимали участия в литературной борьбе того времени, были как бы нейтральными, подобно тому как в наши дни, кроме литературно враждующих журналов, есть и нейтральные (например «Звезда»). Полемика Арзамаса и Беседы, т. е. полемика между ка-

¹ П. Анненков, Пушкин в александровскую эпоху, с. 106, прим.

рамзинистами и архаистами, началась значительно раньше основания Арзамаса. В 1803 г. выходит знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шипкова, и Н. М. Карамзин уходит из литературы в историю. В 1806 г. А. А. Шаховской в комедии «Новый Стерн» снова нападает на Карамзина. В 1811 г. выходит второе издание «Рассуждения». К этому времени карамзинисты в свою очередь берутся за оружие. В 1810 г. В. Л. Пушкин пишет свое послание к В. А. Жуковскому, в следующем году — к Д. В. Дашкову. В 1811 г. пишется и его «Опасный сосед». В 1810—1811 гг. В. А. Жуковский издает свою антологию,¹ также объединяющую карамзинистов. Знаменитая провокационная речь Дашкова на вступление Д. И. Хвостова в Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств также относится к 1811 г.² К этому времени следует отнести и начало полемики.

Линии архаистских объединений (салон Державина, Шипкова и др., литературные субботы 1807—1809 гг., Беседа Любителей Российского Слова) соответствует и цепь карамзинистских кружков и салонов. Вокруг самого Карамзина группировался небольшой кружок, о котором вспомнил в 1845 г. Уваров, возмущаясь «дурным, грязным и торговым направлением литературы» и идеализируя положение писателя в начале XIX в. «Например, вот хотя бы наше литературное общество, — говорит он, — состоявшее из Дашкова, Блудова, Карамзина, Жуковского, Батюшкова и меня. Карамзин читал нам свою историю. Мы были еще молоды, но настолько образованы, что бы он слушал наши замечания и пользовался ими».³ Был салон и у Д. Н. Блудова и у других. Вызванные на литературный бой новым выпадом Шаховского в 1815 г., его комедией «Липецкие воды», карамзинисты мобилизовали все свои полемические силы. Членами Арзамаса были и москвичи, лишь изредка наезжавшие в Петербург; заседания происходили при любом числе членов и в любом месте (одно заседание было проведено четырьмя

¹ Собрание русских стихотворений, изд. В. Жуковским, ч. I—V, М., 1810—1811.

² М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 213 сл.; ср. также «Р. Ст.», 1884, № 7, с. 105 сл.

³ А. В. Никитенко, Записки и дневник, СПб., 1893, т. I, с. 474.

арзамасцами в карете по пути в Детское, тогда еще Сарское Село). Выражаясь языком стратегии, это была типично партизанская группа с партизанскими методами ведения войны, противопоставленная тяжелой и громоздкой позиционной стратегии Беседы.

Вот любопытное свидетельство о встрече Карамзина с Шишковым в 1816 г., во время обостренной полемики обеих партий. Приехав в Петербург, чтоб выхлопотать деньги на издание своей «Истории», Карамзин познакомился с арзамасцами и в письмах к своей жене дал о них самый лучший отзыв. 14 февраля его пригласили на обед к Державину. «Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными *неприятелями* и скажу им: *есмь един посреде вас и не устращуся!*.. Шишков честен и учтив, но туп». 18 февраля он уже сообщает об этом обеде: «Славный мой обед с *неприятелями* не был для них весел: все сидели нахмураясь, хотя я и старался забавлять их Грамматикою, Синтаксисом и Этимологиею. Добрый старик Державин вздумал было произвести меня в члены Российской Шишковской Академии; но я сказал ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членом никакой Академии и не буду ни в каком так называемом ученом обществе». ¹ Партизан возражает против всякого организованного и громоздкого общества.

Оружие у обеих литературных партий было однако не равное. Карамзинисты, установленные на легкие жанры, владели оружием эпиграмм значительно лучше, чем архаисты, неуклюжие эпиграммы-ответы которых не могли серьезно дискредитировать карамзинистов. Другим серьезным оружием арзамасцев были пародии, стремившиеся дискредитировать архаистские творения. Таковы, например, пародии на притчи Д. И. Хвостова, опубликованные в «Русском Архиве». ² «Эти притчи писаны в подражание... притчам гр. Хвостова, особенно тем, которые заключаются в первом издании (Избранные притчи, СПб., 1802). Эта книга была нашею настольною и потешною книгою в Арзамасе», говорит

¹ Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, СПб., 1862, с. 148 и 150.

² Выдержки из старых бумаг Ост. Арх., «Р. А.», 1866, с. 478 — 489.

П. А. Вяземский в предисловии. Тут, действительно, много забавного:

... Однажды
Шел дождик дважды,
А если дождь идет, то знают, что мокро,
Промокнет и ребро.
Но здесь не в этом дело,
И притченно мое перо
Изобразить не то усердие имело.

или:

... В стране, где пенится Иртыш,
Жила и проживала мышь,
А может быть и крысь...

Или притча «Обжорство»:

Один француз
Жевал арбуз.
Француз хоть и маркиз французский,
Но жалует вкус русский....

Притча кончается моралью:

Здесь в притче кроется толикий узел на вкус,
Что госпожа ослица,
Хоть с лаю надорвись, не будет в век лисица.

Выпады против архаизма шли и дальше. В стихотворных протоколах высмеивались Шишков (Мешков), Шаховской (Шутовской) и др. «халдеи». Эпиграммы и послания, направленные против архаистов, попадали отсюда в печать. Это было подлинное гнездо партизанских выступлений против официальной литературы того времени.

Одновременно в кружке происходила большая внутренняя работа над шлифовкой своих собственных произведений. Это документально засвидетельствовано в тех случаях, когда арзамасец не был в Петербурге и поддерживал связь с друзьями письменно. Так, переписка А. И. Тургенева и жившего в Москве П. А. Вяземского часто показывает, как литературные произведения Вяземского проходили сквозь чистилище кружка. «Посылаю тебе сыноотечественную штуку, — пишет Вяземский. — Прочтите ее в арзамасском ареопаге и, если она того стоит, отдайте ее Гречу, но с тем, чтоб он непременно ее напечатал целиком».¹ По породе другого

¹ Ост. Арх., т. I, с. 208.

произведения Вяземского, присланного вместе со страсбургским пирогом, Тургенев пишет Вяземскому: «Я получил его [страсбургский пирог] в целости и на сяхднях разделю его с арзамасцами... и выпьем за твое здорье. И Жуковский обратил гнев на милость, когда пронюхал о пироге. Я уверен, что и к стихам твоим будет он справедливее, по прочтении пирога, европейски начиненного». ¹ Когда статья Вяземского «О письме Екатерины II к Сумарокову» долго мариновалась в Арзамасе, Вяземский в раздражении торопит: «Ну, если вы и это не сейчас напечатаете, то я клянусь всеми богами и чертями академий, бесед, ученых и библейских обществ, что пера не возьму в руки, пока Жук[овский] не издаст полных творений Хвостова, Батюшков не напишет элегии: «Оживающий... Мерзляков», Варвик Иванович [Н. И. Тургенев] не посвятит своей книги Козодавлеву, а ты, злодей, не променяешь Свечину на Шипкову. Я не шучу: эта штука самая сыноотечественная и арзамасская... обоудный нож, леденец с перцем, ничего и много... лисий хвост и волчий рот». ²

И Тургенев отвечает на это:

«С разрешения всего ареопага Сумароков твой будет напечатан. Только надобно исправить некоторые небольшие погрешности против языка, что и поручил я Жуковскому, а сегодня возьму от него и отдам «Сыну Отечества». ³

Мы подходим тут к сложной проблеме Арзамаса. Созданный для определенной полемической цели, он уже в 1816 г. должен был потерять свой смысл, так как Беседа Любителей Российского Слова в этом году скончалась. Встал вопрос о позитивном творчестве самого Арзамаса. Весною 1816 г. в послании к арзамасцам В. Л. Пушкин призывает: «Прямая наша цель есть польза, просвещение, богатство языка и вкуса очищение...» ⁴ В начале 1817 г. С. С. Уваров подает «Донесение от Члена Старушки», ⁵ в котором между прочим говорится: «Похвально было показать свету, что они [карлики Беседы и Академии] глупцы, но на сие довольно соб-

¹ Ост. Арх., т. I, с. 171—172.

² *Иб.*, с. 140.

³ *Иб.*, с. 156. «Сын Отечества» был в то время нейтральным журналом. Соч., изд. 1893, с. 86.

См. «Р. Ст.», 1899, № 5, с. 339—341.

ственных их сочинений. Похвально было согнать с Парнаса нестерпимую толпу Лже-гениев: но она давно уже рассеялась под вашими ударами... Но должны ли вы довольствоваться сими жалкими трофеями? От Вас я ожидаю более; я ожидаю возобновления отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса». Через несколько месяцев, в июне 1817 г., состоялось известное 20-е заседание Арзамаса, на котором с аналогичными требованиями выступили Блудов и Орлов, а Вяземский предложил литературно-политический журнал. Мысль о журнале в продолжение своего членства несколько раз высказывает и Батюшков.¹ Таким образом, начиная со смерти Беседы и до июня 1817 г. (20-го заседания)² можно установить в Арзамасе определенную тягу к позитивному творчеству. В июне был решен вопрос о журнале, и вскоре после 20-го заседания начинается большая реорганизационная работа. Составляется и утверждается новый устав кружка (отрывки из него см. в тексте), предлагаются планы журнала (часть их см. в тексте) и детально разрабатывается организационная сторона дела. Вопреки утверждениям Вигеля о том, что Орлов, Муравьев и Н. Тургенев, члены тайного «Союза Благоденствия», пытались соблазнить Арзамас на политическое поприще и что он предпочел вовсе не собираться, чем изменить свой чисто литературный характер, из документов, относящихся к направлению журнала, с несомненностью явствует, что Арзамас этого периода нисколько не чуждался и политических целей. Так, в письме Н. И. Тургенева к брату от 8 сентября 1817 г. говорится: «Третьего дня был у нас еще Арзамас. Были предлагаемы программы, все исключительно литературные, и эта исключительность мне не нравится; я предложил следующую: «показать заслуги Англии и Франции перед Европою». Тут будет говориться в особенности о том, что Англия заставила любить свободу, а Франция ее нена-

¹ Соч., изд. 1887, т. III, с. 358, 359, 382, 404 и ст. Л. Майкова, ib., с. 244—246, с ошибкою в датировке «Отрывков, найденных в Арзамасе».

² Во избежание недоразумения, отметим, что это заседание нельзя считать действительно 20-м, так как Арзамас собирался в принципе еженедельно, а к этому времени он существовал уже свыше 1¹/₂ года. Может быть, не все заседания протоколировались и счет велся по протоколам?

видеть... Я сам взял обработать сию программу... Орлов перед отъездом своим также предложил программу: показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и невыгод. За сию программу взялся также сам Орлов...»¹ Лист 4-й из пачки бумаг Арзамаса² среди произведений, задуманных для журнала, прямо указывает на Тургеневскую статью: «Сравнение заслуг Франции и Англии — Варвик». Одним из редакторов политического отдела журнала был намечен М. Ф. Орлов. Все это показывает, что кружок был настроен прогрессивно и что политические вопросы на его заседаниях затрагивались. Запись дневника Н. И. Тургенева от 29 сентября говорит о крепостном праве: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство, но средства предлагаемые не всем нравятся».³ В другом месте Н. И. Тургенев пишет Вяземскому об М. Ф. Орлове (по-арзамасски — Рейне), уехавшем в Киев: «От Рейна нет никакой вести. Он прежде писал ко мне, что занят введением Ланкастеровой методы в военно-сиротском отделении киевском. Некоторые либеральные идеи, которые у вас переводят законносвободными, а здесь можно покуда назвать арзамасскими, и которые он желал привить своему новому творению, нашли противников в его пятиклассных товарищах».⁴ На либерализм Арзамаса указывает и Ф. В. Булгарин в своем донесении III Отделению «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оног».⁵ Не станем перегружать цитаты. Свидетельство Вигеля,⁶ относящееся, очевидно, к 20-му заседанию, прямо перетасовывает факты: по Вигелю, сначала говорит Орлов, Блудов ему оппонирует и ликвидирует попытку «осерьезить» физиономию Арзамаса.

¹ А. Шабунин, *Общественные взгляды Н. И. Тургенева*, «Совр.», 1913, № 6, с. 194.

² Отчет Публ. Библ. 1884 г., с. 159—160.

³ Архив бр. Тургеневых, т. III, с. 93.

⁴ Ост. Арх., I, с. 102.

⁵ «Былое», 1918, I, с. 20.

⁶ Записки, изд. 1864 г., т. III, ч. V, с. 52—53.

В действительности, сначала говорит Блудов, потом Орлов, потом Вяземский, и все берутся за дело. Не стоило бы так останавливаться на этом, если бы свидетельство Вигеля не было положено в основу освещения Арзамаса у Саитова,¹ Анненкова² и др. Басню Вигеля о совершенной, принципиальной аполитичности Арзамаса надо отбросить. Арзамас был аполитическим в том смысле, что не преследовал специальных политических целей, но он был явно прогрессивным, и задачей его журнала являлось некоторое совмещение литературного и политического материала. Какого рода было это совмещение, было ли оно чисто механическим (разный материал под одной обложкой), или, как значительно позже, намечалось некоторое слияние литературных и политических задач, пока сказать трудно. Какого рода были попытки позитивного творчества в Арзамасе до опубликования сохранившихся в Обществе Любителей Древней Письменности арзамасских протоколов,³ судить также нельзя. В течение 1818 и 1819 гг. в Российскую академию были избраны Карамзин, Жуковский и А. И. Тургенев. Таким образом, над архаизмом была одержана полная победа, его твердыни заняли аванпосты карамзинизма, и полемическое значение кружок арзамасцев потерял окончательно.

Побежденный архаизм, уступив свои позиции, все же не исчез: он занял младшую линию 20-х годов и по мере сил и возможности выступал против торжествующего карамзинизма — в печати меньше, в литературно-бытовой обстановке больше. Любопытное отражение этой глухой борьбы мы находим, например, в переписке Катенина. Когда его друг Бахтин был в Париже, Катенин просит его 6 декабря 1823 г.: «С осторожностью советовал бы я так же узнать от Ланглеса⁴ не имеет ли он или его сотрудники литературных сношений с кем-нибудь из русских, а особенно из арзамасских, и в какой они там чести. Мне что-то сдается, что эти интриганты везде себя припутали; они из поприща чистей-

¹ Примечания к Ост. Арх., I, с. 487.

² Пушкин в Александровскую эпоху, с. 110 — 111.

³ Несмотря на приложенные усилия, в доступе к этим протоколам нам было В. В. Майковым отказано.

⁴ Ланглес (1765 — 1824), ориенталист, сотрудник *Revue Encyclopedique*

шей человеческой славы сделали вертеп разбойничий».¹ Это уже похоже на литературную эмиграцию.

Кружок, созданный для одной определенной цели, не перестраивается так легко, когда цель изменяется. Повидимому, методы работы Арзамаса, направленные на разрушение архаизма, оказались несостоятельными при попытке созидательного творчества. В полемике с Беседой могли принимать участие все группы карамзинизма; в созидательной же работе должен был наметиться и наметился раскол между старшими и младшими карамзинистами, встал вопрос о жанре баллады Жуковского, вызвавший уже трения среди этой сплоченной группы, наметился переход к романтической поэме, объединившей уже только младо-карамзинистов. Таким образом, литературные и литературно-бытовые условия определили развал Арзамаса. Аналогичную картину конца представлял собою уже в наше время и Опояз, полемически заостренный против академической науки о литературе и распавшийся, когда он перешел к созиданию своей собственной системы.

Остановимся теперь еще на двух характерных чертах кружков и салонов этого десятилетия. Литература архаистов упирается в театр. То огромное внимание к языку и к декламационному стилю, которое архаисты проявляли в теории литературы, находило себе практический исход в театре. Шаховской, Загоскин, Катенин, Аксаков и многие другие со страстью следили за каждым этапом театральной истории, входили во все мелочи театрального быта, и многие из них не только своими творчеством, но и своими организаторскими способностями служили театральному делу. Театральные жанры — трагедия, комедия, позже водевиль — приобретают в эту пору явную партийную окраску и до известной степени изменяют даже самое понимание литературы в рядах этой литературной партии.

Характерны в этом отношении вечера Ф. Ф. Кокоскина, бывшего одно время председателем Общества Любителей Российской Словесности. Мы застаем их уже в 1812 году, и едва ли кончились они ранее смерти их хозяина в 1838 году. Бывавший на этих вечерах в их раннюю пору С. Т.

¹ «Р. Ст.», 1910, № 10, с. 76.

Аксаков так описывает их: «Я бывал с ним [Н. И. Ильиным] вместе на литературных вечерах у Ф. Ф. Кокошкина, у которого обыкновенно собирались Каченовский, Мерзляков и Ф. Ф. Иванов, сочинитель драматических пьес: «За богом молитва, а за царем служба не пропадают» и «Не бывать фате», — пьес, которые в свое время имели значительный успех... Кокошкин иногда читал на этих вечерах свой перевод Мольерова «Мизантропа» и просил замечаний. Замечания Каченовского всегда были очень дельны, но умеренны, а Мерзляков, бывавший по вечерам обыкновенно веселее, часто нападал беспощадно на переводчика. Один раз Кокошкин, выведенный из терпенья его беспрестанными придирками, положил рукопись на стол, очень важно сложил руки и сказал: «Да помилуйте, Алексей Федорыч, предоставьте же переводчику пользоваться иногда *стихотворной вольностью*». «Стихотворная вольность состоит в том, чтоб писать хорошо», возразил Мерзляков, произнося слова своим пермским выговором на о. Все громко рассмеялись и одобрили такой ответ. Но едва ли кто больше Мерзлякова пользовался так называемой стихотворной вольностью, в которой он так резко отказывал Кокошкину, особенно в своих переводах Тасса, из которого отрывки он также иногда читывал у Кокошкина... и никто, кроме Каченовского, не делал ему никаких замечаний, да и те были весьма снисходительны... Нет, однако, никаких сомнений, что перевод Кокошкина много обязан своим достоинством, правильностью и (по-тогдашнему) чистотою языка, строгим замечаниям Мерзлякова».¹ Не останавливаясь подробно на кружке, приведем еще одно характерное впечатление бывавшего там значительно позже А. Милюкова: «Зимой, кроме спектаклей, бывали иногда у Кокошкина литературные вечера, но они не особенно интересовали меня, потому что читали большею частью давно уже известное и напечатанное. Кажется, главною задачей при этом было не самое содержание сочинения, а искусство чтеца, так как выбирались преимущественно драматические сцены или такие рассказы, в которых преобладал диа-

¹ С. Т. Аксаков, Литературные и театральные воспоминания, «Р. Бес.» 1856, кн. 4, с. 17—18. Ср. положительный отзыв Аксакова о роли Мерзлякова в переводе Кокошкина со сказанным выше об исправлениях и редактировании произведений одного поэта другим.

лог. Нередко между слушателями возникали споры, и главной темой их был капитальный вопрос того времени о различии классицизма и романтизма». ¹

Вечера Кокочкина характерны для того времени. Те спектакли, которые устраивались у него на дому, следует соотносить с такими же спектаклями у Оленина — это дань театральной страсти того времени. Методы критики и коллективное исправление читаемых произведений нам знакомы уже по литературным субботам 1807 — 1809 гг. Указание Милюкова на специфический подбор литературы, читанной там, установленной на произносительность, на декламацию, хорошо показывает, как театральная страсть архаистов постепенно начинает переоценивать литературу с точки зрения ее декламационных свойств. О том, каким мастером декламации был Кокочкин, мы распространяться не будем. Вечера Кокочкина — хорошая иллюстрация тех интересов, которые господствовали в быту архаического лагеря. Приблизительно ту же картину мы видим в кружке драматурга А. А. Шаховского. ²

Карамзинисты культивировали мелкие жанры. Тут была установка на остроумный оборот (эпиграмма, каламбур), на легкий, упрощенный язык. Эта установка естественно связывалась с легкой поэзией. В карамзинистских кружках и салонах мы находим именно такой тон.

Арзамас и Зеленая лампа культивировали веселость и остроумие так основательно, что некоторые исследователи выражали даже сомнение, имели ли эти кружки что-нибудь общее с литературой. Переписка Вяземского в нескольких местах кратко, но выразительно упоминает вечера Федора Толстого, так называемого Американца, в 1819 году. «Шаликов был наемни со мною на цыганском вечере у Американца и таял грузинскую похоть. На другой день прислал нам стихи «Достопамятный вечер». Начинается:

Я пил шампанское не рюмкой, а стаканом —
Тут были гурни египетского рая. ³

¹ А. Милюков, Литературные встречи и знакомства, II, 1890, с. 22 — 23.

² Не смешивать с литературным кружком декабриста Ф. П. Шаховского.

Ост. Арх., I, с. 188. Письмо от 16 января 1819 г.

И еще: «Сюда [в Москву] приехал Жихарев и успел уже вчера быть пьяным у Американца, и слезами обливать Дмитриева, и состязаться с Шаликовым, который укорял его в лести в отношении к Дмитриеву, а Дмитриев тут сидит. Врут по м..., а Дмитриев тут сидит,

Свободный гражданин свободного стола.

Этот Американец собирает у себя весь Парнас, весь сумасшедший дом». ¹

Весь Парнас собирается у Толстого. Его попойки дают поэтам материал. Вечера, казалось бы, ничего общего с литературой не имеющие, входят в литературу произведениями, так или иначе связанными с их обстановкой.

Других примеров приводить не будем. Легкомысленные, шуточные кружки, посвященные не всегда разборчивым удовольствиям, тесным образом связаны с определенной литературной партией, давая ей ту бытовую обстановку, которая переключается в поэтическую систему. Итак, не говоря уже о чистой внутри-литературной борьбе, которая опиралась в ту эпоху на своеобразные литературные объединения, мы видим, так сказать, домашнюю обстановку, семейные обычаи отдельных литературных партий.

Было бы грубой вульгарностью утверждать, что связь карамзинистской литературной системы с литературными попойками и связь архаической с театром настолько последовательна, что мы не застанем в театре карамзиниста и не увидим пьяного архаиста. Действительность многообразнее и сложнее. На вечерах Кокошкина, например, читалась комедия Шаховского «Липецкие воды», пьеса, вызвавшая столько шума и давшая повод для организации карамзинистов в «Арзамас», и на этом чтении присутствовали В. Л. Пушкин и П. А. Вяземский, арзамасцы-москвичи. ² Подобные случаи не разбирают, а лишь усложняют научные схемы.

¹ Ост. Арх., I, с. 180. Письмо от 20 января.

² *Иб.*, с. 34 — 35.

В двадцатых годах кружки и салоны тесно связаны друг с другом и выступают на поверхности истории целыми группами, скоплениями. Вечера Жуковского собирают тех же писателей, что и салон Смирновой, вечера Плетнева, салон Карамзиной. Любомудры тесно связаны с кружком Раича, с салоном Волконской, с кружком архивных юношей. Часть любомудров, не перекочевавшая в Петербург, вместе с другими москвичами образует новое ядро, группирующее целый ряд салонов вокруг салона Елагиной.

На этом последнем примере можно легче всего видеть формы подобных кружковых и салонных групп. «Вечера живые и веселые, — вспоминает М. П. Погодин, — следовали один за другим, у Елагиных и Киреевских за Красными Воротами, у меня, у Соболевского в доме на Дмитровке, у кн. Волконской на Тверской». ¹ Другой представитель Москвы тех лет, А. И. Кошелев, говорит об этом любопытном явлении так: «В Москве мы мало ездили в так называемый *grand monde*, — на балы и вечера; а преимущественно проводили время с добрыми приятелями Киреевскими, Елагиными, Хомяковыми, Свербеевыми, Шевыревым, Погодиным, Баратынским и пр. По вечерам постоянно три раза в неделю мы собирались у Елагиных, Свербеевых, у нас; и сверх того довольно часто съезжались у других наших приятелей. Беседы наши были самые оживленные; тут выказались *первые начатки борьбы* между нарождавшимся *русским* направлением и господствовавшим тогда *западничеством*. Почти единственным представителем первого был Хомяков, ибо и Киреевский и я и многие другие еще принадлежали к последнему». ²

Зачатки той же борьбы между западниками и славянофилами подчеркивает в другом месте и Погодин, одновременно указывая на литературный характер этого спора, по крайней мере в первые годы: «Но вот являются *Телеграф* и *Московский Вестник* с зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскоре не на живот, а на смерть. Аксаковские субботы с Шаховским, Загоскиным, Писаре-

М. П. Погодин, Из воспоминаний о Пушкине, «Р. А.», 1865, с. 1254.
А. И. Кошелев, Записки, Berlin, 1854, с. 55.

вым, Дмитриевым [М. А.], Пинским, Верстовским и, наконец, Надеждиным; вечерние собрания у Елагиных с Киреевскими, Языковым, Каролиной Яниш, и у Сухово-Кобылиных — с Надеждиным, Морошкиным и Раичем делаются средоточием литературного движения, ареопагами печатных явлений...»¹

Аксаковские субботы, о которых вспоминает Погодин, были в свою очередь тесно связаны с другими, скажем, литературно-театральными кружками Кокошкина и Шаховского: «Каждую неделю, в известные дни, собиралось все наше общество у Кокошкина, у Шаховского и у меня».²

Таким образом, в 20-х годах между отдельными кружками и салонами существует часто тесная связь. В иных случаях получается даже так, что группа людей как бы замыкается в себе и знает лишь те кружки и салоны, которые разделяют круг ее интересов. Отсюда интенсивная разработка волнующих вопросов времени, отсюда же и большая ассимиляция индивидуальных вкусов и взглядов, порождающая типовые взгляды и вкусы в среде, наиболее близкой к литературному производству. Результатов этого явления следует искать в критике и в литературе. Кружковые и салонные цепи поясняют нам многое, когда мы сталкиваемся с вопросом о распространении той или другой идеи в литературных кругах или когда мы встречаем сходные высказывания и сходные методы у различных критиков: потому что кружки и салоны этой эпохи были, выражаясь словами Погодина, «ареопагами печатных явлений».

В 20-х годах вместо прежних творческих, критических или полемических кружков наибольший литературный вес приобретают кружки, посвященные литературно-теоретическим, в строгом смысле — эстетическим задачам. Таковы беседы Мерзлякова, пытающегося привить студенческому молодняку архаическую эстетику. Таковы кружки Раича, Любомудров, Полевого, Галича и др., более или менее интенсивно прорабатывавших шеллингизм. Обычно, говоря о шеллингизме этих кружков, литературоведы переводят

¹ М. П. Погодин, Письмо М. А. Максимовичу, «Юбилей М. А. Максимо-вича», Киев, 1871, с. 63.

² С. Т. Аксаков, Литературные и театральные воспоминания, «Р. Бес.», 1858, II, с. 77.

науку о литературе на рельсы «умственного развития нашего общества» и видят заслугу любомудров в пропаганде философии Шеллинга. Однако в этом плане заслуги любомудров невелики: в истории мировой философии Россия не сыграла заметной роли, а потому пропаганда Шеллинга в Москве есть, примерно, такая же заслуга, как пропаганда Пушкина в Коптопе: заслуга бесспорная, но диапазон ее невелик. Для любомудров, как и для других аналогичных кружков 20-х годов, философия была нужна для литературных целей. Характерно уже и то, что все шеллингианство они применяют к литературе и искусству. Гносеология, как наука о познании, в руках любомудров оказывается наукой, определяющей отношения между субъектом и объектом *в искусстве*, между поэтом и окружающим его миром.

К сожалению, размеры статьи не дают возможности рассмотреть подробно все условия тогдашней литературной эволюции.¹ Но в основном она сводилась к распаду литературы жанровой, к распаду понятия жанров и к построению новой литературной системы из разобщенных литературных элементов, группируемых уже не вокруг какого-нибудь чисто литературного принципа (как жанры), а вокруг личности самого писателя. Если раньше отдельное произведение соотносилось с произведениями того же жанра (напр., поэмы Боратынского с поэмами Пушкина или Байрона), то теперь произведение соотносится с другими произведениями того же автора (напр., поэмы Боратынского с его элегиями). Мелкие стихотворные произведения небольшого размера, рассыпавшись, слились во что-то общее, неопределенное, что позже в собраниях сочинений стало называться «лирическими стихотворениями» и что вскоре обнаружило тенденцию к тематическому примыканию одного произведения к другому, а еще позже к циклизации. Лирика Тютчева, построенная на нескольких родственных мыслях и потому представляющаяся как бы его философией, — вот хороший пример тех результатов, к которым привела работа любомудров. Как протекала эта работа, какими этапами она распространялась, какие препятствия встречала на своем пути, — всего этого мы тут осветить не можем.

¹ Мы делаем это в подготовленной к печати нашей книге «Любомудры».

Кружок любомудров есть кружок теоретический. Вспомним, что теория в эту эпоху представляет наиболее злободневный вопрос: по поводу «Руслана и Людмилы» встает вопрос о поэме, по поводу «Бахчисарайского Фонтана» разгорается спор о романтизме. Сложность и важность поднятых вопросов так велики, что Мерзляков отказывается от научности и наукообразности теории искусств, а любомудры отстаивают принципиальную возможность построения новой эстетики. Вопрос о теории, чрезвычайно острый в те годы, появился не случайно: это симптом наметившегося литературного тупика. Следовательно, и тут изменение в типе кружка соответствует изменению литературы.

Пойдем дальше. Салон Елагиной и примыкающие к нему салоны Кошелевых, Свербеевых, Погодина, Соболевского, Сухово-Кобылиных и других явились той базой, в которой родилось и из которой распространилось русское славянофильство. «Славянофилы никогда не составляли так называемого общества... — вспоминает Погодин, очевидно понимая под «обществом», как и большинство людей того времени, кружки, — особенно официального общества, они не собирались даже никогда вместе, по чьему бы то ни было приглашению, а только случайно, и по большей части толковали вдвоем или втроем, не имели никогда специальных намерений и никогда не уславливались действовать совокупными силами. Они даже не знали вполне, да и не заботились о том, что каждый из них думал или как судил о том или другом предмете. Между ними господствовала совершенная свобода».¹

Эта вполне убедительная цитата показывает с большою четкостью, что не в кружке с его определенной целью и организацией, а в салоне выросло и воспиталось славянофильство. Ту же молодежь, которая позже станет во главе западничества, мы находим чаще всего в кружках, а не в салонах. В кружке Герцена и Огарева, в кружке Станкевича, в московском и петербургском кружках Белинского — вот откуда явилась в свет либеральная, революционная, демократическая, интеллигентская, западническая идеология. Славянофильский салон и западнический студенческий кру-

¹ «Гражданин», 1873, № 11.

жок не оставались равнодушными друг к другу. Чтобы не останавливаться подробно на их взаимоотношениях, приведем лишь одно свидетельство Д. М. Погодина, сына историка и журналиста, о Хомякове, выдающемся и активнейшем славянофильском центре Елагинской группы. «Хомяков был опасным соперником начинавших уже появляться людей с крайним, так называвшимся тогда «красным» оттенком. Оттенок этот проскользнул уже и в университет и коснулся молодежи... Маленький студенческий кружок этот собирался на Воздвиженке, во флигеле углового дома знаменитого красавца в былые времена, грека Орфано, женатого на очень богатой барыне Мусиной-Пушкиной; он до фанатизма любил свою родину и ради нее пожертвовал всем состоянием своей жены: все пошло на жертвы отечеству во время восстания в Греции... Молодые люди этого кружка зачитывались Фейербахом, Ренаном и всем, что писалось с целью колебания веры в бога и полного его существования. Об этом кружке узнал Алексей Степанович [Хомяков] и с страстной настойчивостью своей натуры взялся наставлять молодежь на путь истинный, приезжая раз в неделю во флигель большого дома Мусиной-Пушкиной беседовать с заблудившимися. Сильным оппонентом ему являлся Свириденко, который иногда как бы брал верх, или, по крайней мере, сводил вопрос на нет. К сожалению, эти беседы не принесли тогда особенной пользы кружку».¹

Вот пример борьбы на религиозном фронте между отдельными объединениями. Борьба на фронте философско-историческом, старый спор между славянофильскими и западническими объединениями известны слишком хорошо, чтоб надо было на них останавливаться.

Славянофильство и западничество — это не только философские системы николаевской России, но и литературные партии, нуждающиеся в некоторой, не столько чисто философской, сколько публицистически-эмоциональной идеологии. Связь славянофилов с любомудрами поддерживается не только персонально (И. В. Киреевский, Кошелев, Шевырев, Одоевский были членами этого кружка), но и литературно: это — последовательное развитие литературной си-

¹ Д. М. Погодин, Воспоминания, «И. В.», 1892, XLVIII, с. 39 — 40.

стемы, построенной на литературной идеологии. Исторические и социальные вопросы, волновавшие эту группу, определили, например, книгу Б. Ф. Одоевского «Русские ночи». ¹ Тем более этот литературный характер философско-исторических вопросов заметен у западников. Прогрессивный журнал, как своеобразный этап литературного производства, так крепко связан с ними, что Белинский, например, немислим без него. Герцен, блестящий стилист и остроумец, пишет роман. Лекции Грановского, судя по отзывам современников, увлекали не только как история, но и как беллетристика, с которой их роднит отсутствие академической сухости и публицистический призыв к общественной самодеятельности. Кафедра по истории в Московском университете, перо общественника-критика и возбужденное слово революционера в эту эпоху были литературно значимы. Социология явно становилась материалом литературы. Как будто специально для современных литературоведов объясняет один из своих романов 40-х гг. Д. В. Григорович: «В последние годы в нашем Приокском крае усиленное развитие фабричного миткалевого производства заметно вредило не только хлебопашеству, но нарушало в крестьянском семейном быту патриархальные нравы, которые я застал еще в юности. В деревнях стали появляться молодые щеголи, в жилетке поверх рубашки, в фуражке с козырьком, в высоких сапогах, с гармонией в руках и папиросой в зубах, не имевшие ничего общего с их отцами и дедами; в деревнях начались разврат, пьянство, неповиновение родителям. Героем моего нового романа выбрал я знакомого мне старого рыбака, закоснелого в своих привычках и верованиях, и противопоставил ему лиц нового поколения; борьба между этими двумя противоположностями должна была служить завязкой романа». ² Разрабатывая вопросы истории России,

¹ Ср. также относящийся уже к 50-м годам слух о том, что в Москве имеется кружок славянофилов, состоящий из 15 человек, поставивший своей задачей произвести литературную революцию: материал для литературы брать только в «самобытном» и «народном» и объявить войну иностранным писателям и их подражателям. Ср. *М. И. Суломлинов*, Из литературы пятидесятих годов, «И. В.», 1880, I, с. 237 — 238.

² *Д. В. Григорович*, Литературные воспоминания, Соч., изд. 1886, т. XII, с. 312.

славянофильские салоны и западнические кружки вовлекли в литературу крупный социологический материал. Роман Герцена и книга Одоевского в этом отношении очень показательны. Это еще один вид связи кружков и салонов с литературной эволюцией.

Наконец, хотелось бы остановиться еще на двух типах литературных объединений, начавшихся к концу 20-х годов и захвативших все 30-е годы. Это объединения, связанные с дифференциацией писателей на «аристократов» и «купцов». Подобное разделение произошло не по родовому признаку самих писателей, потому что были писатели-дворяне, принадлежавшие к лагерю «торгового направления» (дворянин Воейков, польские дворяне Булгарин и Сенковский), и были писатели, не славившиеся своей родовитостью, но принадлежавшие к лагерю «аристократов» (плебеи М. П. Погодин и А. А. Краевский, С. А. Соболевский, польское дворянство которого было куплено, мелкопоместный украинский шляхтич Н. В. Гоголь). Разделение на аристократов и купцов производилось скорее по разному отношению к самому пониманию литературы. «Литературные торгаши» — этот эпитет мелькает в письмах Пушкина, Вяземского, Дельвига, в полемических статьях, памфлетах и эпиграммах, в коварных эпиграфах с виду невинных статей — словом, во всем арсенале литературно-бытового материала, относящегося к 1830 и ближайшим к нему годам. Даже такие писатели, как И. В. Киреевский и С. П. Шевырев, которые, громко толкуя о пользе просвещения, не могут не признать положительного значения за многотиражными романами, как распространителями по крайней мере любви к чтению в малокультурной среде, — и те апеллируют к ответственности против количественности и задают себе вопрос, кто же этот новый читатель? «Мы не видим их так же, как и тех, которые наслаждаются сонником и книгою о клопах».¹ «Торговое направление» — это писатели, создающие массовую литературу, широко применяющие приемы коммерческой пропаганды своих произведений вплоть до реклами-

¹ *Ив. Киреевский*, *Обозр. русск. слов. за 1829 г.*, Соч., М., 1914, т. II, с. 36; ср. еще его же *Обозр. русск. слов. за 1831 г.*, *ib.*, с. 41, 42, также и 36. См. еще *Обозр. русск. слов. за 1827 г.* [Шевырева], «*Моск. Вестн.*», 1828, ч. I, № 1, с. 78 — 79.

рования их в критических отделах своих изданий; это писатели, живущие за счет своих литературных заработков и несколько не скрывающие этого. Словом, это писатели-профессионалы. Им противостоит группа писателей-аристократов. Эта группа, за редкими исключениями (например, Пушкина), материально от своей литературной продукции не зависит: Одоевский, например, весь свой литературный заработок употреблял на расширение своей библиотеки и, как правило, для этой цели не брал денег, получаемых им из других источников. «Писатели в России, — вспоминал об этой группе А. Мицкевич, побывавший в центре русского литературного мира во второй половине 20-х годов, — образуют род братства, соединенного многими связями. Они почти все или люди зажиточные, или чиновники правительства: пишут они большею частью для того, чтобы приобрести славу или общественное значение. Талант у них не сделался еще товаром, а потому редко встречается между ними ремесленное совместничество и вражда интересов. По крайней мере я не видал тому примера. Таким образом, литераторы любили собираться между собою, видались почти ежедневно и весело проводили время среди обедов, чтений, дружеских бесед и споров».¹

Литературная борьба дилетантов — борьба чисто идейная, чисто литературная; борьба профессионалов имеет за собою материальную базу. Критика дилетанта — есть выражение его мыслей, а Булгарин, писатель-профессионал, расценивал литературное произведение в зависимости от фактов литературно-бытового порядка. Это различие объясняет нам и сравнительное дружелюбие всех аристократических кружков и салонов и резкую вражду между вечерами писателей-торговцев.

У аристократов мы находим несколько типов салонов. В одних принимаются только люди равного социального слоя и писатели, музыканты и художники аристократического направления. Положение писателя в таком салоне, если он по своему родовому признаку не аристократ, несколько напоминает положение певца-простолюдина, допускавше-

¹ [А. Мицкевич], Биографическое и литературное известие о Пушкине, Le Globe, 26 мая 1837 г., «Р. А.», 1873, с. 1064 сл.

гося в средние века ко двору. Другие салоны были более демократичны. Состав их посетителей строился отчасти по принципу индивидуальной одаренности (принцип вечеров торгового направления). Так, демократически настроенный В. Ф. Одоевский стремился превратить свой салон в объединяющий центр родовой аристократии с лучшими представителями писателей-разночинцев. Подобные попытки кончались обычно неудачно. Даже сравнительно малозначительная попытка Одоевского объединить *личный состав* литературы и аристократии (но не объединить враждующие литературные системы) кончилась показательно: салон и кабинет его квартиры размежевались между собою, и в них замкнулись группы, подлежащие объединению. Вообще же аристократы не совсем дружелюбно смотрели на сближение с писателем-разночинцем. Так, значительно позже, в конце 40-х годов, в московском салоне Оболенских, принимавшем писателей, приходилось отражать нападки за прием разночинцев. «Выезжая в свет, матушка выдерживала иногда и нападки за прием у себя литераторов. Как теперь помню, один великосветский господин, встретив выходявшего В. П. Боткина, спросил у матушки: «что, вы у него чай покупаете?» (Боткин торговал чаем) — на что матушка отвечала: «Нет, подаю ему чай».¹

Наконец, были литературные салоны, демократизованные еще больше. Так, в салоне Ф. И. Толстого собирались писатели от Пушкина, Жуковского, Гнедича, Шаховского и до Кукольника и его молодых почитателей. Демократический характер Толстых подтверждается и другим представителем этой семьи, Феофилом Матвеевичем Толстым, в свое время не безызвестным музыкальным критиком. «Не знаю, — пишет он, — отчего М. И. [Глинка в своих «Записках»] говорит, что хотя мы (Толстые) и принадлежали к высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жареным картофелем с луком. Положительно могу заверить, что у нас, Толстых, и помыслу никакого не было о каких-либо подразделениях на низшее и высшее общество, и что для меня лично общество М. И. Глинки и его семейства пред-

¹ Д. Д. Оболенский, *Наброски на прошлое*, «И. В.», 1893, LIV, с. 351 — 352.

ставлялось высшим идеалом образованности и любезности». ¹

С расслоением писателей, естественно изменяется и обстановка. Дружески-литературный характер салонов Смирновой и Карамзиной заменен у Одоевского либо официальнойностью в салоне, либо свободным обменом мыслей среди ничем друг с другом не связанных (потому что слишком многочисленных) посетителей его кабинета, а у Толстого — свободным удовлетворением своих интересов — от танцев и биллиарда до живописи и литературы.

Наконец, надо указать и на различие литературных функций этих салонов. Салоны чисто аристократические подводили писателя к его читателю. В этом смысле любопытна и связь между салонами и журнальной литературой. Так, например, в салоне Лаваль заказывались благоприятные рецензии на книги писателей-аристократов; ряд таких рецензий мы и находим во французской салонной газетке «Le Fuget». Кроме того, при развитом меценатстве такой салон морально и материально поддерживал «своего» писателя, противопоставляя, таким образом, свою поддержку связям Булгарина с III Отделением. Салон Одоевского, как сказано, стремился объединить аристократов с писателями-разночинцами. С точки зрения литературных интересов писателя эта позиция салона означает, что салон пытался внедрить книгу разночинной литературы в свою аристократическую среду. Салон Толстого обслуживал только писательский отдых и дальше хроники литературы и искусства или рецензирования нововышедших книг не шел.

Группа торгового направления имела ряд своих собственных объединений — не салоны, а вечера. Характерной чертой этих вечеров является их производственный характер: они группируются вокруг редакторов отдельных литературных журналов и вместе с ними образуют союзы и участвуют в журнальной борьбе. Таковы, например, пятницы Воейкова, настроенные крайне враждебно к четвергам Греча, объединявшим редакционных сотрудников Булгаринских и Гречевых изданий. Производственный характер Воейковских пятниц,

¹ Воспоминания Ф. М. Толстого, По поводу «Записок М. И. Глицики», «Р. С.», 1871, III, с. 423. Курсив Ф. Толстого.

если верить словам Бурнашева, отразился и на бесплатном использовании всего литературного и литературно-бытового материала, так или иначе сообщаемого на этих пятницах. Позже редакционный характер таких вечеров уже не характерен для одного лишь торгового направления. В 30-х годах мы встречаем уже тесные сплоченные группы и при «Московском Наблюдателе» и при «Современнике», а в 40-х годах — в ярко выраженном антагонизме таких вечеров при «Современнике» Панаева и «Отечественных Записках» Краевского. Литературная и художественная богема зародилась как будто на средах Н. В. Кукольника, объединявших главным образом торговое направление, а несколькими годами позже, ко второй половине 40-х годов, богемен и характер «Молодой редакции Москвитянина».

Конечно, на протяжении всего этого времени, с конца 20-х и по конец 40-х годов, самый характер редакционных собраний значительно меняется. Если к концу 20-х годов писатели-профессионалы, как Боейков, пользовались своими вечерами для литературной эксплуатации своих гостей, то в 30-х годах мы встречаем уже зачатки идеологических редакционных объединений («Московский Наблюдатель», своего рода кооперативное издание), пышным цветком расцветших в либеральном «Современнике».

Хронологически кружок Белинского и редакционные вечера «Современника» замыкают нашу книгу. После них намечается распад кружков и салонов, как крупного литературного фактора. Писатели, правда, заглядывают друг к другу, показывают друг другу свои произведения, но коллективной, творческой работы кружки и салоны уже не ведут. Тут появляется даже новое понятие «литературного чтения», сначала домашнего (оно восходит, пожалуй, еще к 30-м годам, к чтениям Кукольника), потом (1859 — 1862) и публичного. Основной интерес для публики тут сосредоточивается уже не на самом произведении, а на авторе и на авторском чтении. Публике любопытно посмотреть и послушать писателя.

Кружки, салоны и вечера, в которых помимо чтений происходит еще коллективное обсуждение, а иногда и изменение литературных произведений, в которых беседа затрагивает основные литературные принципы и устанавливает новые лите-

ратурные ценности, эти кружки можно назвать кружками диалогического типа. Таковы «Дружеское Литературное Общество», Арзамас, кружок Любомудров. В 30-х годах появляется новый тип литературных объединений, так сказать, монологический. Тут господствует единая сплывшая писательская личность, объединяющая вокруг своих собственных литературных интересов своих литературных адептов. Такова, повидимому, ранняя эпоха вечеров Кукольника, таков позже кружок Белинского. Разрыв Достоевского, позже Толстого, еще позже Тургенева с кружком «Современника» может рассматриваться не только как расхождение социального и идеологического порядка, но и как протест писательской личности против ставшего уже посторонним гнета. Так родилась наша «индивидуальная» литература, о которой мы упомянули в самом начале статьи.

Новую волну литературно значимых кружков мы находим лишь к концу XIX и в начале нашего века, в эпоху символистов и акмеистов, на средах Вяч. Иванова, в цехе поэтов Гумилева, в бурных выступлениях футуристов и их теоретика «Опояза».

Таковы некоторые вехи в истории кружков и салонов. Мы следили за изменениями их типа в связи с изменениями литературы. Вместе с каждой новой литературной системой появляется новый характер кружка или салона. Вторая, литературная, координата наших объединений нами найдена. Связь их с литературой не подлежит сомнению. Остается лишь спросить себя о характере этой связи и о причинах возникновения и распада литературных кружков и салонов.

Мы подошли тут к одному из серьезнейших вопросов современной науки о литературе. Мы видели все время, что изменяется литература и изменяются кружки и салоны. Теперь естественно спросить себя, что является самостоятельным изменением и что переменным. Другими словами, поставим вопрос, зависит ли литературная эволюция от работы кружков и салонов, или, наоборот, характер кружков и салонов зависит от литературных изменений.

История дает нам примеры обоих случаев. Полемика Арзамаса с Беседою или характер архаических и карамзинистских кружков и салонов теснейшими узами связаны с данными литературными системами. Арзамас в другую эпоху просто невозможен. Кружки и салоны нельзя рассматривать как раз навсегда установленные типы и виды объединений. Не Арзамас явился полемическим кружком, а организованные в Арзамас карамзинисты. Кружки делаются: они зависят от тех, кто их делает, и от того, зачем их делают. Кружки тут являются своеобразной мобилизацией сил данной литературной партии для данной литературной цели. В этом смысле правы некоторые исследователи, когда они говорят о кружках и салонах, как о служебных организациях.

Но есть и кружки, которых не вызвала к жизни никакая-нибудь одна литературная партия и которые, не опираясь на какую-нибудь определенную литературную систему, борются с существующей литературой. Таковы, например, Любомудры. У Одоевского в «Мнемозине»¹ есть любопытная полемическая статья «Листки, вырванные из Парнасских ведомостей», отражение литературной полемики, возникшей в то время вокруг «Бахчисарайского Фонтана».²

¹ «Мнемозина», 1824, ч. 1, с. 178 — 182.

² В своем труде «Из истории русского идеализма» *И. Н. Сакулин* считает эту статью отражающей литературную полемику Арзамаса и Беседы (т. I, кн. 1, с. 258 сл.). Это неверно, так как эта полемика была в дни написания и опубликования статьи совсем неактуальна; и Арзамас и Беседа отошли в область прошлого даже для самих их членов. Гораздо ближе связь этой статьи с полемикой вокруг «Бахчисарайского Фонтана», занимавшей литературные умы в течение первой половины 1824 года, когда появилась эта статья. В. Ф. Одоевский мог познакомиться с «Бахчисарайским Фонтаном» и с позицией М. Дмитриева к нему еще 29 ноября 1823 г. в кружке Раича (Дневник Погодина, Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. I, с. 248 сл.).

Статья эта направлена против обеих господствующих литературных партий и апеллирует к нарождающимся Любомудрам. Тут позиция литературного кружка не является следствием литературы, а, наоборот, готова порождать литературные явления.

Связь кружка с современной ему литературой очень сложна. Мы видели уже не раз, что кружки организуются по определенным литературным целям. Вместе с изменением литературной системы изменяются и цели, а через них и характер кружка. С другой стороны, свободная инициатива в выборе литературных целей, методы борьбы для их достижения и т. п. определяются уже в меньшей степени литературой, чем литературным кружком. Таким образом связь кружка с литературой есть связь двухсторонняя: не только литература определяет кружок, но и кружок определяет литературу.

Связь с литературой салона, сравнительно, проще. Больше кружка связанный с бытовой обстановкой эпохи, салон в литературной эволюции играет роль пропагандиста данной литературы в современном ему обществе. Литературный салон был в свое время посредником между писателем и читателем. Через него распространялись в обществе литературные идеи. Если кружок можно рассматривать как своеобразную организацию литературной партии, то салон играет роль литературного агитпропа.

Так было по крайней мере в России в первой половине XIX века. В другой стране, в другой структуре общества возможны и иные функции литературных домашних кружков и салонов, как и социальные функции литературы вообще. Л. Шюккинг в своей книге «Социология литературного вкуса»,¹ касаясь тесной связи германской буржуазии с литературой в XIX веке, говорит о значении литературных кружков и салонов для заключения браков. «Литературное собрание такого [т. е. домашнего] рода является одной из главных форм общения в эту пору [начало XIX в.], и литература является обычной темой, направляющей движение беседы. Конечно, и молодежь представлена здесь. Но в этом литературном веке

¹ Вышла в русском переводе под ред. В. М. Жирмунского в изд. «Academia», Лгр., 1928.

случается особенно часто, что книга дает первый толчок или оказывает существенную помощь при заключении «вечного союза». Литературная новинка была тем нейтральным полем, на котором молодые люди знакомились друг с другом; она позволяла заглянуть в мысли и чувства собеседника, отраженные в его суждениях о людях и вещах. Нынче все это кажется чуть не романтикой».

Возможно, что если бы удалось обследовать читательскую среду наших русских «Библиотек для чтения» и «Северных Пчел», многотиражных изданий, рассчитанных на массового потребителя, то мы нашли бы аналогичную картину и у нас. Но те сотни кружков и салонов, которые нам удалось разыскать в мемуарной литературе, состоят чаще всего, конечно, из дворян, носителей культуры в первые десятилетия XIX века. Другие социальные группы мы находим лишь в чисто писательских объединениях, посвященных более своим профессиональным интересам. Для культурных же «дворянских гнезд» в условиях русского общества литературные кружки предстояли, как носители просвещения или по крайней мере как стимулы духовного развития. Конечно, и эти термины надо понимать исторически; стимулом духовного развития в 10-х и 20-х годах XIX века являлось и остроумие, в которое упираются мелкие жанры карамзинистов.¹

Кроме того, следует учесть и увеличение общего числа писателей, художников, ученых и пр. для социальной значимости кружков и салонов. Когда писателей мало, когда они, как островки, выделяются на темном море современной общественности, кружки и салоны, объединяющие их, значительно выигрывают в своей социальной значимости. Мы приводили в статье и приведем еще в тексте не мало примеров того, как какие-нибудь объединения являются, по выражению Погодина, «ареопагами печатных явлений». Изучение печати требует еще дополнительного изучения этих ареопагов. Когда во второй половине XIX века домашние объединения прекратились, то В. А. Сологуб именно расширением культуры объясняет их исчезновение: «Таких домов мы знали

¹ Ср. Ю. Тынянов, Пушкин и архаисты, сб. «Пушкин в мировой литературе», с. 223.

четыре, — пишет он в 1869 г.: — дом Олениных, дом Карамзиных, дом Виельгорских, дом Одоевских. В этих домах ученые и мыслители, поэты и художники были не в гостях, а у себя дома; они чувствовали себя как в родимом гнезде. И то сказать надо, что их было немного: для них было достаточно одного крова, одной семьи. Теперь подобные средоточия, может быть, более не нужны. Представители движения в науке и в искусстве размножились; они уже образуют не кружки, а стихию». ¹

Такова линия от литературы к среде, ее потребляющей. Салоны являются тут главным образом в своей агитационно-пропагандистской функции. Они — этап на пути, по которому в эпоху малоразвитой литературной промышленности (журналистики, книжной торговли, готового потребительского рынка) литература находит своего читателя. Кампания против карточной игры и за литературу и другие искусства, поднятая в кружке Хераскова, в салонах Волконской, Карамзиной и Одоевского в этом отношении чрезвычайно значительна.

Особое значение кружки и салоны приобретают для встречающихся там писателей, художников, ученых и музыкантов. Тут происходит, повидимому, обмен между представителями разных искусств и наук. Значение этого обмена покамест учесть трудно, но нет сомнения, что он прольет свет на такие сложные явления, как параллельные и адекватные изменения в ряде искусств и наук. Романтизм, например, мы встречаем не только в поэзии, но и в философии, и в музыке, и в живописи и т. д. Литературный реализм находит себе поддержку в философском позитивизме, в реалистической живописи и пр. Уяснить себе связь между этими явлениями, если отказаться от априорных построений, можно только путем внимательного изучения той области, где представители разных искусств непосредственно сталкиваются между собою. А это мы и находим в кружках и салонах. Отметим также, что некоторые виды культурных ценностей, как, например, опера, требуют участия представителей разных искусств, и если мы знаем, что декорации оперы Глинки

¹ В. А. Солмогуб, Воспоминания об В. Ф. Одоевском, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 90 — 91.

«Жизнь за царя» писал Брюллов и что в тексте оперы есть и Кукольниковские стихи, то естественно возникает вопрос, в какой связи находится это сотрудничество с триумvirатом, возглавлявшим среды Кукольника. Ведь для современной публики опера — не только музыкальное произведение, но и сложное сценическое единство разных, но коллективным трудом объединенных искусств.

Но даже в пределах одного искусства нельзя не видеть коллективной творческой работы кружков. Именно здесь, особенно в ранние периоды их истории, можно часто встретить исправления художественных произведений одного поэта другими, именно здесь выслушивается первая критика произведения, и обсуждаются творческие замыслы индивидуума, и здесь же создается комплот для литературной борьбы с другими партиями для разрешения литературных задач времени.

В создании литературного произведения, в создании лица писателя и в литературной эволюции кружки и салоны принимают живейшее участие. Но именно потому, что все эти моменты являются центральными вопросами литературоведения, нельзя переоценивать литературную значимость кружков и салонов. Их литературная функция может быть выполнена и другими факторами. Исправить стихи начинающего поэта могут не только его товарищи по кружку, но и его учитель. Невозможность вследствие цензуры напечатать ряд произведений может сильно отразиться на писательском лице, независимо от кружка или салона. Наконец, и литературная эволюция не всегда связана с жизнью кружков и салонов: во второй половине XIX века, в эпоху индивидуальной литературы, она оформлялась другими силами, например, журналами.

Ведь были же, наконец, и такие кружки и салоны, которые *ничего* не сделали для литературной эволюции. Таковы были, например, среды Кукольника, родоначальники писательской богемы. Настроенные оппозиционно к приличиям светских литературных салонов, они не создали ничего, что оставило бы сколько-нибудь заметный след в литературе. Анализируя их значение, А. Н. Струговщиков очень хорошо вскрывает играющие тут эволюционные силы.

«Несмотря на бутады Платона Кукольника, я не переставал

бывать и на других вечерах, где на кукольниковские собрания смотрели со справедливым предубеждением. Порицатели были правы; правы не в нападках на возлияния Бахусу, от которых были не прочь и друзья Виельгорского, Одоевского и Сологуба, чему я бывал свидетелем, — правы были порицатели в том, что вся кукольниковская компания не внесла в нашу литературу ни одной новой мысли, не выработала ни одного здорового общественного принципа, как не сделали этого и гостиные наших меценатов, с их Жуковскими и Вяземскими. Но литературное влияние последних в периоды 1820-х и 1830-х годов обусловлено было иной средой. Погром 14 декабря отнял надолго охоту у передовых людей общества вмешиваться во внутреннюю политику нашей жизни, да и самые пути к тому были zagrożены. Вот почему неоспоримые заслуги Жуковских и Вяземских были собственно тут не при чем. И как честь русской музыки принадлежит Глинке, так и честь нового, смелого слова принадлежит людям другого закала. Поэтому-то и хорошие стороны кукольниковского кружка не искупили отсутствия того, чего требовало и время и подготовленная почва; а что она была подготовлена, это доказала наша литература сороковых годов, с ее последствиями в жизни». ¹ Своеобразная литературно-бытовая полемика между торговым направлением и литературной аристократией, отразившаяся и в жизни кружков и салонов, прошла попусту: победителем вышла третья сила, выросшая в атмосфере общественно-литературных кружков Станкевича, Герцена и других.

Литературный быт изменяется постоянно. Эти изменения захватывают не только типы и виды отдельных явлений, но касаются и больших областей, передающих друг другу свою литературно-бытовую функцию. Функцией кружков и салонов в русской литературе являлась, с одной стороны, связь между читателем и писателем, а с другой — связь между членами одной литературной партии. Распад кружков и салонов не означает, что литература перестала нуждаться в этой функции: наоборот, может быть, именно усложнением и расширением этой функции следует объяснить упадок

¹ А. Н. Струговицкий, М. И. Глинка и пр., «Р. Ст.», 1874, XI, с. 709.

литературных кружков и салонов во второй половине XIX в. С развитием книжной индустрии, с развитием журналистики стало возможным писательское объединение, не связанное местом и временем, стала возможной пропаганда среди читателей, не имеющих возможности посещать тот или иной литературный салон. На место кружка и салона становится, повидимому, журнал. Во второй половине XIX в. встреча писателей между собою и с читателем происходит именно там. В непосредственном общении необходимости нет. Но для того, чтоб журнал мог взять на себя функцию кружков и салонов, потребовались десятилетия упорной борьбы за формирование читательских кадров, за развитие русской общественности. Это, действительно, был процесс расширения русской культуры, о которой говорил в приведенной выше цитате В. А. Соллогуб.

Другой причиной распада кружков и салонов явилось развитие литературного профессионализма в России. Понятие профессионализма чрезвычайно сложно и чрезвычайно изменчиво. Последние историко-литературные работы находят писателей-профессионалов еще в XVIII в., именно в среде писателей-переводчиков. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что литературный профессионализм XVIII века непохож на те его формы, которые сложились к 50-ым годам XIX в. и которые в известном смысле существуют еще и сейчас. Генеалогия этого вида литературного профессионализма восходит к периодической печати не ранее 20-х гг., к газетам и журналам так называемого «торгового направления». Именно тут складываются определенные отношения между редактором журнала и его сотрудниками, именно тут в основу этих отношений кладется экономика самого издания, как торгового предприятия.

Борьба «аристократов» с представителями «торгового направления» окончилась победой последних. Это была борьба за профессионализацию литературы. Оплата литературного труда в журналах, разделение труда в редакциях связано с этой борьбой и победой. К 50-ым годам процесс литературной профессионализации сложился окончательно. Тут возникла даже необходимость защиты профессиональных интересов писателя. Отсюда рождается «Литературный фонд» и др. объединения, имеющие мало общего с литературными

кружками и салонами XVIII и первой половины XIX века. Таким образом, кружки и салоны не дают универсального ответа на все литературные вопросы. Но, тем не менее, нельзя отрицать за ними крупного эволюционного значения в известные литературные периоды, как нельзя отрицать и их большого участия в творчестве некоторых русских писателей. Самое важное в них, пожалуй, — это их центральное место в историко-литературном процессе известных литературных эпох. Изучение кружков и салонов ведет с одной стороны к изучению редакционной жизни повременной печати, вводит исследователя в массовую литературу изучаемой им эпохи, выдвигает понятие литературной современности и, наконец, что важнее всего, ставит ряд методологических задач по изучению нитей, связывающих литературу с социальным рядом. Вместо приевшихся частных монографий в порядке дня историко-литературного сегодня стоит проблема «полиграфии», изучение сложности и множественности перекрещивающихся литературных явлений, стоит изучение не столько «живого» писателя, сколько «живой» литературы.

М. Аронсон.

Ленинград.
Декабрь 1928 г.

К Р У Ж К И

С восшествием на престол [Александра I]... все устремились с невероятным рвением к обработанию российского слова. Мужья, знаменитейшие по влиянию и власти своей, с сладостным удовольствием преклонили слух свой к произведениям словесным. Молодые дворяне составили из трудов словесности свои любезнейшие занятия; и всякое состояние вообще обратило на нее взор свой... Образовался, так сказать, дух публики, подобный тому, который некогда (при Екатерине) оживлял и двор и знаменитых граждан империи... Сей дух, быстрый и благотворительный, произвел весьма многие частные собрания литературные, в которых молодые люди, знакомством или дружеством соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочинения и таким образом совершенствовались себя на трудном пути словесности и вкуса. В Петербурге и Москве существовали такие общества,.. живущие единственно удовольствиями, внутри самих себя заключенными, одним словом, наслаждениями ученья; говорю о собраниях дружеских потому особенно, что я сам во многих из них участвовал и сие время в жизни моей почитаю и всегда почитать буду самым счастливейшим, золотым, невозвратимым временем моей жизни. Как приятен был для нас собственный образ нашей жизни! Пламенная любовь к литературе, простые искренние расположения друг к другу, свобода, сладостная беспечность, любезная мечтательность, взаимное доверие, любовь к человечеству, ко всему изящному, стремительность к добру, невинная, охотная, бескорыстная, даже иступленная: вот что было жизнью наших собраний, наших разговоров, наших действий...

Мы строго критиковали друг друга письменно и словесно, разбирали знаменитейших писателей, которых почитали образцами своими, рассуждали почти о всех важнейших для человека предметах, спорили много и шумно за столом ученых и расходились добрыми друзьями по домам.

А. Ф. Мерзляков, Воспоминание о Ф. Ф. Иванове, Труды Об-ва Люб. Рос. Слов. при Моск. Уч-те, 1817, ч. 7, с. 101 — 104.

Здесь желал бы я друзьям русской литературы, коей некогда Москва и в ней университет были средоточием, напомнить о том влиянии, какое Веймарская Афинская деятельность имела и на нашу московскую словесность. Несколько молодых людей, большею частью университетских воспитанников, получали почти все, что в изящной словесности выходило в Германии, переводили повести и драматические сочинения Коцебу, пересаживали, как умели, на русскую почву цветы поэзии Виланда, Шиллера, Гете, и почти весь тогдашний новейший немецкий театр был переведен ими; многое принято было на театре московском. Корифеями сего общества были Мерзляков, Ан[дрей] Т[ургенев]. Дружба последнего с Ж[уковским] не была бесплодна для юного гения. Она увековечена в посвященьи памяти его первого и превосходного перевода поэта.

Александр Тургенев, Отрывок из записной книжки путешественника, «Совр.», 1837, т. V, с. 304.

Мысль моя летала в минувшем, которое ближе моему сердцу. Я думал о Лафатере, коего любил батюшка и Иван Владимирович [Лопухин], как в Камбре думал о Фенелоне, думал о родственнике Лафатера Тоблере, который был не столько учителем, сколько другом нашим, т. е. брата Андрея, ибо я еще не знал цену ему; но сохранил все его письма к брату, которого он любил, и расставшись с ним.

А. И. Тургенев, Письмо Н. И. Тургеневу, от 27 сентября 1827 г.
Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу, Лейпциг, 1872, с. 152.

Кроме глубоких впечатлений, обыкновенно оставляемых в душе нашей минувшим счастливым и даже несчастливым временем, тогдашние дружеские беседы наши и потому для нас вечно памяты, что они без всякого сомнения были предтечами, хотя не прямо, и сего открытого общества, высочайшим соизволением одобренного.¹ В самом деле, тогда быть членом литературного общества сделалось для каждого из нас необходимою душевною потребностью, которая, пре-

¹ Речь идет об Обществе Любителей Российской Словесности при Московском университете.

образовавшись в постоянную склонность, имела великое влияние на все пришествия нашей жизни.

А. Мерзляков, Воспоминания о Ф. Ф. Иванове, Труды Об-ва Люб. Рос. Слов. при Моск. Ун-те, 1817, ч. 7, с. 106—107.

Если бы поэты не употребляли во зло дара своего, если бы они не прославляли плачевного разорения целых империй, не прославляли бы того пламени, которым пожжены несчастные жители мирных деревень, если бы они представили звероподобного Героя, омытого дымящеюся кровью невинных, не милосердие, но ужас и трепет несущего во взорах, если бы они обнаружили пустой блеск той мнимой славы, за которою гоняется сей безумец, то при одном имени Александра [Македонского], добродетельный юноша содрогнулся бы и страшился быть ему подобным. Если бы историк выводил на сцену одну только истинную добродетель и лестную ее награду, невольным бы образом юноша затверживал имена истинно великих, невольным бы образом возрождался в нем огонь пожертвования, который вместе с летами более и более согревал кровь его...

А. Кайсаров, Из речи о славе в Друж. Лит. Об-ве, 20 марта 1801 г., «Р. Библио», 1912, № 4, с. 12.

Он [Н.М.Карамзин] слишком склонил нас к мягкости и разнеженности. Ему бы надлежало явиться веком позже, тогда, когда бы мы имели уже более сочинений в важнейших родах; тогда пусть бы он в отечественные дубы и лавры влетал цветы свои.

Скажу откровенно: он более вреден, нежели полезен нашей литературе, и с тою же откровенностью признаюсь, что и сам я, а может быть не я один, желал написать то, что он, нежели все эпические наши поэты. Он вреден потому еще более, что пишет в своем роде прекрасно; пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее, не столько применялись к мелочным родам, пусть бы мешали они с великим уродливое, гигантское, чрезвычайное; можно думать, что это очистилось бы мало-помалу. Смотря на общий ход просвещения и особенно литературы в целом, надобно признаться, что Херасков больше для нас сделал, нежели Карамзин...

Но я не хочу винить Карамзина, всякий бы сделал на его месте тоже... Мы сами имели Петра Великого, но такой человек для русской литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных питательных плодов.

Андрей Тургенев, Из речи в Друж. Лит. Об-ве, «Р. Библ.», 1912, № 1, с. 29—30.

Обряд бракосочетания г-на к[арамзина].¹

Новобрачные имели в руках по букету ландышей. Жрец природы, предшествуя им, пел с обоими ликами следующий псалом с припевом: «Лишась способности грешить»:

И другу, недругу закажем
Кого-нибудь в соблазн вводить,
Лишась способности грешить.
Прямым раскаяньем докажем,
Что можем праведными быть,
Лишась способности грешить.
Отныне будет все иное,
Чтоб строгим людям угодить,
Лишась способности грешить.
Мужей оставим мы в покое,
А жен начнем добру учить,
Лишась способности грешить.
Среди собраний светских будем
Ругать как можно злее свет,
Лишась способности грешить...

¹ Н. М. Карамзин в 1801 г. женился на Е. И. Протасовой. На этот случай А. Кайсаров, член Дружеского Литературного Общества, написал пародию «Обряд бракосочетания»..., используя цитаты из различных произведений Карамзина. Пародия эта любопытна, как попытка осмеяния сентиментализма и стиля Карамзина, исходящая из недр Дружеского Литературного Общества.

Даем «обряд» по тексту «Русской Старины». А. Фоминим в статье в «Русском Библиофиле» (1912, № 1) дан ряд мелких разночтений по другому списку «Обряда».

После сего жрец природы говорил краткое поучительное слово следующего содержания: «Именем природы заклинаю вас любить друг друга; именем той, которая велика в треске громов и бурь, в дыхании зефира и реве борея»... (В это время сильно подул ветер.)

По окончании воззвания, две горлицы принесли венки для новобрачных, которые жрец принял и, возложив на новобрачных, говорил: «Сплетенный вам венок из белых тубероз, из свежих ландышей, из юных алых роз, для вас одних сплетен он чистою рукою»...

Абие малая ектения и Грации приносят со слезами чашу чувствительности. Жрец природы подносит ее трижды, сперва к мужу, а потом жене, в которую нежные их сердца прибавляют еще по несколько капель сего небесного дара. Грации отдают чашу зефирам, которые и относят ее во святилище. Посем жрец ведет их вокруг жертвенника и поет настоящие тропари, а за ним и оба лика.

Тропарь, глас А. (вместо Исаия ликуй):

«Пора, друзья, за ум нам взяться:
Беспутство кинуть, жить путем:
Не век за бабочкой гоняться,
Не век быть резвым мотыльком...»

Музы сняли с них венки.

Аполлон и вся процессия приветствовали их.

А жрец говорил еще краткое поучение:

«Любовь и дружба, вот чем можно
Себя под солнцем утешать.
Искать блаженства нам не должно,
Но должно менее страдать».

Новобрачные, ревностные последователи своего исповедания, читали после сего акафист природе, с припевом: «Мать, любезная природа, улыбнись», по окончании которого жрец благоволил им учинить обычный отпуск. Страстные любовники повторили клятвы свои уж в шалашах своих и, запечатлев их пламенными поцелуями, наконец, «Небо на земле вкусили...»

А. С. Кайсаров, «Р. Ст.», 1876, т. XVII,
с. 177—180.

Г. Р. Державин И. П. Амirkрев И. А. Крылов А. С. Шишков

И. И. Греч А. Ф. Лабзин А. С. Хвостов А. А. Писарев П. Ф. Карабанов

И. А. КРЫЛОВ ЧИТАЕТ В «ВСЕДЕ ЛЮВИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА» ВАСНЮ «ДЕМЬЯНОВА УСА».

(к стр. 88)

Известно нам, что Ваше высокородие с величием Арзамасского Гуса прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостоиваете взгляда ни Беседных трясины галиматъи, ни академических закоулков бессмыслицы. Из диплома, подпесенного обществом Арзамас Н. М. Карамзину, «Ст. и Нов.», 1907, кн. 12. с. 334 сл.

I

Свет литературный делился тогда на две, резко обозначенные партии — Шишкова и Карамзина. К первой принадлежали все Кутузовы, Кикин, И. С. Захаров, Хвостов (Александр Семенович), кн. Шаховской и вообще большая часть членов Беседы Любителей Русского Слова. К последней Дмитриев, Блудов, Дашков, Тургенев, Жуковский, Батюшков, В. Л. Пушкин, Вяземский и т. д. Державин, Крылов, Гнедич держались середины, более склоняясь к последней.

Карамзинолатрия достигла у его читателей высшей степени: кто только осмеливался сомневаться в непогрешимости их идола, того предавали проклятию и преследовали не только литературно. Гораздо легче было ладить с самим Карамзиным, человеком кротким и благодушным, нежели с его иступленными сеидами. Дух партии их был так силен, что они не только предавали острацизму достойнейших людей, дерзавших не обожать Карамзина, но и приближали к себе гнусных уродов, подделывавшихся под их тон...¹ Вигеля, величайшего в мире подлеца Воейкова. Вторую *собенкою*² этого круга был Жуковский. Его любили, честили, боготворили. Малейшее сомнение в совершенстве его стихов считалось преступлением. Выгоды Жуковского были выше всего. П. А. Никольский, издавая «Пантеон Русской Поэзии», не думал, что может повредить Жуковскому, помещая в «Пантеоне» его стихотворения. А. Тургенев увидел в этом денежный ущерб для Жуковского... и однажды, заговорив

¹ Одна строчка вычеркнута цензурой.

² Курсив Греча.

о них с Гнедичем на обеде у гр. Строгановой, назвал Никольского вором. Гнедич вступился за Никольского. Вышла побранка, едва не кончившаяся дуэлью. Никольский, узнав об этом, перестал печатать в «Пантеоне» сочинения Жуковского. Эти иступленные фанатики требовали не только признания таланта в Карамзине, уважения к нему, но и самого слепого языческого обожания. Кто только осмеливался судить о Карамзине, видеть в его творениях малейшее пятнышко, тот в их глазах становился злодеем, извергом, каким-то безбожником. В. Л. Пушкин сказал о приверженцах Шишкова:

И еще смеет кто Карамзина хвалить.
Наш долг, о людие, злодея истребить.

То же можно было сказать о противной партии, переложив только первый стих:

И еще смеет кто Карамзина судить.

Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество под названием Арзамаса, в которое принимали людей, поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти к Шишкову. Каждый при вступлении должен был прочесть похвальное слово, сатиру или что-нибудь подобное в восхваление идола и в унижение противника. Я был всегда ревностным читателем Карамзина, не по связям и не по духу партии, а по искреннему убеждению; ненавидел Шишкова и его нелепых хвалителей и подражателей, но не налагал на себя обязанности кадить Карамзину безусловно и беспрестанно, и потому не только не был принят в Арзамас, но и сделался предметом негодования и насмешек его членов. Приверженцы же Шишкова злились на меня за действительную мою оппозицию. Впоследствии роли переменились. Например, Блудов, самый иступленный карамзинист, .. сделался, по министерству просвещения, товарищем Шишкова. Один Дашков остался верен своему призванию. Лет через пятнадцать после того, бывши тов. министра внутренних дел, он, при встрече, спросил у меня:

— И вы не обратились к Шишкову?

— Нет, — отвечал я: — остался при прежнем мнении. А вы, Дмитрий Васильевич?

— И я т-т-то-же. У меня два в-в-ра-га: Ш-и-ш-ш-ков и т-т-урки, — сказал он, заикаясь.

И. В. Греч. Записки из моей жизни, СПб., 1886, с. 408—414.

Начало Арзамасского общества следующее: кн. Шаховской написал комедию *Липецкие Воды* (еще прежде написал он на Карамзина комедию *Новый Стерн*). В *Липецких Водах* выставил он балладника, т. е. Жуковского. Разумеется, все наше молодое племя закипело и вооружилось. Дмитрий Николаевич [Блудов] написал *Видение в Арзамасе*, подобное тому, что аббат Morlet написал под заглавием «La Vision» вследствие комедии «Les philosophes», в которой Palissot выставил многих из тогдашних энциклопедистов. Дашков написал и напечатал в «Сыне Отечества» письмо к новейшему Аристофану и куплеты с припевом «хвала тебе, о Шутовской». Я разлился потоком эпиграмм и, кажется, первый прозвал Шаховского Шутовским... Это «Видение в Арзамасе» и передало нашему литературному обществу свое название. Деятельными учредителями, а после и ревностнейшими членами были Дмитрий Николаевич [Блудов], Жуковский и Дашков. Я тогда жил еще в Москве. Наименованный членом при самом основании его, начал я участвовать в нем позднее, т. е. в 1816 г., когда приезжал я в Петербург...

В уставе общества было сказано, между прочим, следующее: «По примеру всех других обществ, каждому новопоступающему члену Арзамаса подлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику; но все члены нового Арзамаса бессмертны, итак, за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями Беседы и Академии. Протоколы заседаний, которые всегда кончались ужином, где непременно блюдом был жареный гусь, составлены были Жуковским, в них он давал полный разгул любви и отличной гениальности своей и способности нести галиматью.

Все долго продолжалось одними шутками, позднее было изъявлено желание дать обществу более серьезное, хотя исключительно литературное направление и вместе с тем издавать журнал. Кажется, гр. Блудов составил новый проект устава... Но многие члены разъехались, обстоятельства изменились, и все эти благие намерения преобразования остались

без последствия. Само общество умерло естественной смертью или замерло в неподвижности, остались только дружеская связь между членами и употребление наших прозвищ в дружеских наших переписках.

Для подробностей и хронологических справок обо всем этом можно обратиться к запискам Вигеля...

П. А. Вяземский, Записная Книга, Соч., т. X, СПб., 1886, с. 243—247.

Фиалкин: ¹ Насилу я дышу! Ах! Вы мне показались
Тем мертвецом, что в гроб невесту...

Семен: Вся беда
От старых мамушек.

Фиалкин: Я мамушек не знаю.

Семен: Так мертвецами где ж напуганы?

Фиалкин: В стихах,
В балладах; ими я свой нежный вкус питаю;
И полночь, и петух, и звон костей в гробах
И чу! Все страшно в них; но милым все приятно,
Все восхитительно, хотя невероятно.

*А. А. Шаховской, Урок кокеткам или
Липецкие Воды, Комедия в 5 действиях,
СПБ., 1813, д. 5-е.*

Афишка... возвещала первое представление 23 числа [сентября 1815 г.] новой комедии Шаховского... «Липецкие Воды или Урок Кокеткам»... Кто-то предложил заранее взять несколько номеров кресел рядом; ... все изъявили согласие, кроме двух Оленистов. Нас сидело шестеро в 3-м ряду кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я.

... Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров. Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена; кипящие молодостью Блудов и Дашков спешили поднять ее...

Для получения наследства Блудов когда-то ездил в Оренбургскую губернию. Дорогой случилось ему остановиться в Арзамасе; рядом с комнатой, в которой он ночевал, была другая, куда несколько человек пришли отужинать, и ему

¹ Фиалкин — поэт, баллажник; Семен — служитель.

послышалось, что они толкуют о литературе. Тотчас молодое воображение его создало из них общество мирных жителей, которые в тихой, безвестной доле своей посвящают вечера суждениям о предмете, который тогда исключительно занимал его. Воспоминание об этом вечере подало ему мысль библейским слогом написать нечто под заглавием: «Видения в какой-то огаде». Арзамасские любители словесности, в одно из своих вечерних собраний, слышат странный шорох в соседней комнате. Шаховской в магнетическом сне бродит по ней; они прислушиваются, а он рассказывает, как... вздумалось ему остановиться перед окошком опустевшей залы дома Державина¹ и какие чудеса ему там привиделись. Потом принимается он исповедывать все тайные, но всем известные грехи свои. Писано было отменно забавно, а для Шаховского с товарищами довольно язвительно. Напечатать было невозможно...

Дашков поступил еще лучше, т. е. смелей... [Греч поместил в «Сыне Отечества»] «Письмо к новейшему Аристофану» Дашкова, притворяясь, будто не знает, на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самым пристойным, почти учтивым образом автор письма, как палицей, так и бил с плеча в Аристофана. Шум и великая тревога сделалась в неприятельском стане...

[14 октября С. С. Уваров пригласил несколько человек к себе на вечер.] В ярко освещенной комнате, где помещалась его библиотека, нашли они длинный стол, на котором стояла большая чернильница, лежали перья и бумага... Хозяин занял место председателя и в краткой речи, .. осуществляя мысль Блудова, предложил заседающим составить из себя небольшое общество «Арзамасских безвестных литераторов». Изобретательный гений Жуковского по части юмористической в миг пробудился... От узаконений, .. им предлагаемых, все помирали со смеху; единогласно избран он секретарем его.

Ф. Вилель, Записки, изд. «Круг», М., 1928, т. II, ч. 4, с. 61—64.

... Глухо разнеслась в нем [обществе] весть о существовании какого-то во мраке возникшего общества. «Беседа» первая

¹ В доме Г. Р. Державина происходили заседания Беседы Любителей Российской Словесности.

догадалась, что оно оживлено не совсем приятным к ней духом; в ней предполагали, что тайно готовятся на нее сильные нападения... Если бы некоторые из членов «Беседы», из тех, которые были поумнее, могли подслушать нас, то, верно, были бы успокоены и обезоружены. Правда, в похвальных им речах дарования их не слишком высоко оценивались, притязания их на авторство были осмеяны, но личности против них никто себе не позволял... Не менее «Беседы» взволновано было Оленинское общество: Арзамас казался ему загадкой, которой тайну я не спешил открыть ему.

Ив., с. 67 сл.

АРЗАМАССКИЙ ГИМН ¹

Вчера в торжественном венчанье
Творца затей
Мы зрели полное собранье
Беседы всей;
И все в один кричали строй:
Хвала тебе, о, Шутовской.
Тебе, герой, тебе, герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад!
В беседе бодрый усыпитель,
Хвостову брат
И враг талантов записной.
Хвала тебе, о, Шутовской!
Тебе, герой, тебе, герой!

Всем братьям роздал свои «Шубы»,
И все дрожат!
Его величие не трубы.
Свистки гласят;
Он мил и телом и душой.
Хвала и пр.

Еврей мог написать Дебору, ²
А я списал,

¹ Каптата Дашкова; пелась за ужином.

² Говорили, что «Дебору» Шаховского написал живший с ним и тоже служивший при театре Невахович.

В моих твореньях много вздору,
Кто ж их читал?
Доволен, право, я собой.
Хвала и пр.

Потом к Макару и к Ежовой ¹
Герой бежит;
Вот орден мой: венок лавровый,
Пусть буду бит,
Лишь бы в один кричали строй:
Хвала и пр.

П. Н. Аралов, *Летопись Русского Театра*,
СПб., 1861, с. 241—242.
Е. Сидоров, *Лит. Общество Арзамас*,
«Ж. М. Н. Пр.», 1901, № 6, с. 379 сл.

ЭПИГРАММЫ

С какою легкостью свободной
Играешь ты в стихах природой и собой:
Ты в *Шубах* Шутовской холодный,
В *Водах* ты Шутовской сухой.

В. [П. А. Виземский], «Рос. Музеум»,
1815, № 12, с. 234.

Наш комик Шутовской хоть любит уязвить,
Но остроумности своей не изменяет:
Умеет он всегда сначала усыпить,
Да после сонного уж смело и ругает.

Н. Н. «Сын Отеч.», 1815, кн. 40, с. 65

(Ответ на эпиграмму)

Наш комик Шутовской тебя не усыпляет,
Но тот уж спит, кто вслух столь глупо рассуждает.
Наш комик сонного ругать не согласится,
А разве сонному во сне сие приснится.
Наш комик никого стихами не язвит,
Но правду лишь одну в них к людям говорит.

Е. Кэнца, «Сын Отеч.», 1815, № 42, с. 149.

Когда и от кого (скажи мне без притворства)
Хвалить Карамзина помеху ты встречал?

¹ Макар — слуга Шаховского, Ежова — актриса, близкая Шаховскому

Тебе сам Буало в «Науке стихотворства»,
Окончив первую песнь, на это право дал.¹

*Кн. Горчаков, напеч. М. Н. Лонгинов,
Соч., М., 1915, т. I, с. 160.*

Хотите ль, господа, между певцами
Узнать Карамзина отъявленных врагов?
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
И вот, бледнеющий над рифмами, Шишков.
Они умом равны; обоих зависть мучит,
Но одного сушит она; другого пучит.²

Д. Блудов, напеч. Е. Ковалевский, Блудов и его время, СПб., 1866, с. 107.

Шишков не даром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу *шши* он кажет,
А логике он строит *ков*.

*П. А. Вяземский, Записная книжка,
Соч., т. VIII, с. 226.*

От Аполлона

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких Водах
(В укору, в похвалу, и в прозе и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

*Н. Н. [А. С. Грибоедов], «Сын Отец.»,
1815, № 45, с. 266.*

¹ Стих Буало, на который эпиграмма ссылается: Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire (Глупец находит всегда еще большего глупца, который им восхищается.)

² Шишков был худ, Шаховской толст.

II

Арзамас не имел собственно никакой формы. Это было общество молодых людей, связанных между собою одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории и собиравшихся вокруг Карамзина... Направление этого общества, или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшие его, занимались: строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка и проч... В то время под влиянием Арзамаса писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина, и это влияние отразилось, может быть, и на иных страницах истории Карамзина.

А. В. [С. С. Уваров] Лит. Воспоминания, «Совр.», 1851, т. XXVII, с. 37 сл.

Ради Арзамаса приезжайте к нам поскорее, хоть на несколько дней; привезите нам еще несколько *дней* вашего сотворения. Нам в хороших стихах, каковы ваши, большая нужда. Жуковский изленился и без вас ничего писать не хочет.

Д. В. Дашков, Письмо П. А. Вяземскому от 26 ноября 1815 г., «Р. А.», 1866, с. 501.

Арзамасское общество, или просто Арзамас, .. собиралось каждую неделю весьма исправно, по четвергам, у одного из двух женатых членов — Блудова или Уварова. С каждым заседанием становился он веселее; за каждой шуткой следовали новые, на каждое острое слово отвечало другое... Вечер начинался обыкновенно прочтением протокола последнего заседания, составленного секретарем Жуковским, что уже сильно располагало всех к гиларитету [веселости], если позволено так сказать. Он оканчивался вкусным ужином, который также находил место в следующем протоколе. Кому в России не известна слава гусей арзамасских: эту славу захотел Жуковский присвоить обществу... Он требовал, чтобы за каждым ужином подаваем был жареный гусь и его изображением хотел украсить герб общества.

Ф. Вигель, Записки, т. II, ч. 4, с. 66 сл.

В этом обществе, посвященном шуткам и пародиям, каждый член имел свое имя. Некоторые имена я помню: Жуковский назывался Светлана; А. И. Тургенев — Эолова Арфа; С. П. Ж[ихарев] — Громобой; Д. Н. Б[лудов] — Кассандра; Ф. Ф. Вигель — Ивиков Журавль; Д. П. С[еверин] — Резвый Кот; С. С. Уваров — Старушка; В. Л. Пушкин — Вот. Других не помню. Они читали пародии, и каждое заседание начиналось похвальным словом какому-нибудь из литературных староверов, противников Карамзина, или кому-нибудь из стихотворцев. В этих пародиях и речах, произносимых членами, много упоминался известный гр. Дм. И. Хвостов...¹

М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1860, с. 81 — 82.

Опять новое торжество для Светланы. Ей пришлось принимать Громобоя — Жихарева, который, бывши прежде сотрудником Беседы, должен был по общему нашему постановлению отпевать сам себя. Поле было, конечно, богатое, но исполнение превзошло ожидания наши. Атрей [трагедия Кребиллона, переведенная Жихаревым] представлен был в виде *некоего царственного волдыря* на лице бывшего поганого Беседчика, а остальные 27 трагедий, комедий, трагикомедий, драм, опер и водевилей, сочиненные и переведенные им, представлены волдырьками и сыщю, окружающими большой нарост. Словом, было чего послушать. Неоцененный секретарь наш недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как наострил в галиматье. Любимое его выражение: Арзамасская критика должна ехать верхом на галиматье. Судите о прочем.

Д. В. Дашков, Письмо к П. А. Вяземскому от 26 ноября 1813, «Р. А.», 1866, с. 499 сл.

¹ Список членов Арзамаса (по списку Жуковского): Блудов, Батюшков, Вигель, Воейков, Вяземский, Давыдов, Дапков, Жихарев, Жуковский, Кавелип, Н. Муравьев, М. Орлов, Полетика, Плещеев, А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Северин, А. Тургенев, Н. Тургенев, Уваров, и еще одно лицо «Лебедь Статный», псевдоним которого не раскрыт. Почетными членами (или «почетными гусями») состояли: Карамзин, И. Дмитриев, Нелединский-Мелецкий, гр. Каподистрия, А. Салтыков, М. Салтыков, Г. Гагарин (ср. *Е. Сидоров, «Лит. Об-во Арзамас, Ж. М. Н. Пр.»*, 1901, № 6, с. 39 прим.).

... В этот же день потешили и Пушкина [В. Л.]. Некогда приятель и почти ровесник Карамзина и Дмитриева, сделался он товарищем людей, по меньшей мере пятнадцатую годами его моложе. Надобно им было чем-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его перед собою. И в этом деле помог Жуковский, придумав для него звание старосты Арзамаса, с коим сопряжены были некоторые преимущества. Из них некоторые были уморительные и остались у меня в памяти, например: место старосты «Вота», когда он налицо, подле председателя общества, во дни же отсутствия — в сердцах друзей его; он подписывает протокол — с приличною розмашкой; голос его в нашем собрании — имеет силу трубы и приятность флейты, и тому подобный вздор.

Ф. Вигель, Записки, изд. «Круг», М. 1928, т. II, ч. 5, с. 101.

Когда образовалось Арзамасское общество, пригласили и В. Л. Пушкина принять в нем участие. Притом его уверили, что это общество — род литературного масонства и что при вступлении в ложу нужно подвергнуться некоторым испытаниям, довольно-таки тяжелым. Пушкин, который уже давно был настоящим масоном, легко и охотно согласился... Тут воображение Жуковского разыгралось... Он придумал и устроил разные мытарства, через которые новобранец должен был пройти. Тут пошли в дело и в символ и Липецкие Воды Шаховского и Расхищенные Шубы его и еще бог весть что...

Л. А. Вяземский, Старая Записная Книга, Соч., т. VIII, с. 415.

Вот как принимали в члены Арзамасского общества Василия Львовича Пушкина. Это происходило в доме С. С. У[варова].

Пушкина ввели в одну из передних комнат, положили его на диван и навалили на него шубы всех прочих членов. Это... значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, *шубное пренье*, т. е. *преть* под этими *шубами*.¹

Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он

¹ Намек на комедию Шаховского «Расхищенные Шубы».

должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор. Потом с завязанными глазами водили его с лестницы на лестницу и привели в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, и эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою с оранжевою, огненною занавескою. Здесь развязали ему глаза — и ему представилось по середине чучела, огромная, безобразная, устроенная на вешалке для платья, покрытой простынею.¹ Пушкину объяснили, что это чудовище означает *дурной вкус*, подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин (надобно вспомнить его фигуру: толстый, с подзобком, задыхающийся и подагрик) натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучелу.

Потом ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руку эмблему Арзамаса, мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. Речь эту говорил, кажется, Жуковский. Наконец, поднесли ему серебряную лохань и рукомыльник умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует *Липецкие Воды*, комедию кн. Шаховского. Все это происходило в 1816 или 1817 году.² Разумеется, так принимали только одного добродушного Василия Львовича, который поверил, что все подвергаются таким же испытаниям. Общий титул членов был: *их превосходительства гении Арзамаса*.

М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса
моей памяти, М., 1869, с. 38 сл.

¹ На этом чучеле была надпись — стих Тредьяковского:

Чудище обло, озорно, тризевно и лайя.

По словам Вигеля (Записки, т. II, ч. 5, с. 100), чучело после выстрела Пушкина упало, и это должно было означать победу над дурным вкусом. Ряд других подробностей, упоминаемых Вигелем и Вяземским, а также ряд мелких неточностей в словах Дмитриева мы не приводим. Произносившиеся при этой церемонии речи напечатаны (*П. А. Вяземский*, Соч., т. VIII, с. 416 сл.).

² В 1816 году.

... Теперь узнаю, что Аристофан вывел на сцену тебя и друзей, что у вас есть общество, и я пожалован в Ахиллесы. Горжусь названием, но Ахилл пребудет бездейственен на чермных и черных кораблях:

В печали бо погиб и дух его и крепость.

Нет! Ахилл пришлет вам свои марагия в прозе для издания из Москвы. Вот им реестр: 1) Нечто о морали и религии, 2) Итальянские стихотворцы: Ариост, Тассе и Петрарка, 3) Путешествие в Сире, 4) Воспоминания словесности и отрывок о Ломоносове, 5) Две аллегории, 6) Искательный характер, 7) О лучших качествах сердца... Пришлю все с удовольствием, но только марайте, что не понравится.

К. Н. Батюшков, Письмо Жуковскому в середине декабря 1815 г., Соч., изд. Майкова, СПб., 1886, т. III, с. 359.

Тебе... посылаю «Прощание» мое с ним [халатом]. Желаю стихам моим счастья при тебе и Арз[амасском] ареопаге.

П. А. Вяземский, Письмо А. И. Тургеневу, конец сентября 1817 г., Ост., Арх. т. I, с. 88.

Барвик и Арфа. Арзамас у Врана [Плещеева]. Адрес Врана: В Галерной, № 207, дом купца Риттера. Час сбора исход девятого. Быть непременно, ибо Арзамас прощальный, и Светлане больно будет, если в этом прощальном Арзамасе хотя одной милой ей рожи существовать не будет. Уведомить, будете ли. Еще же можете оба приехать к Блудову: он знает, где живет Плещеев; от него поедут и Салтыков, и Кот, и Ахилл, и Журавль. Для этого надобно его уведомить, ждате ли вас или нет.

В. А. Жуковский, Записка бр. Тургеневым в конце сентября 1817 г. Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 179—180.

Стишки ваши [П. А. Вяземского] прочтены в Арзамасе в самый день получения; а сегодня в прощальном Арзамасе у Черного Врана сообщу ваше последнее поносное отношение. Прощальным он будет для Светланы, которая завтра скачет в Дерпт, а 12-го будущего листопада обнимет Асмодея с будущим его арзамасским товарищем.

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому, от 18 сентября 1817 г., Ост. Арх., т. I, с. 87.

20 сентября, четверг... В прошедшем Арзамасе у Черного Врана третьего дня все много смеялись.

Н. И. Тургенев, Дневник Арх. бр. Тургеневых, т. III, с. 89.

Я получил два письма твои и прекрасный «Халат» твой... Жуковский, отправившийся вчера в Москву, перескажет тебе о чтении послания в Арз[амасе].

А. И. Тургенев, Ответ П. А. Вяземскому от 5 октября 1817 г., Ост. Арх., т. I, с. 89.

Вчера был я при заседании Арзамаса. Ни слова о добрых намерениях сего общества. После заседания говорил я с Карамзиным, Блудовым и другими о положении России и о всем том, о чем я говорю всего охотнее. Они говорят, что любят то же, что и я люблю. Но я этой любви не верю. Что любишь, того и *желать* надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают — на время...

Н. И. Тургенев, Дневник. Запись 12 ноября 1816 г., Арх. бр. Тургеневых, т. III, с. 7.

Вы хвастаете своим Арзамасом! Хвастайте, хвастайте голубчики! Правда, вы запаслись Рейном, ¹ пожива славная. Но, милые друзья, надобно помнить и о том, что ближе к Арзамасу: Мещевский в Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете в Петербурге!.. Но что же нам толковать о добре, о общей пользе, о хороших, возвышающих душу стихах. На что смеяться над Шаховским и Rivarol? Ни на то, ни на другое не имеем мы права, если способны быть столь беспечными, когда дело идет о судьбе, может быть о жизни, а может быть (что еще важнее) о нравственном спасении человека, который нам себя вверяет!

*В. А. Жуковский, Письмо А. И. Тургеневу в начале 1817 г.
Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 109.*

¹ Арзамасское прозвище М. Ф. Орлова, будущего декабриста.

III

Князь Петр [Вяземский], пожив с нами дней пять, заседает теперь в Петербурге с Арзамасцами, которые думают выдать журнал.

*Н. М. Карамзин, Письмо И. П. Дмитриеву, от 6 июня 1817 г.
Письма Н. М. Карамзина к И. П. Дмитриеву, СПб., 1866, с. 214.*

Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой
наседки,

Сел Арзамас — и явилось в тот миг небывалое чудо:
Нечто пузообразное, пупом венчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы¹ стало
бурчанье.

Члены смутились. Рейн дернул за кофту Старушку,
С страшной перхотой Старушка бросилась в руки Вар-
вику,

Журка клюнул Пустынника, тот за хвост Асмодея,
Начал бодать Асмодей Громобоя, а этот облапил,
Сморщась, как дряхлый сморчок, Светлану. Одна лишь
Кассандра

Тихо и ясно, как пень благородный с своим протоколом,
Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу,
В креслах сидела. — «Уймись, Арзамас! вовгласила
Кассандра,

Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тихе ль бурчало оно в часы пресыщенья, когда им
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет не даром!
Мне — Делфийский треножник оно. Прорицаю, вни-
майте!»

Влезла Кассандра на пузо, села Кассандра на пузе.
Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая

¹ Упомянуты имена: Эолова Арфа — А. И. Тургенев, Рейн — М. Ф. Орлов, Старушка — С. С. Уваров, Варвик — Н. И. Тургенев, Журка, т. е. Ивиков Журавль — Ф. Ф. Вигель, Пустынник — К. Д. Кавелин, Асмодей — П. А. Вяземский, Громобой — С. П. Жихарев, Светлана — В. А. Жуковский, Кассандра — Д. Н. Блудов.

Вождь Моисей ко Евреям, громко вещать к Арзамасцам.

«Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно Нам, как портным, сидеть на катке и шить на Халдеев, Сгорбясь, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев Беседных.

Время летит. Нас доселе сбирала беспечная шутка; Несколько ясных минут украла она у бесплодной Жизни. Но что же? Она уж устала, или скоро устанет! Смех без веселости только кривлянье! Старые шутки — Старые девки! Время прошло, когда по следам их Рой обожателей мчался! Теперь позабыты! В морщинах, Зубы считают в разладе с собою, мертвы не живши. Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою девкой».

Так говорила Кассандра, холя десницею пузо.
Вдруг наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,
Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем
К пузу в том месте, где пуп цветет лесной сыроежкой.
Тут осанистый Рейн разгладил чело, от волос обнаженно,
Важно жезлом волшебным махнул — и явилось нечто,
Пышным вратам подобное, к светлому зданью ведущим.
Звездная надпись сияла на них: *Журнал Арзамасский*.
Мощной рукой врата растворил он. За ними кипели
В светлом хаосе призраки веков; как гиганты смотрели
Лики славных из сей оживленные тучи; над нею
С яркой звездой на главе гением тихим неслоь
В свежем гражданском венке божество: *Просвещенье*
К грозной и мирной богине *Свободе*. И все Арзамасцы,
Пламень почуя в душе, к вратам побежали...

Протокол 20-го заседания Арзамаса
(июнь 1817 г.), «Р. А.», 1868, с. 830 сл.

Из нового устава Арзамаса

«Об издании трудов Арзамаса»

§ 63. Представители... выбирают между собою 4 редакторов журнала. В числе сих редакторов *должен всегда быть секретарь Арзамаса.*

- § 64. После избрания редакторов представители уже не вмешиваются ни во что, исключительно принадлежащее к составлению и изданию журнала.
- § 67. Редакторы по части литературной помещают в журнале статьи, одобренные Арзамасом на основании §§ [таких-то] в том порядке, который найдут более удобным с родом, формой журнала и вкусом публики просвещенной...
- § 68. Если редакторы захотят принять на свой счет все издержки касательно печатания и раздачи книжек то прибыль от журнала будет принадлежать им.

А. Кирпичников, Новые материалы к истории Арзамаса, «Р. Ст.», 1890, № 5, с. 349 — 350.

Лист 5-й из пачки вумаг Арзамаса

Писанная рукою Жуковского программа журнала, который предполагалось издавать от Арзамаса в 1818 г.¹ В журнале должны были быть три отдела: политика, словесность и смесь. Издателями предназначались: Кассандра (Блудов) и Старушка (Уваров); помощниками их: Ивиков Журавль (Вигель) и Пустынник (Кавелин). (Жуковскому, вероятно, предоставлялся общий надзор, так как против имени издателей и их помощников написано: Светлана). Постоянными работниками должны были быть:

- 1) Кассандра (французская литература современная (критика); русская литература современная; отрывки в прозе; смесь);
- 2) Старушка (греческая и латинская литература; немецкая и английская современная литература; отрывки в прозе; смесь);
- 3) Ивиков Журавль (французская литература; отрывки в прозе (о Сибири); смесь);
- 4) Пустынник (отрывки в прозе; смесь);
- 5) Асмодей (русская литература современная; живописец; стихотворения, театр);
- 6) Кот (история современная; испанская литература и ан-

¹ В 1817 г. (с ноября).

глийская; отрывки в прозе (об Испании и Англии: Шотландия);

7) Рейн (политика вообще; отрывки в прозе).

Отчет Публ. Библ. за 1884 г. Приложение: бумаги В. А. Жуковского, с. 160.

Арзамас без тебя два раза уже собирался. Законы написаны и пересмотрены; утверждены должны быть общим согласием.

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому от 17 июля 1817 г., Ост. Арх., т. I, с. 76.

Пришлите мне скорее арзамасские новые положения, если вы только в состоянии сделать когда-нибудь порядочное дело. На днях ожидаю Старосту, который хочет погостить у меня.

П. А. Вяземский, Письмо А. И. Тургеневу от 29 июля 1817 г., Ост. Арх. т. I, с. 77.

Должностные Арзамасцы должны послать тебе проект законов и проч., мне недосуг.

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому от 6 августа 1817 г., *ib.*, с. 80.

14 августа; Вторник. Вчера был Арзамас—последний у Рейна. Подписали законы, выбрали представителей; я, против ожидания, попал в число их. Не знаю, чего они от меня могут надеяться. Я от себя самого ничего не ожидаю очень порядочного по части словесности. . . . Вчера в Арзамасе читали программы Р.[ейн] и я. Я не знаю, как за мою мне приняться. Сегодня почти весь день провел я у Орлова. Он завтра едет.

В. И. Тургенев, Дневник, Архив бр. Тургеневых, т. III, с. 43.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА АРЗАМАСА

Политика. Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее. Образцы общественного мнения. Сия статья состоит: 1-е, из рассуждений о политических предметах: собственного рукоделия, из новейших сочинений и журналов, из образцовых сочинений древних и новых;

2-е, из обозрения современных происшествий: известия, корреспонденция, feuilleton.

Сию статью берут на себя: 1-ю — Рейн [М. Ф. Орлов], Варвик [Н. И. Тургенев], Резвый Кот [Д. П. Северин]; 2-ю — Кассандра [Д. Н. Блудов], как редактор; члены: Чу, [Д. В. Дашков] Очарованный Челнок [П. И. Полетика], Тургенев (Ал. Ив.,) Адельстан [Никита Муравьев]. Не члены: [фамилии не написаны].

Словесность. Образование вкуса в изящном. Знакомство с лучшим в иностранной литературе. Приятное занятие для приманки. Образцы общественного мнения.

Сочинения и переводы в прозе.

Сочинения и переводы в стихах.

Критика. Обозрение древней словесности
Обозрение новой словесности
Обозрение современной словесности } иностранной

Древняя: Греческая, Латинская

Новая и современная: Английская — Edinburgh Review

Немецкая

Италийская

Французская — Moniteur, Mercure, Débats.

Обозрение древней и новой словесности русской.

Обозрение современной словесности.

Критика достойных внимания вновь выходящих книг.

Театр.

Смесь. Всякого рода известия. Письма.

Статья для благотворений.

Отчет Публ. Библ. за 1887 г. Приложение, с. §2—84.

29 сентября [1817 г.]. Суббота. Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство; но средства предлагаемые не всем нравятся. Я также желал бы, чтоб это сделалось иным образом, но так как мы не имеем выбора, то надобно принять то, что дают.

Н. И. Тургенев, Дневник, Архив бр. Тургеневых, т. III, с. 93.

4 декабря [1817 г.]... Характер русских имеет большой недостаток, состоящий в том, что русские обыкновенно не могут посвятить себя одной какой-нибудь цели, одному делу, следственно непостоянство. В этом мы хуже, я думаю, французов, которых так винят в ветренности. Арзамас представляет мне и пример и доказательство сего непостоянства.

Ив., с. 108

Я получил на днях письмо от Рейна; он . . . оплакивает смерть арзамасских надежд, т. е. надежд на журнал. Я в этом ему товарищ. Хороший журнал теперь был бы в самую пору и назвать бы его «Восприемником». Он за толпу дул бы и плевал, отрекался бы за нее от сатаны и всех дел его, сочелся бы с Христом (но только не Лабзинским) и принял бы из купели новорожденное просвещение и показал бы его народу. Мы, т. е. русские, могли бы обойтись вовсе без журналов; но при дурных журналах один хороший необходим.

П. А. Вяземский, Письмо Н. П. Тургеневу от 3 июня 1818 г. из Варшавы, Ост. Арх., с. 107.

IV

*12 января 1818 г. Уваров был назначен президентом Академии Наук. 28 января по его предложению Карамзин избран был в почетные члены... А. И. Тургенев тоже был избран 18 февраля. Незадолго до этого, 5 ноября 1817 г., в Академию был избран Д. И. Хвостов.

В. И. Саитов, Примечания, Ост. Арх., т. I, с. 467.

Вообразите, что я написал самую карамзинскую речь для Российской Академии и А. С. Шишкова! Они требовали от меня речи, но, вероятно, не такой, и могут отвергнуть ее. Да будет их воля.

*Н. М. Карамзин, Письмо П. А. Вяземскому от 11 сентября 1818 г.
Письма Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому, СПб., 1897, с. 62.*

В воскресенье Жуковский, Пушкин (А. С.), брат (Н. И.) и я [А. И. Тургенев] ездили пить чай в Сарское Село, и историограф прочел нам прекрасную речь, которую написал он для торжественного собрания Русской Академии по поручению корешкового ее президента [С. С. Уварова].

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому от 25 сентября 1818 г., Ост. Арх., т. I, с. 123.

Как скоро Нева совсем станет, Шишков соберет Академию, и Карамзин будет читать свою речь, которую он еще раз вчера прочел в присутствии нескольких Арзамасцев.

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому от 12—13 ноября 1818 г., Ост. Арх., т. I, с. 144.

Это было торжество не Академии, но Арзамаса, ибо почетный гусь наш, казалось, отделялся от лестных собратий своих, как век Периклов и Александров отделяются от века Лудвига Благочестивого и Балычева. Все было внимание, и он не произносил речи, но, кажется, как детей, наставлял своих слушателей с чувством, которое отзывалось в душах наших и оживляло лица. Но бледная зависть и глупая глупость мальчика выразилась в досаде, с которою он [Шаховской] сказал самому Карамзину, помнится: «Будет и на нашей улице праздник». Карамзин отвечал ему друже-

любно. Другой, услышав слово «симпатия»,... уходя говорил: «В Российской Академии — французские слова! Вот до чего мы дожили!» Но, впрочем, большинство на стороне Арзамаса. Даже и сенаторы слушали с умилением. ¹

А. И. Тургенев, Письмо П. А. Вяземскому от 11 декабря 1818 г., Ост. Арх., т. I, с. 167.

Лист 10-й из пачки бумаг Арзамаса

Братья друзья Арзамасцы! Вы протокола послушать Верно надеялись. Нет протокола! О чем протоколировать! Все позабыл я, что было в прошедшем у нас заседаньи; Все, да и нечего помнить! С тех пор как за ум мы взяли,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!

Между тем Реин усастый, нас ввбаламутив, дал тягу В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу. Реин давно замолчал, да и мы не очень воркуем! Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах Скорчась, сижу; Асмодей, распроставшись с халатом свободы,

Лезет в польское платье, поет мазурку и учит Польскую азбуку; Резвый Кот всех умнее: мурлычит Нежно: *люблю* и просится в церковь к налою; Кассандра, Сочным бивстексом пленяся, коляску ставит на сани, Скачет от русских метелей к британским туманам и гонит Челн Очарованный к квакерам за море; Чу в Цареграде Стал не Чу, а чума, и молчит; Ахилл по привычке Рыщет и места нигде не согреет; Сверчок, закопавшись В щелку проказы, оттуда кричит как в стихах: я ленюся. Арфа, всегда неизменная Арфа, молча жиреет! Только один Вот я вас! усердствует славе; к бессмертью Скачет он на рысях; припряг он в свою таратайку Брата Кабуда к Пегасу, и сей осел Вот-я-васов Скачет, свернувшись кольцом, как будто в Опасном Соседе!

Отчет Публ. Библ. за 1884 г., с. 161—162.

¹ Речь появилась в «Сыне Отеч.» 1819 г., ч. 51, № 1, с. 3—22.

Посещая свет в этой столице, хотя бы совсем не много, можно заметить, что большой раскол существует тут в высшем классе общества. Первые, которых можно назвать Правоверными... сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — еретики, — защитники иноземных нравов и пионеры либеральных идей. Эти две партии находятся всегда в своего рода войне, — кажется, что видишь духа мрака в схватке с гением света: из этой борьбы происходят умственные и нравственные сумерки, которые покрывают еще нашу бедную родину.

А. Ф. Улыбышев, Письмо к другу в Германию, «Декабристы и их время» т. I, М., с. 44.

ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЕ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ.

Глава V. § 48. Вольными обществами называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне оного находящиеся.

§ 49. Учреждение оных и продолжение вменяется в особую заслугу членами Союза — имена их вписываются в почетную книгу.

§ 51. Приискание причин для [составления обществ] предоставляется совершенно воле основателя, равно как и образование, число членов и предмет занятий.

§ 52. В оных должны быть порождаемы и укрепляемы: согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отчеству.

Отдел III. § 51. В разговорах о учебных предметах:... 6) убеждать, что сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, ни в непонятности изложения, но в живости писаний, в приличии выражений, а более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих, 7) что описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие по-

мышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии.

§ 53. Члены должны стараться вступать, с ведома Союза, во все ученые общества, склонять их к цели истинного просвещения.

§ 54. Отдел распространения познаний занимается: 1) сочинением и переводом книг по следующим отраслям наук: а) по умозрительным наукам, поскольку они полезны гражданину; б) по естественным наукам, особенно прилагая их к отечеству; в) по государственным наукам, извлекая из них ближайшие к отечеству; г) по словесности, обращая особенное внимание на обогащение и очищение языка. 2) Разбором известнейших книг по разным отраслям полезных наук, — и 3) повременным изданием, в которое входит: а) рассуждение о разных учебных предметах; в) известия о различных открытиях; с) разбор выходящих книг, и д) мелкие сочинения и стихотворения.

§ 55. Он старается изыскать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего.

А. Лыгин, Общественное движение при Александре I., СПб., 1900 с. 302 сл.

Я. Н. Толстому

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров.¹
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Все те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнаньи скучном, каждый час

¹ Будто бы Я. Н. Толстой ответил на эти строки:

Ах. Лампа погасла,
Не стало в ней масла.

Горя завистливым желаньем,
 Я к вам лечу воспоминаньем,
 Воображаю, вижу вас:
 Вот он, приют гостеприимный,
 Приют любви и вольных муз,
 Где с ними клятвою взаимной
 Скрепили вечный мы союз,
 Где дружбы знали мы блаженство,
 Где в колпаке за круглый стол
 Садилось милое равенство;
 Где своенравный произвол
 Менял бутылки, разговоры,
 Рассказы, песни шалуна,
 И разгорались наши споры
 От искр и шуток, и вина, —
 Я слышу, верные поэты,
 Ваш очарованный язык...
 Налейте мне вина кометы!
 Желай мне здравия, Колмык.

А. Пушкин. 1822 г.

Зеленая Лампа нагорела, кажется, гаснет, а жаль: масло есть...

А. С. Пушкин, Письмо П. Мавсурову
 27 октября 1819 г., Письма Пушкина
 п/р. Б. А. Модзалевского, т. I, с. 9.

*Одним из негласных кружков, где рассуждения о литературе и театре и чтение литературных произведений сопровождалось мечтаниями о вольности, было Общество Зеленой Лампы, собиравшееся у учредителя его камер-юнкера Н. В. Всеволожского,¹ в котором ближайшими участниками были: Камер-юнкер Н. В. Всеволожский, член Союза Благоденствия Я. Н. Толстой, лейб-гусар, член Союза Благоденствия П. П. Каверин... офицер лейб-гвардии... Д. Н. Барков, много переводивший для театра, лейб-улан Юрьев и некоторые другие; к нему хотя и недолго принадлежал и

* Звездочкой здесь и дальше выделяем цитаты не первоисточников. См. об этом в статье «Монтаж и литература».

¹ Ныне д. № 39 по Екатерингофскому проспекту.

известный член тайного общества С. П. Трубецкой. Одним из самых близких членов кружка был А. С. Пушкин.

В. Семевский, Очерки на историю идей декабристов, «Р. Б-во», 1908, № 4, с. 73.

В 1818 или 19 году составилось общество в доме камерюнкера Никиты Всеволожского. Я был одним из первых установителей сего общества и избран первым председателем. Оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. Под сим названием крылось однако же двухсмысленное подражание, и девиз общества состоял из слов «Совет и Надежда». Причем составлены также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу. Общество Зеленой Лампы, невзирая на то, не имело никакой политической цели.¹ Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать свободно, и каждый член давал слово хранить тайну. За всем тем в продолжение года общество Зеленой Лампы не изменилось и, кроме некоторых республиканских стихов и других отрывков, там читанных, никаких вольнодумческих планов не происходило: число членов доходило до 20 или немного более. Заседания происходили... в доме Всеволожского, а в отсутствие его в моем.

Я. Н. Толстой, см. в ст. П. Е. Щеголева, «Зеленая Лампа», «П—н и С.», в. VII, с. 30—31, 42.

* «Зеленая Лампа» усвоила для своих собраний, происходивших обыкновенно по субботам, некоторый шуточный ритуал: «амфитрион Никита»² кормил своих приятелей обедами и поил шампанским с известными веселыми обрядами. Так, например, его приближенный слуга-калмык обязан был следить за разговорами и чуть кто-нибудь из гостей обмолвится непечатным словом, тотчас же подносить ему «штрафной» бокал с восклицанием: «Здравия желаю». Иногда, вероятно, в пирушках «Зеленой Лампы» принимали участие и актрисы, а еще чаще — «Лайсы» вроде Штейнгель, Ольги Массон, Наденьки и др., которых упоминает Пушкин в своих дру-

¹ См. комментарий.

² Н. В. Всеволожекский.

жеских посланиях к членами кружка... (в обществе ходили рассказы об оргиях, об афинских вечерах и проч.)... В действительности — более чем вероятно, что «оргии» Зеленой Лампы не переходили границ самых обыкновенных кутежей, чаще же всего это были простые ужины, веселые, непринужденные, во время которых обсуждались разные театральные новости и похождения, причем суждения заносились даже в особые протоколы.

П. Морозов, От лица до ссылки., Соч Пушкина п/р. С. Венгерова, т. I, с. 489.

Ф. Ф. Ю р ь е в у

Здорово, Юрьев имянинник.
Здорово, Юрьев лейб-улан.
Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенистый стакан.

Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и б...ль,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель!

А. Пушкин, 1819 г.

В. В. Э н г е л ь г а р д т у

. Приеду я
В начале мрачном октября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря.
Насчет глупца, вельможи злова,
Насчет холопа записнова,
Насчет небесного царя,
А иногда на счет земнова.

А. Пушкин, июль 1819 г.

*Однажды полковник Жадовский, член общества, сообщил, что полиция узнала о его существовании и что оно может подвергнуться преследованию, так как на учреждение его не

было дано формального разрешения: тотчас решили более не собираться, и общество было распущено¹.

В. Семеновский, Очерки по истории идей декабристов, «Р. Б-во», 1908, № 4, с. 75.

Ты помнишь Пушкина, .. которого ты видел и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища.

А. Пушкин, Письмо Н. Всеволожскому во второй половине июня 1824 г.
Письма Пушкина п/р. Б. Л. Модзалевского, т. I, с. 84.

Правда ли, что ты стал Аристократом? Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 г. — Все мы разбрелись — Все мы переменились — А дружба, дружба!

А. Пушкин, Письмо Н. Кривцову, сентябрь - октябрь 1824 г.
Письма Пушкина п/р. Б. Л. Модзалевского, т. I, с. 91.

Знаешь, что в Петербурге не на шутку разыскивают общество Зеленой Лампы, членом которого я состоял семь лет тому назад...

Д. И. Дормоукий, Письмо к брату от 9 апреля 1826 г., «Р. А.», 1915, № 3, с. 394.

¹ Повидимому, в конце 1820 г.

В Петербурге с нынешней зимы завелись в некоторых домах литературные собрания. В положенный день в неделе сходятся там или здесь пять, десять человек известных литераторов и молодых людей, желающих сделаться известными, пьют чай, разговаривают о материях до Словесности, Наук и Художеств касающихся, сообщают друг другу свои замечания, наблюдения, открытия, обсуживают вместе и общими силами важные предметы, сходятся и расходятся, чтоб завтра, или после завтра сойтись в другом месте и продолжить начатое. Польза таковых собраний очевидна. Желательно, чтоб они больше и больше входили в обыкновение.

[А. Е. Измайлов], «Благонамеренный», 1821, Прибавление к № 4—5, с. 9.

В одном доме, ¹ где хозяин и хозяйка очень гостеприимны и любят отечественную словесность, собралось человек шесть литераторов, давно уже соединенных между собою узами дружбы. Говорили о разных родах стихотворений и прозы, и, наконец, зашла речь о сочинениях на заданные слова. Один из присутствовавших предложил собранию, чтобы каждый, для опыта, написал что-нибудь на заданное слово. Предложение принято единогласно; тотчас задали слова, и добрые хозяева потребовали, чтоб сии сочинения прочтены были у них через неделю, и чтоб впредь в известные дни собирались к ним для подобных занятий. Любезная и остроумная хозяйка избрана попечительницей сего дружеского общества, а почтенный хозяин — секретарем. Первое заседание было 22 сего июня [1821 г.]. Оно открыто приличной речью г-жи попечительницы; после читаны сочинения «на заданные слова».

А. Измайлов, «Благонамеренный», 1821, № 11—12, с. 194—195

¹ Возле Таврического сада, по Фурштадтской улице (В. И. Панаев, «В. Е.», 1867, III, с. 266).

Новый год.

Речь по случаю открытия общества.

Извините меня, Почтенные члены Общества Любителей Премудрости и Словесности если вступая на поприще литературы буду оспаривать общее мнение, что новый год счисляться должен с 1 января.

Государь совершенно с сим несогласен, и, следуя правилам иных обществ, которые вопреки истин, принятых целым светом, проповедают свои собственные, я беру смелость утверждать не только перед лицом ученых, полуученых и неученых, но даже лицом Вашим, милостивые государи, что новый год собственно для нас должен отныне счисляться с 22 июня, яко со дня открытия нашего общества.

Такова воля моя — да увенчает ее Ваше согласие.

Попечитель Мотыльков [С. Д. Пономарева].

*Журнал всех входящих и исходящих бумаг Общества Любителей Словесности и Премудрости, также и поступающих при чтении в каждом заседании.
(Хранится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР.)

Обычными посетителями были люди, известные по литературе или по искусству, даровитые и любезные в откровенной, ничем не сдержанной беседе. Таким собеседниками бывали зрелых лет люди, как то: изредка баснописец Крылов, переводчик Гомера Гнедич, неразборчивый в своей литературной деятельности журналист Греч, издатель журнала «Благонамеренный», циник Измайлов, трагики Катенин и Жандр, закадычный друг Пушкина, Дельвиг, Лобанов и Баратынский и другие; женщин не бывало ни одной. ¹ Дикой козочкой прыгала во всей этой толпе, или, пожалуй, поржала бабочкой между ними Софья Дмитриевна, возбуждая своим утонченным участием и нескромными телодвижениями чувственность каждого. Чего тут не выдумывали на общую забаву.

Д. Н. Свербеев, Записки М., 1899, т. I, с. 226.

¹ Не совсем точно: на с. 229 Д. Н. Свербеев пишет: «В этой гостиной кроме хозяйки, была только одна женщина, ее подставка, итальянка Тереза, участница во всех проделках, и чего-чего обе тут не делали».

Я продолжал изредка посещать ее гостиную, заманчивую для молодых людей не одними ее прелестями, но и встречаю со всеми почти петербургскими литераторами. Изредка читал там Крылов новые свои басни, еще до печати; Гнедич... прочел однажды в собрании всего кружка свою классическую идиллию «Рыбаки», превосходное подражание Феокриту... В другой раз по просьбе всех прочел он там остроумную комедию Крылова, которая тогда только что появилась в рукописи и, как переполненная злою иронией над правительством и высшим обществом, никогда не могла быть напечатана. Им же читались иногда и отрывки из его Иллиады... Кроме Гнедича, читывал, бывало, благонамеренный Измайлов свои простодушные цинические басни, отличавшиеся русским юмором. Дельвиг приносил свои песни, которые тут же распевала хозяйка. Греч острил над Булгариним, своим другом... Литературное петербургское общество Пономаревых не возбудило во мне симпатии. Кроме двух замечательных личностей, Крылова и Гнедича, которые являлись к нам редко, привлекательны были особенно Баратынский и Дельвиг... Ее гостиная со всей эксцентричностью удачно описана была в напечатанных воспоминаниях [В. И.] Панаева.

Ibid., т. I, с. 228 — 230.

Впоследствии они [Дельвиг, Кюхельбекер и Баратынский] прогневались на меня еще более, вместе с Пушкиным, за то, что я не советовал одной молодой опрометчивой женщине — с ними знакомиться. Это была та самая, со множеством странностей и проказ, но очаровательная Софья Дмитриевна Пономарева, которую воспевал Александр Ефимович Измайлов, влюбленный в нее по уши. Да и не мудрено: всякий, кто только знал ее, был к ней неравнодушен более или менее. В ней, с добротою сердца и веселым характером, соединялась бездна самого милого, природного кокетства, перемешанного с каким-то ей только свойственным детским проказничеством. Она не любила женского общества, даже не умела в нем держать себя, и предпочитала мужское, особенно общество молодых блестящих людей и литераторов; последних более из тщеславия. Меня ввел к ней, по ее настоянию, Измайлов — на свою беду. Она тотчас обратила

на меня победоносное свое внимание, но вскоре и сама спустила флаг: предпочла меня всем, даже трем окружающим ее известным тогдашним красавцам... Они должны были удалиться. Я остался ближайшим к ней из прочих ее обожателей и вполне дорожил счастливым своим положением... Дело шло недурно... Но вдруг втерся в дом их, через Александра же Ефимовича [Измайлова], тоже литератор, Яковлев, очень удачно писавший в «Благонамеренном» сатирические статьи. Говорю: втерся, потому что приглашенный однажды за темнотою ночи остаться ночевать на даче, что бывало со мною и с другими, остался совсем жить у радушных хозяев. При всем своем безобразии, бросавшемся в глаза, он был очень занимателен: играл на фортепиано, пел, хорошо рисовал карикатуры. Тем и другим забавлял он ребенка-хозяйку, а с хозяиномпил на сон грядущий мадеру... Этого мало. Подружившись с Дельвигом, Кюхельбекером, Баратынским, .. он вздумал ввести их в гостеприимный дом Пономаревых, где могли бы они, хоть каждый день, хорошо с ним пообедать, выпить лишнюю рюмку хорошего вина, и стал просить о том Софью Дмитриевну. Она потребовала моего мнения. Я отвечал, что не советую, что эти господа не поймут ее, не оценят; что они могут употребить во зло... ее излишнюю откровенность, ее неудержимую шаловливость. Пока дружеский этот совет, которого она, повидимому, послушалась, оставался между нами, он ни для кого не был оскорбителен, но коль скоро, по легкомыслию своему, она не могла скрыть того от Яковлева, — естественно, что приятели его сильно на меня вознегодовали. Случилось, что в это самое время, пользуясь летней порою, отлучился я на месяц в одно из загородных дворцовых мест. Приезжаю назад, — и что ж узнаю? Приятели Яковлева введены им в дом; на счет водворения его пошли невыгодные для бедной Софьи Дмитриевны толки; отец, сестра перестали к ней ездить. Глубоко всем этим огорченный, я выразил ей мое негодование, указал на справедливость моих предсказаний, и прекратил мои посещения.

В. И. Панаев, Воспоминания, «В. Е.», 1867, т. III, с. 265 — 266.

Эта молоденькая, плотненькая дама небольшого роста обладала необыкновенным искусством нравиться и не отлича-

лась скромностью. Где получила она свое образование — не знаю, но воспитание ее было самое блистательное: бойко говорила она на четырех европейских языках и владела превосходно русским, что было тогда редкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполне знакомы. Она умела завлечь в свою гостиную всех тогдашних литераторов, декламировала перед ними их стихотворения и восхищала своей игрой на фортепиано и приятным пением. Замужем была она за сыном богатого отпущника Пономарева, который его отделил и дал ему средства к широкой петербургской жизни. С. Д., убедившись скоро по своему замужестве, что муж ее не стоит, предалась вполне легкомысленному поведению, и, чтобы ей в этом не мешали, споила мужа. Он также служил у нас в канцелярии и также в ней ничего не делал... Я начал бывать у них часто. Вечером, часов в 8, можно было еще встретить ее мужа, но уже не иначе, как навеселе, к 11, после нескольких чашек чаю с ромом, он был готов, и его укладывали спать, гостей прибывало, и беседа, оживленная умной вертлявой хозяйкой, закипала со всем очарованием изящной какой-то художественной оргии.

Ibid., т. I, с. 225 — 226.

Госпоже Попечительнице Софье Дмитриевне Пономаревой от Вольного общества любителей премудрости и словесности

Представление

Нижеподписавшиеся члены Вольного Общества Любителей Премудрости и Словесности имеют честь донести Вам, что вследствие постановления Комитета, бывшего 10 числа сего месяца, многие из них исполнили уже свои обязанности, и прочие непременно исполнят оные к 22 числу текущего месяца и представляют в сей день ^{NB¹} труды свои в общее собрание, которое долженствует быть не иначе, как под Вашим председательством. При сем члены упомянутого Вольного Общества, имеющие полное право пользоваться законною свободю, всепокорнейше просят Вас не чинить им ни малейшего

¹ NB Т. е. в среду — верно. [Пометка на полях другой рукой.]

принуждения, а кольми паче насилий, как то: не отбирать у них шпаг, сертуков и прочих вещей, необходимо нужных для возвратного путешествия, и не запираить самих членов как преступников, в противном случае столь благонамеренное сословие, каковым должно быть Вольное Общество Любителей Премудрости и Словесности, непременно разрушится в самом своем учреждении.

А. Измайлов, Фабулист и Журналист.

Княжевич тонкой.

Княжевич толстой, как то и из подписи видно.¹

Остолопов простодушный.

Панаев Идиллист.

№ 1.

Июнь 18 дня
1821 года.

«Журнал всех входящих и исходящих бумаг Общества Любителей Словесности, и Премудрости также и поступающих при чтении в каждом заседании» (Хранится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР).

* Говорили о современных литературных новостях. Разговор переходил мало-по-малу от одного предмета к другому, от «Полярной Звезды» к спорам о классицизме и романтизме, и остановился, наконец, на произведениях литературы, еще неизданных. Обширные карманы Измайлова, всегда набитые своими и чужими стихами, представляли неистощимый материал для таких разговоров, которые обыкновенно оканчивались чтением.

Н. Дризен, Литературный салон 20-х годов, Лит. прил. к «Ниве» 1894 г., № 5, с. 10.

¹ Первая подпись сделана тонко, вторая очень жирно.

После перевода *Виргилиевых «Георгики»*¹ приступил я... к переводу Тассова «Освобожденного Иерусалима». Между тем, у меня, под моим председательством, составилось маленькое скромное литературное общество, бывшее в последние годы своего существования под покровительством И. И. Дмитриева и кн. Дм. Влад. Голицына. Члены этого общества были: М. А. Дмитриев, А. И. Писарев, М. П. Погодин, В. П. Титов, С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, А. М. Кубарев, кн. В. Ф. Одоевский, А. С. Норов, Ф. И. Тютчев, А. Н. Муравьев, С. Д. Полторацкий, В. И. Оболенский, М. А. Максимович, Г. [А. А.] Шаховской, Н. В. Путята и некоторые другие; одни из членов постоянно, другие временно посещали общество, собиравшееся у меня вечером по четвергам. Здесь читались и обсуживались, по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, английского, итальянского, немецкого и редко французского языков... В конце апреля 1825 г. уехал я в Малороссию с Г. Н. Рахмановым, сын и племянник которого вверены были моему воспитанию... В августе 1826 г. возвратился я в Москву; общество мое рассеялось и не собиралось более...

С. Е. Райч, Автобиография, «Р. Библ.», 1913, № 8, с. 28—29.

Чтоб еще более во мне развить вкус к словесности, он [С. Е. Райч] составил в Москве небольшое литературное общество, которое собиралось у него по вечерам для чтения лучших русских авторов и для критического разбора собственных наших сочинений, а это чрезвычайно подстрекало наше взаимное соревнование.

А. Н. Муравьева, Знакомство с русскими поэтами, Киев, 1871, с. 6.

Я начал знать [А. Н.] Муравьева с 1819 года, когда поступил колонновожатым в учебное в Москве заведение его отца

¹ «Виргилиевы Георгики», пер. С. Е. Райча, М., 1821.

генерал-майора Н. Н. Муравьева. А. Н. [Муравьев] был тогда юношей лет 14 или 15 и воспитывался в доме своего родителя под руководством С. Е. Раича... С. Е. Раич, для поощрения своего ученика, завел у себя литературные вечера, на которые раз в неделю ¹ собирались молодые люди, большею частью из воспитанников Университета и его пансиона, и некоторые из принадлежавших к учебному заведению Н. Н. Муравьева. В числе их были: М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, В. П. Титов, А. И. Кошелев, кн. В. Ф. Одоевский, магистр или кандидат В. И. Оболенский, П. И. Колошин, Н. П. Крюков, С. Д. Полтарацкий и др. На этих вечерах они знакомились с новыми произведениями русской словесности и читали собственные опыты сочинений и переводов. Между прочим, Муравьев читал свои переводы из разных мест Тита Ливия, а потом и из Виргилиевой Енеиды, в стихах.

Н. Путьята, Заметка об А. Н. Муравьеве, «Р. А.», 1876, т. II, с. 357.

Потом [т. е. после Н. Н. Муравьева] жил он [С. Е. Раич] несколько времени, тоже в качестве наставника детей, в доме Ланских. Здесь, в переулке, который идет от Никитского монастыря к Пречистенским воротам, в нижнем этаже большого каменного дома, где было помещение Раича, собирался у него по вечерам один раз в неделю, небольшой кружок его приятелей, занимавшихся литературою. Они читали свои произведения, судили о них и таким образом составляли небольшое литературное общество. На этих вечерах бывали обыкновенно: С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, А. И. Писарев, И. В. и П. В. Киреевские и ближайший друг хозяина, столь же скромный, как и он, В. И. Оболенский, переводчик с греческого языка разговоров Платона и истории Геродиана. Бывали и другие; всех не упомяну. Но с истинным удовольствием вспоминаю эти мирные суждения о литературе, чуждые всякого самолюбия и пристрастия.

М. А. Дмитриев, Воспоминание о С. Е. Раиче, «Моск. Вед.», 1855, № 141, Лит. отд.

¹ Кружок собирался по четвергам в доме Муравьевых, на Большой Дмитровке. В том же доме помещалось Муравьевское военное учебное заведение; позже дом занимали: училище проф. Павлова, Дворянский Клуб и Лицей Каткова и Леонтьева. (Ср. *А. И. Кошелев*, Записки, Берлин, 1884, с. 11.)

Несколько приятелей, занимаясь чтением разных произведений нашей словесности, появившихся в прошлом 1822 году, вознамерились остановить легкокрылое удовольствие и поделиться оным с другими. Вот происхождение издаваемых Аонид. Собрав все хорошее, рассеянное по листкам многих журналов и книг, мы вместили в одну книжку и теперь предлагаем читателям плоды протекшего года... Может быть на будущий год и проза появится в сем издании. Название принято в подражание Аонид г-на Карамзина, как первоначального повременного издания мелких произведений. Щастливы будут наши Аониды, если привлекут такое же внимание, как предшественницы их.

Предисловие к Альманаху «Новые Аониды на 1823 год», М., 1823, цензурная помета И. Снегирева: «9 января 1823 года».

В это... время составилось у нас два общества: одно литературное, а другое философское. Первое, под председательством переводчика «Георгик» С. Е. Райча (Амфитеатрова), собиралось сперва в доме Муравьева, .. а потом на квартире сенатора Рахманова, при сыне которого Райч был воспитателем... Наши заседания были очень живы, и некоторые из них даже блестящи и удостоивались присутствия всеми любимого и уважаемого московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына, Ив. Ив. Дмитриева и других знаменитостей. Тут изящная словесность стояла на первом плане; философия, история и другие науки только украдкой, от времени до времени осмеливались подавать свой голос. Мне удалось там прочесть некоторые переводы из Фукидида и Платона и отрывки из истории Петра I, которую тогда я с любовью занимался.

Другое общество было особенно замечательно. Оно собиралось *тайно*, и об его существовании *мы никому* не говорили. Членами его были: кн. Одоевский, Ив. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин и я. Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочитанных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христиан-

ское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, Любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний. Мы собирались у кн. Одоевского, в доме Ланской... Он председательствовал, а Д. Реневитинов всего более говорил и своими речами приводил нас в восторг.

А. И. Кошелев, Записки, Берлин, 1884, с. 11—12.

В КРУЖКЕ РАИЧА

[14 февраля 1823 г.]. Принялся за переправку «Софонизбы», переписал ее, хотел было завести к Раичу, но прочел с Быков[ым] — поправили кое-что... Он присоветовал переписать еще, рассказывал о собрании — Запрыгали глаза и зубки разгорелись, до 1-го часа переписывал еще и все думал об обществе.

[16 февраля 1823 г.] Я думаю, что примут меня в общество.
[18 февраля 1823 г.] К Раичу — Избран — Неощутил особенного приятного чувства, говорил с ним о библиотеке, о классических книгах, о литер[атурных] вечерах, об универс[итете] и проч.

М. П. Погодин, Дневник, т. II (1822—1829). (Рукопись Библиотеки им. Ленина в Москве.)

У нас составилось Общество друзей. Собираемся раза два в неделю. Читаем свои сочинения и переводы. У нас положено, между прочим, перевести всех греческих и римских классиков и перевести со всех языков лучшие книги о воспитании, и уже начаты Платон, Демосфен и Тит Ливий.

М. П. Погодин, Письмо к Голицыной от 15 марта 1823 г., Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, СПб., 1898, т. I, с. 212.

[23 января 1824 г.] Познакомился с Полевым в обществе.

М. П. Погодин, Дневник, т. II (1822—1829). (Рукопись Библиотеки им. Ленина в Москве.)

Узнав, что Н. А. [Полевой] не только решился издавать журнал, но и получил позволение на то, князь [В. Ф. Одоевский] предложил брату моему познакомить его с своим литературным обществом, которое также хотело издавать журнал.

Не лучше ли было соединиться с ним, и тем не только избежать соперничества, но и вдруг приобрести многих дельных и образованных сотрудников? Таково было благоразумное суждение кн. Одоевского, с которым охотно согласился и Н. А. [Полевой]. В самом деле, общество было составлено из отличных молодых людей, большею частью бывших соучеников князя в Университетском Благородном Пансионе. К несчастью, председателем этого общества был Семен Егорович Раич (Амфитеатров), посредственный стихотворец, отличавшийся множеством оригинальных сторон и в разговорах и в обращении... Неудивительно, что такой человек придал смешной характер литературному обществу молодых людей, избравших его своим председателем. Общество постоянно собиралось в назначенные дни, имело, кроме председателя, секретаря, который вел *протоколы* заседаний, читало в своих собраниях стишки и прозаические статейки членов, словом, по-детски подражало официальному Обществу Российской Словесности, собиравшемуся у Антонского.

Вся эта комедия не понравилась брату моему с первого взгляда; однако, он имел терпение несколько раз являться в собрания Общества, куда был принят членом... Случилась еще одна комическая сцена в последнем собрании, где присутствовал Н. А. [Полевой]. Помню, что, возвратившись оттуда, он хохотал и говорил, что не станет больше ездить в общество, которому остроумный С. А. Соболевский, бывший в сношениях со всею образованною молодежью, придавал уморительные эпитеты, со смехом повторявшиеся самими членами Общества.¹

Кс. Полевой, Записки, СПб., 1888, с. 100—101.

Много толков было о журнале, которого программу представил Полевой [Н. А.], принятый в наше общество. Она

¹ Живший в это время в Москве В. Кюхельбекер составил шарлэдию известной детской песни: «Чижик, чижик, где ты был?» — «Раич, Раич, где ты был?» (Прим. Кс. Полевого.)

Эпиграмм С. А. Соболевского, о которых говорит Кс. Полевой, нам разыскать не удалось. В собрании эпиграмм и экспромптов С. А. Соболевского (С. А. Соболевский, Эпиграммы и экспромпты, п/р В. Каллаша, М., 1912), куда вошли многие до того неопубликованные эпиграммы Соболевского, также ничего подобного не находим.

не понравилась нам, и Полевой отстранился, объявив в следующем году подписку на Телеграф.

М. П. Погудин, Воспоминание о С. П. Шевыреве, Ж. М. Н. Пр., 1869, № 2, с. 390.

В КРУЖКЕ ЛЮБОМУДРОВ

Москва, любезный друг, из всех иностранных причудов и обычаев умела соткать для своего покрова свою собственную, оригинальную ткань, в которой чужеземцы узнают только нитки своей фабрики, а покрой одежды и узоры принадлежат нашей родимой Москве. Лучшее московское общество составляют: ... чиновники, неслужащие в службе, или матушкины сынки, то есть: задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слепой фортуной. Из этих счастливцев большая часть не умеет прочесть Псалтыри, напечатанной славянскими буквами, хотя все они причислены в почет Русских Антиквариюв. Их называют Архивным юношеством. Это наши петиметры, фашioneбли, женихи всех невест, влюбленные во всех женщин, у которых только нос не на затылке и которые умеют произнести: *oui* и *non*. Они-то дают тон московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных. Этот разряд также доставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно чрез край, кроме здравого смысла; низателей рифм и отчаянных судей словесности и наук.

Ф. В. Булгарин, Иван Выжигин. Нравственно-сатирический роман, СПб., 1829, ч. 2, с. 118 — 121.

Видно, что общество московское ему [автору «Ивана Выжигина», т. е. Ф. В. Булгарину] известно только по наслышке. Где у нас юноши-философы? Что за отдел людей архивные юноши? Это кажется заметным только издали. Вблизи это очень мало. Есть отделы московского общества, гораздо более достойные сатирического бича.

Н. А. Полевой, рецензия на «Ивана Выжигина», «Моск. Тел.», 1829, № 7, с. 347.

Скажи мне, началась ли у тебя переписка с Веневитиновым? Как люблю я в поминать наши зимние вечера по субботам! Скажу чистосердечно, этими беседами я много приобрел, — более, нежели книгами или собственным размышлением.

Всего интереснее для меня были твои жаркие диссертации с Веневитиновым. Физиономии одушевлены были энтузиазмом. Ты спорил чистосердечно, с жаром делал возражения, но с радостью и соглашался.

А. С. Норов, Письмо А. И. Кошелеву, Н. Колюпанов, Биография А. И. Кошелева, М. 1889, т. I, кн. II, с. 74.

Дружеские... беседы [в кружке Любомудров] имели самый разнообразный характер: тут выводились на сцену все предметы человеческого ведения, все затаенные движения человеческого сердца. Мыслящие юноши старались по всему провести свой философский контроль: подчинить разнородные познания одной стройной системе... Мы наверное знаем, что на этих дружеских сеймах последовательно выработалась идея о необходимости такого журнала, который выполнял бы все условия русского периодического издания. Условия эти... высказаны в статье Веневитинова: «Несколько мыслей в план журнала», которая в виде программы была им прочтена на одном из литературных вечеров. Здесь же были прочтены Веневитиновым и другие прозаические отрывки: «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечер и ночь» и «Анаксагор».

А. Я. Платковский, О жизни и сочинениях Д. В. Веневитинова, Д. В. Веневитинов, Соч., СПб., 1862 с. 15 сл.

Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною, 18-летним юношей, у внучатого моего брата Мих. Мих. Нарышкина; это было в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были: Рылеев, кн. Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы; а все свободно говорили о необходимости — *d'en finir avec ce gouvernement*.¹ Этот вечер произвел на меня самое сильное впечатление; и я на другой же день утром сообщил все слышанное Ив. Киреевскому, и с ним вместе мы отправились к Дм. Веневитинову, у которого жил тогда Рожалин... Много мы в этот день толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления. Вследствие этого, мы с осо-

¹ Покончить с этим правительством.

бенною жадностью налегли на сочинения Бенжамена Константа, Рое-Коллара и других французских политических писателей; и на время немецкая философия сошла у нас с первого плана.

А. И. Кошелев, Записки, Берлин, 1884, с. 13.

Дух молодежи в Москве весьма дурен. Известный Соболевский... едет в деревню к поэту Пушкину и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль... Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы — князь Вяземский и Полевой, а приятели: Титов, Шевырев, Рожалин и другие москвичи.

Записка, поданная Бенкендорфу неизвестным лицом в 1827 г., «Р. Ст.», 1903, т. СХІІІ, с. 262.

В С.-Петербург прибыл из Москвы издатель «Московского Вестника» Погодин. Только *по имени* издатель, на что в доказательство имеются собственноручные его письма. Главные начальники сей редакции суть: Соболевский, Титов. Мальцов, Полторацкий, Шевырев, Рагозин и еще несколько истинно бешеных либералов. Некоторые из них (Мальцов и Соболевский) дали деньги на поддержание журнала и платят Пушкину за стихи. Главная их цель состоит в том, чтоб ввести *политику* в этот журнал. На 1828 г. они намеревались издавать политическую газету, но так как ни один из них не мог представить своих сочинений, как повелено цензурным уставом, то они выписали сюда Погодина, чтобы он снова от своего имени просил позволения ввести политику. Погодин человек чрезвычайно искательный. Он... покровительством Уварова надеется получить желаемое позволение на помещение политики в своем журнале, которую намерены редижировать Титов и Полторацкий. Погодин не имеет влияния на сих молодых людей и состоит у них в зависимости, потому что они богаты и смелы, а он беден, без имени и робок. Сии юноши не пишут ничего литературного, почитая сие недостойным себя и занимаются одними политическими науками. Образ мыслей их, речи и суждения отзываются явными карбонаризмом. Соболевский и Титов... суть самые худшие из них. Собираются они у кн. В. Ф. Одоев-

ского, который слывет между ними философом, и у Мальцова.

записка, писанная рукою М. Я. Фона-
Фока, но без подписи. Дата 30 декабря
1827. «Р. Ст.» 1902, кн. 1. с. 34.

Эти беседы [в кружке любомудров] продолжались до 14 декабря 1825 года, когда мы сочли необходимым их прекратить, как потому, что не хотели навлечь на себя подозрение полиции, так и потому, что политические события сосредоточивали на себе все наше внимание. Живо помню, как после этого несчастного числа кн. Одоевский нас созвал и с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав и протоколы нашего общества любомудрия.

А. И. Кошелев, Записки, Берлин, 1884,
с. 12.

В Петербурге я был не один из москвичей.¹ Кн. Одоевский еще прежде меня переехал в Петербург, женился на О. С. Ланской и поступил на службу по министерству народного просвещения... Вскоре после меня приехал к нам Д. В. Веневитинов и определен был в министерство иностранных дел... Не замедлил переездом в Петербург и В. П. Титов. Мы все часто виделись и собирались по большей части у кн. Одоевского. Главным предметом наших бесед была уже не философия, а наша служба с ее разными смешными и грустными принадлежностями. Впрочем, иногда вспоминали старину, пускались в философские прения и этим несколько себя оживляли.

ib., с. 21.

В своих я нашел здесь [в Петербурге] еще больше дружбы и теплоты, нежели сколько ожидал. Говоря свои, я разумею Титова и Кошелева. Вчерашний вечер у Одоевского была совсем Москва.

И. В. Киреевский, Письмо родным,
И. Киреевский, Собр. соч. под ред.
М. Гершевзона. Материалы для биогра-
фии, М., 1911, т. 1, с. 18.

Nicht bloss in Verbreitung des deutschen Geschmacks und deutscher Richtungen (Romantik) unterscheidet sich die junge

¹ А. И. Кошелев переехал в Петербург вскоре после коронации Николая I, т. е. осенью 1826 г. Ср. ib. с., 19.

Generation von den frühern; sie will noch viel mehr — ein tieferes Eindringen, ein philosophisches Ergründen jener Richtungen des deutschen Geistes... Es genügte nicht mehr, die Poesie auf Gefühl allein — so edel und erhaben es sein mag, zu beschränken; man wollte mit dem Fühlen auch das Denken befriedigt sehen, und die Erscheinungen der Welt als Symbole des Geistes begreifen. ¹

H. König, Literarische Bilder aus Russland, Stuttgart, 1837, S. 172 — 173.

¹ «Новое литературное поколение (читай: любомудры) отличается от старого не только распространением немецкого вкуса и немецких литературных течений (романтики); оно стремится к более глубокому проникновению, к философскому обоснованию немецкого духа... Недостаточно было свести поэзию к одним только чувствам, как бы высоки и благородны они ни были, надо было примирить с чувством также и мысль и понять явления природы, как символы духа».

Эта немецкая книга написана со слов Н. Мельгунова, и, таким образом, высказывания в ней при некоторой осторожности могут быть осознаны, как высказывания того же кружка любомудров, тем более, что книга эта вызвала целую полемику в русской и немецкой литературе. Есть русский перевод: *Г. Кениг. Очерки русской литературы, СПб., 1862.*

I

... Тщательно изучая иностранные литературы, я уже регулировал свои занятия по тому методу и по тем указаниям, которые преподавали нам в университете наши... любимые профессора. То же самое, конечно, более и лучше меня, делали современные мне студенты: К. Аксаков, Станкевич, Бодянский, Сергей Строев. Не называю их товарищами, потому что не был с ними знаком. Я слышал только тогда, что они, составляя одну группу и занимая один угол в обширной аудитории, собирались друг у друга, читали, менялись мыслями — и едва ли не являлись в печати уже тогда.

... Я сейчас упомянул о группе Станкевича, Строева и других; потом была группа казенных студентов, семинаристов и много других, мелких кружков. Эти группы не сливались между собою, ничто не связывало друг с другом. Каждая группа имела свой центр; члены ее сообщались между собою, вместе вели записки лекций, вместе читали книги, готовились к экзаменам — и, конечно, вместе проводили время вне университета.

И. Гончаров, Из университетских воспоминаний, «В. Е.», 1887, кн. 4, с. 316.

Самое появление кружков, о которых идет речь, было естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни... Наш кружок... встретил в университете уже готовым кружок Сунгуровский. Направление его было, как и наше, больше политическое, чем научное. Круг Станкевича, образовавшийся в то же время, был равно близок и равно далек с обоими. Он шел другим путем: его интересы были чисто теоретические. В 30-х годах убеждения наши были слишком юны, слишком страстны и горячи, чтоб не быть исключительными. Мы могли холодно уважать круг Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. В 1834 г. был сослан весь кружок Сунгурова и исчез. В 1835 г. сослали нас; через пять лет мы

возвратились, закаленные испытанным. Юношеские мечты сделались невозвратным решением совершеннолетних. Это было самое блестящее время Станкевича круга. Его самого я уже не застал, — он был в Германии, но именно тогда статьи Белинского начинали обращать на себя внимание всех.

Возвратившись, мы померились. Бой был неравен с обеих сторон; почва, оружие и язык — все было разное. После бесплодных прений, мы увидели, что пришел наш черед серьезно заняться наукой, и сами принялись за Гегеля и немецкую философию. Когда мы довольно усвоили ее себе, оказалось, что между нами и кругом Станкевича спору нет.

Круг Станкевича должен был неминуемо распуститься. Он свое сделал, и сделал самым блестящим образом; влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно, — стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов, к нему принадлежали Боткин, Катков и пр. Но замкнутым кругом он оставаться не мог, не перейдя в немецкий доктринаризм, живые люди из русских к нему не способны...

Между ними и нами, естественно, должно былоделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, т. е. к Хомякову и Киреевским; Белинский, Бакунин к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский, был нашим с самого приезда из Германии. Если б Станкевич остался жив, кружок его все же бы не устоял; он сам перешел бы к Хомякову или к нам.

А. Герцен, Былое и думы, II, 1919, т. IV, гл. XXV, с. 30 и 38.

Николай Владимирович [Станкевич] поступил в Московский университет. Между университетскими товарищами он сошелся со студентом Алексеем Беером и познакомился с его семьею. Новое знакомство дало ему возможность встретиться с Бакуниными, и еще многими из посетителей Бееров... Н. В. мог принимать своих знакомых у себя, в своей квартире, или устраивался вечер в семействе Бееров. Так составилась целый кружок людей, сходных по направлению и образованию: к ним принадлежал и Вис. Белинский,

тогда еще очень юный, и Н. В. составлял центр этого кружка, часто у него собиравшегося.

А. В. Щепкина, Воспоминания, 1916,
с. 76 — 77.

Еще в университетской аудитории он [Станкевич] стал центром кружка товарищей, равных ему по сведениям, но подчинившихся охотно (как способны только подчиняться люди в молодые годы свои) влиянию светлого ума, благородного сердца и строгих нравственных требований. Станкевич действовал обаятельно всем своим существом на сверстников: это был живой идеал правды и чести, который в раннюю пору жизни страстно и неутомимо ищется молодостью, живо чувствуящую свое призвание.

П. Анненков, Н. В. Станкевич. Биограф. очерк. Воспоминания и критические очерки, П., 1881, отд. III, с. 271 — 272.

Кружок [Н.В.] Станкевича отличался самостоятельностью мнения, свободного от всякого авторитета; позднее, эта свобода перешла в буйное отрицание авторитета, выразившееся в критических статьях Белинского. Что всего замечательнее, кружок этот, будучи свободомыслен, не любил ни фрондерства, ни либеральничанья, боясь, вероятно, той же неискренности, той же претензии, которые были ему ненавистнее всего; даже вообще, политическая сторона занимала его мало... Очевидно, что этот кружок желал правды, серьезного дела, искренности и истины. Это стремление, осуществляясь иногда односторонне, было само по себе справедливо, и есть явление вполне русское. Насмешливость и, иногда, горькая шутка часто звучали в этих студенческих беседах. Такой кружок не мог быть увлечен никакими авторитетами.

К. Аксаков, «День», 1862, № 39—40.

Нет, я лучше тебя понимаю этого человека [Н.В.Станкевича], он не наш, и его нельзя мерить на нашу мерку...
... Если ему суждено встать, то нам надо будет смотреть на него высоко подняв голову; иначе мы не рассмотрим и не узнаем его.

В. Г. Белинский, Письмо к М. Бакунину от 16 августа 1837 г., Письма, т. I, СПб., 1914, с. 110.

Ход человеческого ума, его стройное развитие и приращение, вечная истина, облекающаяся в разные одежды, соответственно веку и народу и все более и более являющая свою сущность — какое явление может быть занимательнее?.. Философию я не считаю своим призванием: она может быть ступень, через которую я перейду к другим занятиям: но прежде всего я должен удовлетворить этой потребности. И не столько манит меня решение вопросов, которые более или менее решает вера, сколько самый метод, как выражение последних успехов ума. Я еще более хочу убедиться в достоинстве человека и признаюсь, хотел бы убедить потом других и пробудить в них высшие интересы.

*Н. В. Станкевич, Письмо Я. М. Неве-
рову от 2 декабря 1833 г., Переписка,
М., 1914, с. 341.*

В этом кружке выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир, — воззрение, большую частью отрицательное. Искусственность русского патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма, — все это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект; и то и другое высказалось в кружке Станкевича, быть может, впервые, как мнение целого общества людей.. Одностороннее всего были нападения на Россию, возбужденные казенными ей похвалами. Пятнадцатилетний юноша,.. я был поражен таким направлением, и мне оно часто было больно; в особенности больны были мне нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет. Но, видя постоянный умственный интерес в этом обществе, слыша постоянные речи о нравственных вопросах, я, раз познакомившись, не мог оторваться от этого кружка и решительно каждый вечер проводил там.

К. Аксаков, «День», 1862, № 39 — 40.

... «Множество живых вопросов пробуждали все более и более мысль в молодом поколении. Мысль, требуя исхода, заставляла молодых людей собираться группами. Группы, по сродству стремлений, распадалась на кружки около

своих центров. Таким образом составилась кружок, по преимуществу с нравообразовательными целями, к которому принадлежали: Вадим, [Пассек], Александр [Герцен], Ник. [Огарев], Сатин, Носков, Саонов, Лахтин молодой человек из купечества, женатый, Кетчер, Савич и другие. Они встретили в университете уже готовым кружок Сунгуровский, с направлением не столько научным, сколько политическим. Рядом с первым составилась кружок около Станкевича, юноши, выразившего собой все, что содержалось идеально-прекрасного в той эпохе. Там изучались философские системы. Кружки эти были юны, страстны, и поэтому — исключительны. Они холодно уважали друг друга, но сближаться не могли?

Т. Пассек, Из дальних лет, СПб, 1878, т. I. с. 432.

Впоследствии часть молодых людей этого кружка [Герцена — Огарева и др.] и присоединившихся к ним из кружка Станкевича примкнули к Белинскому. Некоторые из них имели большое влияние на развитие и деятельность самого Белинского. Таким образом выдвинулся целый ряд деятелей. Влияние их проявлялось во всех слоях общества, образовало в нем как бы одну семью, члены которой делили между собой, как они выражались, «дело обновления отживающих форм жизни». Новый дух стал воплощаться везде: в литературе, в науке, в семейной жизни, в служебной деятельности, и на все клал печать свою.

Иб., с. 465.

II

Я в Москве знал два круга, два полюса ее общественной жизни. Сначала я был потерян в обществе стариков, гвардейских офицеров времен Екатерины, товарищей моего отца, и других стариков, нашедших тихое убежище в странно-приимном сенате, товарищей его брата. Потом я знал одну молодую Москву, литературно-светскую. Что прозябало или жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своих похорон по рангу, и их сыновьями или внучатами, не искавшими никакого ранга и занимавшимися «книжками и мыслями», я не знал и не хотел знать... Говоря о московских гостиных и столовых, я говорю о тех, в которых некогда царил А. С. Пушкин, где до нас декабристы давали тон, смеялся Грибоедов, где М. Орлов и А. Ермолов встречали дружеский привет, потому что они были в опале, где, наконец, А. Хомяков спорил до 4 часов утра, начавши в 9, где К. Аксаков с мурмошкой в руке свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал, где Р[едкин] выводил логически личного бога *ad majorem gloriam Hegelii*; где Грановский являлся со своей тихой, но твердой речью, где все помнили Бакунина и Станкевича, где Чаадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воску, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы, .. где Боткин и Крюков пантеистически наслаждались рассказами М. С. Шепкина и куда, наконец, падал, как Конгревова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало...

А. Герцен., Былое и думы, СПб. 1913,
т. II, с. 413 сл.

В 1846 году, когда я познакомился с Белинским и с группой окружавших его литераторов и приятелей, между ними не было налицо троих: И. С. Тургенева, В. П. Боткина и П. В. Анненкова... О них часто говорилось в кругу Белинского, в котором толпились: И. И. Панаев, Д. В. Григорович, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский... позже явился А. В. Дружинин... Кроме того, было тут несколько

приятелей не-литераторов: Н. Н. Тютчев, И. И. Маслов, М. А. Языков и некоторые другие.

И. А. Гончаров, Необыкновенная история, Сборник Рос. Публ. Библ., П., 1924, с. 7.

Собирались мы чаще всего у И. И. Панаева и у Языкова, у Тютчева — иногда все гурьбой, что позволяли их просторные квартиры. Белинского посещали каждый день, но не собирались толпой, вдруг. У него было тесно.

И., с. 8.

Друзья сходились большею частью по вечерам у Б[отки]на... Разговор был всегда одушевленный, горячий. Предметом его были толки об искусстве с точки зрения Гегеля: с этой точки строго разбирали Пушкина и других современных поэтов. Лермонтов со своим демоническим и байроническим направлением никак не покорялся этому новому воззрению. Белинского это ужасно мучило... Он видел, что начинающий поэт обнаруживает громадные поэтические силы; каждое новое его стихотворение в «Отечественных Записках» приводило Белинского в экстаз, а между тем в этих стихотворениях примиренья не было и тени. Лермонтова оправдывали, впрочем, тем, что он молод, что он только что начинает, несколько успокаивались тем, что он владеет всеми данными для того, чтобы сделаться со временем... великим художником и достигнуть венца творчества — художественного спокойствия и объективности... Ключников, сам имевший в себе частицу демонизма, очень симпатизировал таланту Лермонтова... Катков и Аксаков прочитывали свои переводы из Гейне, Фрейлиграта и из других новейших немецких поэтов... Этот кружок займет важное место в истории русского развития... У него вышли и выработались самые горячие и благородные деятели на поприще науки и литературы.

И. И. Панаев, Воспоминания, с. 256 — 257.

Упоение гегелевскою философией с 1836 года было безмерное у молодого кружка, собиравшегося в Москве во имя великого германского учителя... Человек, незнакомый с Ге-

гелем, считался кружком почти что несуществующим человеком...

П. Анненков, Лит. воспоминания, II, 1900, с. 187.

«Б[акунин] сам рассказывал впоследствии, что однажды, после вечера, посвященного этой материи (философским спорами), собеседники его, большей частью молодые люди, разошлись спать. Один из них поместился в той же комнате, где почивал и сам учитель. Ночью последний был разбужен своим молодым товарищем, который со свечою в руках и со всеми признаками отчаянья на лице, требовал у него помощи: «научи, что мне делать, — говорил он, — я — погибшее существо...»

Иб., с. 189 — 190

В кружке Белинского находились лица, внушавшие мне даже некоторый страх; их знание, бойкость речи, резкость суждений, вопросы, которые между ними обсуждались, — все это, чувствовал я, было не по моим силам. Некрасов и Панаев не были образованнее меня; но первый брал смелостью и самоуверенностью... Панаева Белинский любил за его доброту и мягкость; их связывало, кроме того, старое знакомство еще в Москве... Оба были, наконец, редакторы-хозяева «Современника», в котором в значительной степени Белинский принимал живейшее участие. Последнее обстоятельство в значительной степени умаляло к Некрасову и Панаеву высокомерный тон, отличавший в кружке Белинского многих лиц, приводивших цитаты из Гегеля, развивавших с уверенностью различные философские теории, слушавших лекции знаменитых ученых в Берлине и Париже, долго живших за границей...

Д. В. Григорович, Лит. воспоминания, Соч., изд. 1896, т. XII, с. 283.

Либерализм безличного дружеского кружка тоже был представлен в статье [Белинского] «Литературные мечтания», (1834 г.) довольно полно, самым основным ее положением, по которому литература наша есть дело случайного возникновения и соединения нескольких более или менее талантливых лиц, в которых общество не нуждалось и которые сами в нравственном и материальном отношении могли

обходиться без общества. Отсюда — ничтожество литературы и слабость писателей, несмотря на их качества, таланты и усердие. Можно догадываться, что в круге ходило с успехом и европейское представление о важности буржуазии и tiers-état для государства, потому что Белинский ищет в разных сословиях нашего отечества этих деятелей, которые помирят европейское просвещение с коренными основами русской народности, назначая для этой цели духовенство, купечество, городских людей, ремесленников, даже мелких торговцев и промышленников.

П. В. Анненков, Лит. воспоминания, П., 1909, с. 173.

В биографии Гофмана я вычитал, что Гофман не читал критик и рецензий на свои сочинения и был к ним совершенно равнодушен. Написав сочинение, он читал его своим друзьям; если оно нравилось им, его весь мир не мог переуверить, что оно дурно. Не то же ли и в нашем кругу? у нас нет пристрастия друг к другу — мы говорим друг о друге, что чувствуем, и потому ценим взаимным судом и мало заботимся, что о нас думают другие. Когда я вам читаю мои статьи, мне бывает страшно — я трепещу за участь написанного мною: вы хвалите — я в восторге; вам не нравится, и я преспокойно отношу мое сочинение к неудавшейся попытке. Вы ко мне находитесь в таком же отношении.

В. Г. Белинский, Письмо к М. Бакулину от 20 июля 1838 г., Письма, т. I, СПб., 1914, с. 196.

Белинский для своего кружка был нравственной уздой, так как после его смерти все, как школьники, освободясь от надзора своего наставника, почувствовали свободу. Им более не нужно было идеализировать перед Белинским свои поступки, которые на деле были далеки от идеальности, или впадать в самобичевание своих слабостей.

А. Панаева, Воспоминания, П., 1890, с. 96—99.

Я часто ходил к нему [В.Г.Белинскому], после обеда, отводить душу. Он занимал квартиру в нижнем этаже, на Фонтанке, недалеко от Аничкова моста — невеселые, довольно сырые комнаты. Не могу не повторить: тяжелые тогда стояли

времена; нынешним молодым людям не приходилось испытать ничего подобного. Пусть читатель сам посудит: утром тебе быть может возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; может быть тебе даже пришлось съездить к цензору и, представив напрасные и унижительные объяснения, оправдания, выслушать его безапелляционный, часто насмешливый приговор... На улице тебе попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генерал и даже не начальник, а так, просто генерал, оборвал или, что еще хуже, поощрил тебя... Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов, вскоре потом сведенных на трехсотенный комплект, поездки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно висит над всем так называемым ученым, литературным ведомством, а тут еще шипят и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общих интересов, страх и приниженность во всех, хоть рукой махни! Ну, вот, и придешь на квартиру Белинского, придет другой, третий приятель, затеется разговор и легче станет; предметы разговоров были большей частью нецензурного (в тогдашнем смысле) свойства, но собственно политических прений не происходило; бесполезность их слишком явно была в глаза всякому. Общий колорит наших бесед был философско-литературный, критическо-эстетический и, пожалуй, социальный, редко исторический. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда несколько поверхностно и легковесно.

И. С. Тургенев, Литературные и житейские воспоминания. Собр. соч., изд. 1898, т. XII, с 45—46.

САЛОНЫ

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько приятельское. Оно состояло тогда из пяти или шести человек и собиралось только отобедать, потолковать или провести вечер у мецената своего, Алексея Николаевича Оленина... Принадлежа ко всем или к которой из партий или обществ, члены оленинские даже в доме его хлебосольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила. Отличнейшими... между ними были Крылов и Гнедич и скромный ученый по части русских древностей Ал. Ив. Ермолаев.

Ф. Вигель, Записки, М., 1892, т. II, ч. 3, с. 153—154.

* Дом А. Н. Оленина соединял все, что было замечательного в Петербурге по части литературы и искусства. Здесь Озеров читал в первый раз свою трагедию «Эдип в Афинах»; тут раздавались роли артистам: Яковлеву, Шушерину, Семенову; здесь писал свои чудные декорации Гонзаго и строил свои театральные машины славный механик, итальянец Бриганций.

М. Пыляев, Старый Петербург, П., 1887, с. 385.

В моей жизни три дома играли важную роль: дом Олениных, дом Карамзиных, дом Виельгорских. В первом доме я начал уважать искусство, во втором начал его любить, в третьем начал его понимать.

В. А. Соллугуб, Воспоминания. Новые сведения о предсмертном поединке А. С. Пушкина, М., 1866, с. 5.

В 1820 г. Загоскин написал комедию в 3 действиях «Добрый малый» и посвятил ее своему начальнику, директору Публичной Библиотеки, Алексею Николаевичу Оленину. Это имя не будет забыто в истории русской литературы. Все без исключения русские таланты того времени собирались около него,

как около старшего друга, и вот почему Загоскин посвятил ему свою комедию.

С. Т. Аксаков, Биография М. Н. Загоскина, М., 1853, с. 12.

Я встретила Пушкина в доме тетки моей, Олениной. Отец меня представил Крылову, Гнедичу, и я видела Карамзина с его гордой, даже надменной суррутой.

А. П. Керн, Воспоминания, «Р. Ст.», 1870, т. I, с. 264 (1-е издание).

Искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина. Этот достойный сановник... был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе он все свободное время посвящал своим любимым предметам. ... Кипренский был им взыскан и поощряем; конечно, Егоров, Шебуев, оба Брюловы не забыли постоянного о них попечения А. Н. Оленина. ... Дом Оленина немало содействовал к известности Крылова, который Олениным был представлен ко двору и определен в Имп. Публичную Библиотеку. Лучшие произведения Крылова были читаны в первый раз в кругу друзей Оленина, к числу которых принадлежал и Н. И. Гнедич. В доме Оленина явился в свою очередь В. А. Озеров с рукописным «Эдипом в Афинах», и тут была читана в первый раз эта трагедия... Д. Н. Блудов и С. С. Уваров были в ранней молодости в числе коротких приятелей семейства Олениных; Капнист часто посещал этот дом, постоянно открытый для немногих...

Возвратимся в гостиную Олениных... Предметы литературы и искусства занимали и оживляли разговор... Сюда обыкновенно привозились все литературные новости, вновь появившиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах, — словом, все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещенью.

А. В. [С. Уваров], Лит. воспоминания, «Совр.», 1851, т. XXVII, кн. 6, отд. II, с. 39—40.

* Почтенный председатель Академии Художеств [А. Н. Оленин], будучи родственником и почитателем Державина, разумеется, склонялся на сторону «Беседы» и не совсем одо-

брительно смотрел на полемические замашки Арзамаса, но он имел важное качество. По званию артиста и по прямому знакомству с классическим искусством, он понимал эстетические законы, которые лежат в основании художнического производства вообще, а потому мог уразуметь изящество произведения, даже если оно явилось и не с той стороны, откуда он привык его ожидать. Так, он был один из первых, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы». Качество это сделало самый дом его *нейтральной почвой*, на которой сходились люди противоположных воззрений, что облегчалось еще любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потом через несколько лет приветливостью красавицы дочери, воспетой Пушкиным.

П. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, СПб., 1874, с. 120—121.

Мыза Приютино ¹

Есть дача за Невой
Верст 20 от столицы,
У Выборгской границы
Близ Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где гордая Элиза
И с ней почтенный муж:
С открытою душою
И лаской на устах
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной
Для отдыха от дел,
Под кров свой безмятежный
Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец

Мыза принадлежала А. Н. Оленину.

И тонкий философ,
 Мечтает там Крылов
 Под тению березы
 О басенных зверях
 И рвет Парнаса розы
 В Приютинских лесах.
 И Гнедич там мечтает
 О греческих богах,
 Меж тем как замечает
 Кипренский лица их,
 И, кистию чудесной,
 С беспечностью прелестной,
 Вандиков ученик,
 В один крылатый миг
 Он пишет их портреты.
 Которые от Леты
 Спасли бы образцов,
 Когда и сам Крылов
 И Гнедич сочиняли,
 Как пишет Тинислов
 Иль Балдусы писали,
 Забыв и вкус и ум.

К. Н. Батюшков, См. В. Б [Урнашев],
 Мое знакомство с Воейковым, «Р. В.»,
 1871, X, с. 615 — 616. ¹

О количестве гостей, посещающих семейство Оленина, можно судить по тому, что на даче А. Н., Приютино... находилось 17 коров, — а сливок никогда не доставало.

Гости у него [Оленина] постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновского, Измайловского и Конногвардейского полков, разные известные лица; наконец, чуть ли не все сколько-нибудь замечательные иностранцы, приезжавшие в Петербург, непременно бывали у А. Н.

Гостить у Олениных, особенно на даче, было очень привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое, и затем объявляли: в 9 часов утра пьют чай, в 12 часов завтрак, в 4 часа обед, в 6 часов полудничают, в 9 часов вечерний чай; для этого все гости сзывались ударом

¹ В сочинениях К. Н. Батюшкова это стихотворение отсутствует.

в колокол; в остальное время дня и ночи каждый мог заниматься чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, причем А. Н. показывал, как нужно натягивать тетиву. Как на даче, так и в Петербурге игра в карты у Олениных никогда почти не устраивалась, разве в каком-нибудь исключительном случае; зато всегда, особенно при А. Н., велись очень оживленные разговоры. А. Н. Оленин никогда не просил гостей художников рисовать, а литераторов читать свои произведения; каких-либо подарков или поднесений ни от кого не принимал. Несмотря на глубокую ученость А. Н., при нем все держали себя свободно... Когда приехал в Петербург известный ученый и естествоиспытатель А. Гумбольдт, то он не преминул посетить Оленина. В Петербурге рассказывали, что после вечера, проведенного в доме А. Н., Гумбольдт заметил, что он объехал оба земные полушария и везде должен был только говорить, а здесь с удовольствием слушал...

Ф. Г. Солнцев, Моя жизнь и худож.-археол. труды, «Р. Ст.», 1876, март, с. 619—620.

Мне очень нравилось бывать в доме Олениных, потому что у них не играли в карты, хотя там и не танцевали, по причине траура при дворе [в 1819 г.], но зато играли в разные занимательные игры и преимущественно в *charades en action*. в которых принимали иногда участие и наши литературные знаменитости — И. А. Крылов, И. М. Муравьев-Апостол и другие...

У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, без чинов. Да и какие могли быть чины там, где просвещенный хозяин ценил и дорожил науками и искусствами?

[А. П. Керн]. Воспоминания о Пушкине. Сообщено П. В. Анненковым. «Б. д. Чт.», 1859, III—IV, с. 111—112.

У Алексея Николаевича Оленина, любившего театр, как и все искусства, разыгрывались иногда артистами нашей театральной труппы некоторые сцены из русских пьес. Между прочим, однажды, наша первоклассная трагическая актриса, г-жа Семенова-старшая, в одной довольно большой сцене, представленной в доме А. Н., не помню, взятой ли из какой-

нибудь пьесы или нарочно для сего случая составленной кем-нибудь из наших литераторов, играла роль веселой, хитрой, весьма забавной субретки, подшучивающей и выводящей из терпения серьезную трагическую личность; эту последнюю роль исполнял И. И. Сосницкий. Сцена эта была исполнена превосходно и совершенно верно, хотя представлена была артистами совершенно противоположных амплуа.

Ф. П. Толстой, Записки, •Р. Ст., 1873,
т. VII, с. 134.

Я был весьма хорошо принят в дом Оленина, бывшего тогда государственным секретарем; человека... весьма образованного, чрезвычайно начитанного и большого любителя наук, художеств и искусств. В назначенные дни недели у него собирались все, что было в Петербурге хорошо образованного, отличавшегося своими дарованиями, умом и познаниями... В это время мнения Оленина в столице... пользовались неоспоримым авторитетом. У Оленина я познакомился и очень хорошо сошелся с Гнедичем, Крыловым, Жуковским, Пушкиным и Плетневым, также с Гречем, издававшим «Сын Отечества» и впоследствии [с 1825 г.] «Северную Пчелу», умным молодым человеком, но большим болтуном; с отличавшимся тогда своими повестями Александром Бестужевым, умным и молодым офицером, и с братом его, Николаем Бестужевым, тоже очень умным и образованным морским лейтенантом балтийского флота.

Ив. с. 133 сл.

Первые томы «Библиотеки для Чтения» производили на публику живейшее впечатление и возбуждали горячие, иногда ожесточенные споры. Статьи Сеньковского... становились вопросом дня... Однажды у Олениных после обеда сидел Крылов... совершенно безучастно к тому, что происходило кругом. А между тем кругом собралась молодежь и горячо шумела по поводу какой-то статьи Сеньковского. Одни утверждали что... автор обнаруживает ум чуть ли не гениальный. Другие доказывали, что все эти предположения, выводы и соображения [Сеньковского] не что иное, как парадоксы. Последние победили, а первые, не желая усту-

пить поля, предложили помириться на том, что автор человек очень умный, хотя у него ум парадоксальный.

— Вот вы говорите: умный, — сказал Крылов, — умный! Да ум-то у него дурацкий.

Тем вопрос и был порешен, по крайней мере на этот раз.

*В. Кеневич, Рассказы об И. А. Крылове,
«Р. Ст.», 1870, т. III, с. 87.*

* В своих литературных вкусах Оленин был эклектик, жил мирно и с Шишковым и Карамзиным, но как человек просвещенный, конечно, склонен был больше не к тяжело-весной и сомнительной премудрости Президента Российской Академии (А. С. Шипкова), а к более живым настроениям литературы. Кружок, собиравшийся в доме Оленина, был в те годы (20-е гг. XIX в.) почти единственным, где собирались представители настоящей литературы от Карамзина до Пушкина.

*А. В-н [А. Н. Пыпин]. Меценаты и ученые Александровского времени.
«В. Е.» 1888, т. V, с. 721.*

Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи служил тогда блестящий дом кн. Зинаиды Волконской, урожденной кн. Белозерской [-Белосельской]. Эта замечательная женщина... хотела играть роль Коринны и действительно была нашей Русскою Коринною. Она писала и прозою и стихами... Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней, как бы к некоему меценату и приятно встречали друг друга на ее блистательных вечерах, которые она умела воодушевить с особенным талантом. Страстная любительница музыки, она устраивала у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреда, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом; трудно было найти равный ей контр-альто. В великолепных залах Белосельского дома... оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму [1826 — 1827], и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы, которые завлекли ее и в Рим. Тут же в этих салонах можно было встретить и все, что только было именитого на Русском Парнассе, ибо все преклонялось перед гениальной женщиной. Пушкин и Вяземский, Баратынский и Дельвиг были постоянными ее посетителями. Кн. Одоевский, столько же преданный музыке, как и поэзии, который издавал в то время ¹ Мнемозину, не пропускал ни одного ее вечера; бывал тут и приятный автор отечественных романов М. Н. Загоскин; степенные Раичь, Шевырев и Погодин, хотя и не любители большого света, не чуждались однако ее блистательного круга: так

¹ Хронологическая ошибка. Одоевский издавал «Мнемозину» в 1824 — 1825 гг., а однако несомненно, что в это время он, конечно, часто бывал в этом салоне. Цитируемое место относится к зиме 1826 — 1827 года.

умела она все собирать воедино. Но был один юный даровитый поэт вроде *André Chenier*, которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистую, но страстную любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу, хотя княгиня, дружная с его семейством, оказывала ему нежную приязнь. Много обещал в будущем молодой Веневитинов, и его ранняя кончина была большой утратой для поэзии. Знаменитый польский поэт Мицкевич, неволею посетивший Москву, был также одним из дорогих гостей Белосельских палат, его Дяды и Крымские сонеты очень славились в то время, и он изумлял необычайную своей импровизацией трагических сцен.

А. Н. Муравьев, Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 11—13.

Художница, музыкантша, писательница — одним словом, артистка в душе, кн. Зинаида блистала в свете умом, образованием, талантами, богатством и этими дарами, помимо красоты, завладевала вниманием высоко образованных и талантливых молодых людей, которых она соединяла у себя... Она украшала свой дом оригиналами и копиями знаменитейших произведений живописи и ваяния; комнаты своего дома, настоящего музея, она раскрашивала фресками в стиле различных эпох. Она собирала на своих вечерах цвет тогдашнего аристократического и литературного мира; у ней мой дядя [*Д. В. Веневитинов*] и его даровитые товарищи, *С. А. Соболевский*, *С. П. Шевырев*, *М. П. Погодин*, *Киреевские*, *Хомяковы*, встречались с *А. С. Пушкиным*, кн. *П. А. Вяземским*, *Адамом Мицкевичем* и др. знаменитостями. Известный музыкант *Геништа* посвящал княгине свои романсы.

М. Веневитинов, К биографии поэта *Д. В. Веневитинова*, «Р. А.», 1885, т. I, с. 119—120.

Княгиня Волконская была женщина умная и образованная; ее недаром называли *la Corinne du Nord* (Северная Коринна). Княгиня Зинаида жила в Москве с 1824 по 1829 г., в доме мачехи своей, княгини *Анны Григорьевны Белосельской*, и принимала у себя отборное общество. У нее были вечера, на которые собирались *Пушкин*, князь *Вяземский*, *Давыдов*, *Веневитинов*, *А. Н. Муравьев*, кн. *В. Ф. Одоев-*

ский. Вечера проходили в чтении и музыке; здесь собирались лучшие музыканты и певцы итальянской оперы. Княгиня сама отлично пела, знала хорошо музыку и всегда участвовала в исполнении музыкальных пьес... Во время коронации императора Николая в 1826 г., находясь с эскадронами лейб-гвардии гусарского полка в Москве, я часто посещал эти вечера, но никогда не видел, чтобы там играли в карты. Многие знакомые просили у княгини позволения составить партию виста, но она положительно заявила, что никогда не дозволит, чтобы у нее в доме играли в карты.

В. Ильин, Воспоминание о кн. А. И. Волконском, «Р. А.», 1878, т. III, с. 251 — 252.

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

А. С. Пушкин, ¹ 1827.

В Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессоры, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты диллетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла

¹ Кн. З. А. Волконской при посылке ей поэмы «Цыганы».

И. Чааев

Д. Вевевитинов

М. Погодин

А. Пушкин

З. Волконская А. Хомяков

А. Мицкевич

И. Вяземский

САЛОН ЗЕНЕИДЫ ВОЛКОНСКОЙ.

(к стр. 45).

сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатления, которые производила она своим полным и звучным контр-альто и одушевленную игрою в роли Танкреды, опере Россини. Помнится и слышится еще, как она, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его, положенную на музыку Геништоу:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала в лице его...

Нечего и говорить, что Мицкевич, с самого приезда в Москву, был усердным посетителем и в числе любимейших и почетнейших гостей в доме кн. Волконской. Он посвятил ей стихотворение, известное под именем *Рокој грескі* (Греческая комната)...

[П. А. Вяземский], Воспоминание о Мицкевиче, «Р. А.», 1873, № 6, с. 1085 сл. Также соч: т. VII, с. 329.

Чтоб доказать вам, что ваши сонеты¹ у меня на сердце, скажу, что читал их недавно на академическом обеде у княгини Зенеиды, которая слушала их с большим удовольствием и сама вам то повторит скоро, потому что собирается ехать в Петербург.

П. А. Вяземский, Письмо Н. И. Козлову от 2 января 1828 г., «Р. А.», 1886, т. I, с. 183.

Она жила сначала в Москве, где и встречалась с Веневитиновым и Мицкевичем. Позднее она приняла католичество (тайным образом, вероятно, еще когда жила в Москве). Потом переехала в Петербург. Когда известие о соращении ее в католицизм дошло до императора Николая Павловича, то он хотел ее вразумить и посылал ей с этой целью священника. Но с ней сделался нервный припадок, конвульсии. Государь позволил ей уехать из России, и она избрала местом жительства Италию, что, конечно, было в связи с переменю религии. В Риме ее вскоре прозвали *Beata*...

Сообщение кн. Репниной. В. Шенрок, Н. В. Гоголь. Пять лет жизни за границей 1836—1841, «В. Е.», 1894, № 8, с. 630.

¹ Переводы крымских сонетов Мицкевича.

Из царства виста и зимы,
Где под управой их двойкой
И атмосфере и умы
Сжмает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон, —
Она спешит на юг прекрасной,
Под Авзонийский небосклон,
Одушевленной, сладострастной,
Где в куцах, в портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;
Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для Капитолия Коринны;
Где жизнь игрива и легка, —
Там лучше ей: чего же боле?
Зачем же тяжкая тоска
Сжмает сердце поневоле!
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит ее чело;
Но скорбный дух не уврачеван,
Душе стесненной тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так, сердца нашего кумир,
Ее печально провожаем
Мы в лучший край и лучший мир.

Е. А. Баратынский, 1828.

*Вскоре по приезде в Рим [1839], Погодин посетил княгиню З. А. Волконскую, с именем которой у него было неразрывно связано воспоминание о временах «Московского Вестника», следовательно, о временах его молодости.

Княгиня Волконская жила в собственной вилле за Иоанном Латеранским. Дорога на виллу шла мимо церкви св. Климента... Домик на вилле княгини выстроен среди Римской стены и окружен с обеих сторон виноградниками, цветниками. Вдали виднеются арки бесконечных водопроводов, поля и горы, а с другой — римская населенная часть города и Колизей и Петр. Всего более «умилил» Погодина садик, посвященный воспоминаниям. «Там, — пишет он. — под сенью кипариса стоит урна в память о нашем незабвенном Дмитрие Веневитинове; близ него камень с именем Николая Рожалина, который прожил в Риме три года в доме княгини, занимаясь классическими языками и древностями, и возвратился, наконец, в отечество с целью искать место профессора, но умер на другой день после своего прибытия на пароходе... В особой куче белеется мраморный бюст императора Александра I. Есть древний обломок, посвященный Карамзину, другой Пушкину...

И. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, СПб, 1892, т. V, с. 230 — 240.

В 1845 году она [З. А. Волконская] жила как одна из богатейших княгинь Рима, где их не мало, имела свой двор прелатов и секретарем знаменитого аббата Жерве, впоследствии епископа перпиньянского. Ей принадлежала близ Рима одна из великолепных вилл, с частью развалин дворца цезарей, где она поставила бюст императора Александра I, как главное украшение ее дворца... Кто не знает, что в Москве дом княгини В[олконской] был центром, где сходились и воспевали ее Пушкин, Жуковский, и даже Шевырев, учитель ее сына, воспел ее как богиню мифологии, несмотря на свращение ее в папизм и на свои обличения подлогов флорентинского собора чрез взятки Рима! То, что была княгиня В[олконская] в тридцатых¹ годах в Москве, то она была в сороковых в Риме, а чем все это кончилось? Незадолго до смерти я видел ее в Риме. Несмотря на свое истинно христианское смирение, она жаловалась... на обманы. Прелаты и монахи ее разорили в пух. Викариат Рима обобрал ее образа за мнимые чудеса, приписываемые им ее прислугою; ее дом, все ее собственное имущество, даже склеп, где лежало тело ее мужа, проданы за долги.

Ст. Джунковский, Русский, семь лет пезуит, «Р. Инвалид», 1866, № 280, с. 3.

¹ Ошибка: в двадцатых.

В последние годы царствования Александра I и в продолжение всего царствования императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного. За все это продолжительное время под ее глазами составлялись в Москве литературные кружки, сменялись московские литературные направления, задумывались литературные и научные предприятия, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать историю русского литературного и научного движения, не встречаясь на каждом шагу с именем Авдотьи Петровны.

К. А. Кавелин, А. П. Елагина, Соч., СПб., 1899, т III, с. 1118.

С тридцатых годов, и до нового царствования, дом и салон А. П. были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливое, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранные, являлись в салон Елагиных... Блестящие московские салоны и кружки того времени служили выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов. Это известно всем и каждому. Менее известны, но не менее важны были значение и роль этих кружков и салонов в другом отношении — именно как школа для начинающих молодых людей: здесь они воспитывались и приготавливались к последующей литературной и научной деятельности... Здесь они встречались и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-по-малу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям.

Тб, с. 1120.—1121.

Языков, поселившийся у Елагиных, вспоминает об этом доме, говоря о

Республике привольной
У Красных у ворот.

Ум, обширная начитанность и очаровательная приветливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодых братьев Киреевских, встречали в их матери самую искреннюю ласку. Тут были: кн. Одоевский, В. П. Титов, Н. М. Рожалин, А. И. Кошелев, С. П. Шевырев, А. П. Петерсон, М. А. Максимович, Д. В. Веневитинов, А. О. Армфельдт, С. А. Соболевский и С. С. Мальцов. А. П. Елагина необыкновенно умела оживлять общество своим неподдельным участием ко всему живому и даровитому, ко всякому благородному начинанию и сердечному высокому порыву...

В доме у Красных Ворот устраивались чтения, сочинялись и разыгрывались драматические представления, предпринимались загородные прогулки, описывалось в стихах, например, странствование к Троице-Сергию... Живая грациозная шутка была достоянием Елагинской семьи... Жуковский и Языков ввели туда А. С. Пушкина... Дом Елагиной сделался средоточием московской умственной и художественной жизни. Языков совместничал с «княгинеею русского стиха» К. К. Павловою, тогда еще девицею Яниш, удостоенною внимания со стороны Гете и приехавшего [в Москву, на пути в Сибирь] Гумбольдта.

П. А. Чаадаев являлся на воскресные Елагинские вечера. Возвращенный из ссылки Баратынский был у Елагиных домашним человеком... Погодин сердечно привязался к Елагиным. Молодой Хомяков читал у них первые свои произведения.

П. Баратенев, А. П. Елагина, «Р. А.»,
1877, т. II, с. 492—493.

С этого времени [т. е. с начала 1833 г.] мы [Хомяков и Кошелев] зимою постоянно живали в Москве, очень часто видались и у него, и у меня и особенно у И. В. Киреевского. Последний жил у Красных Ворот, со своею матерью А. П. Елагиною, которую мы все горячо и глубоко уважали. Тут бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшиеся вечером и кончавшиеся в 3, 4, даже в 5 и 6-м часу ночи или

утра. Тут вырабатывалось и развивалось то направление православно-русское, которого душою и главным двигателем был Хомяков.

А. И. Кошелев, Воспоминания о Хомякове, «Р. А.», 1879, т. III, с. 263.

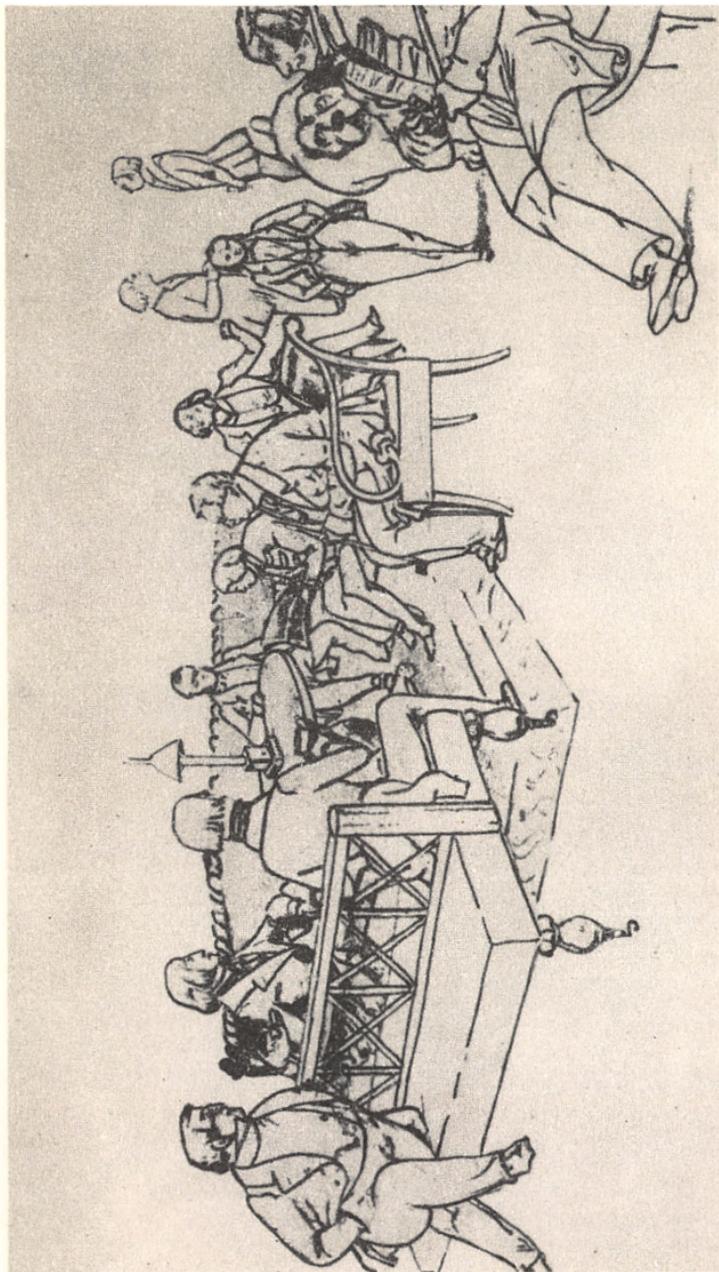
Святая мученица Евдокия,
Моли бога о нас!
Мы все грешные такие!!!
А первый из них аз.
Святая мученица Евдокия, моли бога о нас.
Мы все усердно
К тебе прибегаем,
А ты милосердно
Напой нас чаем.
Святая мученица Евдокия, моли бога о нас!

С. Соболевский, Эпиграммы и экспромпты, М., 1912, с. 34.

Языков напоминает мне вечер, проведенный мною у Елагиной дня с три тому назад. Там были: Жуковский, Ал. Тургенев, Вяземский, Хомяков и пр. Расскажу тебе о них поочередно. Жуковского я видел в первый раз (я не считаю свидания с ним в чужих краях — я был ребенком); он говорил весьма мало. Толкуя со мной о Саксонской Швейцарии, . . он сказал, что «после этой прогулки ему стало понятно, почему в горах так много сказок о духах и волшебстве . . .» Еще забавно советовал он Киреевскому не читать разбираемых им книг, — стоит только говорить диаметрально противное «Телеграфу», и выйдет правда. Он сказал это по случаю двух рецензий в последнем номере «Телеграфа», где все говорилось навыворот . . . А Тургенев — русский медведь, зимою дремлет и ворчит себе под нос; желал бы видеть его вместе с Баратынским . . .

Н. А. Мельгунов, Письмо С. П. Шевыреву. Опубликовано в статье Н. А. Белозерской, Кн. З. А. Волковская, «И. В.», 1897, с. 148.

Три младших сына А. П. в это время [около 1842 г.] были студентами, и дом ее снова оживился. Это был второй период ее общественно-литературной жизни. Русское умственное развитие уже расколосилось тогда на два противоположные

Сторбеев

Валуев

Панов

И. В. Киреевский

Хомяков

Шевырев

К. С. Аксаков

Погов

Елагин-сын

П. В. Киреевский

САЛОН А. П. ЕЛАГИНОЙ.

(к стр. 160).

направления; но представители того и другого любили сходиться в Елагинской гостиной. В хозяйке дома было что-то примиряющее, безотносительно-высокое и общее людям обоих направлений. У нее бывали и менялись мыслями: А. И. Тургенев, Гоголь, Хомяков, Погодин, Шевырев, Вигель, Иноземцев, Редкин, Н. Павлов, Мельгунов, М. Дмитриев, Крюков, Огарев, Сатин... Поколение, явившееся на смену спутников ее молодости, сверстники и товарищи младших сыновей ее, Валуев, Кавелин, А. Н. Попов, А. П. Ефремов, В. А. Панов, Стахович-отец и бр. Аксаковы, бр. Бакунины, Ф. Чижов, Ю. Самарин, кн. Черкасский любили пользоваться ее беседою.

П. Бартолев, А. П. Елагина, «Р. А.», 1877, 2, 495.

*Значение Елагинского салона русскому читателю достаточно известно. В то время это был в Москве единственный в своем роде салон, в котором встречались и обменивались мыслями выдающиеся люди Москвы, как, например, Киреевские (они были сыновьями хозяйки от первого ее брака), Хомяков, Аксаков. Самарин, Огарев, позднее Герцен, М. Ф. Орлов и мн. др. Младшее поколение — такие юноши, как Бакунин и Елагины, пока только слушали споры, происходившие между старшими, и сами не принимали в них участия.

А. Корнилов, М. А. Бакунин, «Былое», 1923, № 21, с. 32.

Салон Е. А. Карамзиной в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров Петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света. Историк Карамзин не принадлежал ни по своему происхождению, ни по состоянию к тому кругу, который принято называть высшим петербургским светом, ни к той аристократии, правда, более или менее случайной, которая, тем не менее, имеет претензию составлять обособленную касту. Однако, благодаря своему таланту и своим работам, Карамзин рано привлек к себе расположение императора Александра I; он был принят при дворе и стал близким человеком при императрицах Марии Феодоровне и Елизавете Алексеевне; великая княгиня Екатерина Павловна питала к нему самые дружественные чувства. Он был связан тесной дружбой с Жуковским, которому впоследствии было поручено воспитание наследника, и с Вяземским, на внебрачной сестре которого он был женат. Вся литературно-образованная и культурная молодежь моего времени принадлежала к высшим слоям русского общества, и Карамзин незаметным образом, как-то сам собой, сделался руководителем и центром того литературного кружка, который в то время являлся и наиболее аристократическим кружком. После смерти Карамзина весь этот литературный мир продолжал группироваться вокруг его вдовы; так случилось, что в скромном салоне Е. А. Карамзиной в течение более двадцати лет¹ собиралась самая культурная и образованная часть русского общества.

А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник, 1853 — 1855, изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, с. 69 — 70.

¹ Н. М. Карамзин умер в 1826 г.; салон его вдовы продолжался до ее смерти в 1851 г., т. е. 25 лет.

Чтоб получить литературную известность в великосветском кругу, необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной — вдовы историографа. Там выдавались дипломы на литературные таланты. Это был уже настоящий великосветский литературный салон с строгим выбором, и Рекамье этого салона была С. Н. Карамзина,¹ к которой все известные наши поэты считали долгом писать послания.

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 143 — 144.

Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали в большой красной гостиной. Но умной и вдохновенной руководительницей и душой этого гостеприимного салона была, несомненно, София Николаевна, дочь Карамзина от его первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой, скончавшейся при рождении этой дочери. Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений. Я как сейчас вижу, как она, подобно усердной пчелке, порхает от одной группы гостей к другой, соединяя одних, разъединяя других, подхватывая остроумное слово, анекдот, отмечая хорошенький туалет, организуя партию в карты для стариков,² jeux d'esprit для молодежи, вступая в разговор с какой-нибудь одинокой мамашей, поощряя застенчивую и

¹ София Николаевна Карамзина (1802 — 1856), дочь историографа от первого брака.

² А. И. Кошелев, описывая салон, говорит, что в карты там не играли (Записки, Berlin, 1884, с. 30). Противоречивые утверждения объясняются, может быть, тем, что Кошелев говорит о салоне 1830 года, в то время как А. Ф. Тютчева описывает его последние годы. Но если бы нам пришлось выбирать более достоверный источник, то мы скорее согласились бы с А. И. Кошелевым, свидетельства которого обычно находят себе подтверждения в ряде других источников.

скромную дебютантку, одним словом, доводя умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели.

А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров, изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, с. 70—71.

Когда, насытившись весельем шумным света,
Я жизнью уместной вполне хочу пожить,
И просится душа, мечтою разогрета,
Среди душ родственных свободно погостить,—
К приоту тихому беседы просвещенной,
К жилищу светлых дум дорогу знаю я
И радостно спешу к семье благословенной,
Где дружеский прием радушно ждет меня.
Там говорят и думают по-русски,
Там чувством родины проникнуты сердца;
Там чинность модная своею цепью узкой
Не душит, не теснит. Там памятью отца
Великого и славного все дышит...

При этом зрелище в нас сердце оживает,
За круговым столом, у яркого огня,
Хлад зимний, светский хлад оно позабывает,
И, умиленное, внезапно постигает
Поэзию домашнего житья...

Е. П. Ростопчина, Где мне хорошо, 1838. ¹

Гости собирались каждый вечер. В будни бывало человек восемь, десять, пятнадцать. По воскресеньям собрания бывали гораздо многолюднее: собиралось человек до шестидесяти. Обстановка приема была очень скромная и неизменно одна и та же. Гостиная освещалась яркой лампой, стоявшей на столе, и двумя стенными канделябрами на противоположных концах комнаты; угощение состояло из очень крепкого чая, с очень густыми сливками, и хлеба с очень свежим маслом, из которых София Николаевна умела делать необычайно тонкие тартинки, и все гости находили, что ничего не могло быть вкуснее чая, сливок и тартинок Карамзинского салона.

А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров. М., 1928, с. 73.

¹ Стихотворение посвящено Е. А. Карамзиной. Е. П. Ростопчина, Соч., 1890, т. I, с. 42 сл.

В доме Е. А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разных направлений. Тут часто бывал Блудов и своими рассказами всех занимал. Тут бывали Жуковский, Пушкин, А. И. Тургенев, Хомяков, П. Муханов, Титов и мн. др. Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердого и всегда ровного, сердца доброго, хотя, повидимому, с первой встречи, холодного. Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски...

А. И. Кошелев, Записки, Berlin, 1884,
с. 30.

Из альбома С. Н. Карамзиной

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор.

Люблю я парадоксы ваши,
И «ха-ха-ха», и «хи-хи-хи!»
С[мирновой] штучку, фарсу Сапш
И Ишки М[ятлева] стихи...

М. М[ермнтов], 1840.

Находясь в этой милой и гостеприимной семье, я сразу очутился в самой интеллигентной среде Петербургского общества, в которой так свежа еще была память незабвенного Николая Михайловича, и где по преданию собирались как прежние друзья покойного историографа, так и молодые поэты, литераторы и ученые нового поколения... Карамзины ежедневно принимали по вечерам, попросту, се-

мейно, за чайным столом. Обычного посетителя Карамзиных я уже не застал в живых, а именно Пушкина, а также и Лермонтова, который покинул Петербург и перешел на службу на Кавказ; ¹ но я встречал у них в гостиной Жуковского, князя Вяземского, Дмитриева, Плетнева, графа Блудова, Тютчева, Соболевского, Хомякова, [А. И.] Тургенева, Валуева, графа Владимира Сологуба, Ю. Самарина, а также интеллигентных лиц из иностранцев и дипломатов. Собственно говоря, Карамзинский дом был единственный в Петербурге, в гостиной которого собиралось общество не для светских пересудов и сплетен, а исключительно для беседы и обмена мысли.

А. В. Мещерский, Воспоминания, «Р.А.», 1901, кн. 1, с. 101.

Пушкин в салоне Карамзиной

* 13 декабря 1827 г. Е. А. Карамзина писала И. И. Дмитриеву из Петербурга в Москву: «Мы, по обыкновению, мало выезжаем; дома видим несколько приятелей, оставшихся верными воспоминаниям прошедшего, — Жуковского, Дашкова, Пушкина и пр.; последний ежедневно у нас; итак, не повесничает» (Письма Карамзина к Дмитриеву, С.-Пб. 1866, с. 430, с ошибкою в дате года). И в следующие годы Пушкин был обычным посетителем семейства Карамзиных (там же, стр. 432, 437, 439); к главе ее, Екатерине Андреевне, он питал любовь и постоянное уважение. — А. О. Смирнова в Записках своих пишет про Пушкина: «Я наблюдала за его обращением с г-жей Карамзиной: это не только простая почтительность по отношению к женщине уже старой, — это нечто более ласковое. Он чрезвычайно дружески почтителен с княгиней Вяземской, с m-me Хитрово, но его обращение с Карамзиной совсем не то» («Сев. Вестн.» 1894, 4, с. 159). Уважение к ней было у Пушкина настолько глубокое, что ее одну из весьма немногих он посвятил в историю своей семейной драмы («П-н и с.», вып. XXV — XXVII, с. 94), тем самым сделав ее участницей всех своих переживаний; и она не безразлично относилась к судьбе Пушкина, что видно из писем к ней ее сына Андрея Николаевича из Парижа («Ст.

¹ Воспоминания относятся к самому началу 40-х гг.

и Нов.», кн. XVII, М., 1914, pass.). Когда же драма разрешилась дуэлью и раненый поэт сознал уже свой близкий конец, — он выразил желание повидать именно Карамзину.

Б. Л. Модзалевский, Примечания к Дневнику Пушкина. Дневник Пушкина 1833 — 1835, Гиз, 1923, с. 34 — 35.

«У Карамзиных в полном смысле salon. В продолжение двух часов, которые я там провел, явилось и исчезло человек двадцать. Тут был Вяземский, приехал Блудов... Спор, завязавшийся у Одоевских, продолжался у Карамзиных и был главный предмет разговора».

Е. А. Баратынский, Письмо Н. Л. Баратынской. Е. А. Баратынский. Соч., изд. 1884 г., с. 310—311.

Пушкин и Одоевский поздно приехали к Карамзиным. Они были в опере, где давали Дон Жуана... Говорили о музыке, о Мейербере, который интересует Одоевского... [Речь зашла о Моцарте]... Вяземский проворчал: «Пушкину следовало бы докончить своего Моцарта и Сальери, — факт, может быть, и не исторически верный, но драма была бы чудная...» Все согласилось с мнением Вяземского, и Пушкин, наконец, объявил, что он докончит Моцарта и Сальери, если проживет достаточно долго для этого... Одоевский заметил, что Рафаэль, Моцарт и Байрон, все трое, умерли 37 лет. Пушкин воскликнул: «Неужели это роковой возраст для гениев? Между тем Гете избег этого рока».

А. О. Смирнова, Записки, СПб., 1894 — 1897, т. I, с. 273 сл.

Очень весело провела вечер у Карамзиных. Там был Арзамас. Я сказала Жуковскому, что гостиняя Катерины Андреевны — ковчег Арзамаса; он ответил: «в этом ковчеге я — бычек, Крылов — слон, самое умное животное, Пушкин — сверчок, а вы — колибри Арзамаса». Там были оба Глинки, поэт и musicus, и Жан Мятлев, который очень забавен... Был там старик Полетика. Он мне нравится; он сух и в то же время очень остроумен; был и Аббат Тетю — на этот раз без «своих драконов», очень любезный [П. А. Вяземский]. Пушкин, мой брат Клементий, Андрей Карамзин и Петр Мещерский забавлялись тем, что дразнили Sophie, которую

перед обедом застали в слезах над английским романом ... Пушкин был в ударе; он рассказывал свои Wanderungen у цыган в Молдавии; там в одном таборе он слышал рассказ об убийстве женщины, которым воспользовался для поэмы; он нашел своего Алеко и Земфиру под шатром. Он рассказал нам историю, слышанную им от одного грека в Кишиневе, и говорил, что хочет записать ее и назвать Кирджали... Пушкин говорил притом, что темы многих его произведений взяты из жизни...

Jb., с. 29 — 30.

Вы, конечно, порадовались уже новым цветком нашей литературы, достойным цвести и благоухать в передних, в трактирах и в подъяческих библиотеках — Иваном Выжигиным? Вообразите, что, несмотря на отвратительные непрерывные описания порока во всех видах, на невероятность гнусного разврата во всех действующих лицах, почти без исключения, на совершенный недостаток малейшего интереса к самому герою романа и на подлую тривиальность слога, его раскупили здесь в несколько дней, и начали печатать второе издание. Куда ни приедешь, везде говорят об Иване Выжигине — но редко с похвалою; куда ни взглянешь — в гостиных, в дамских кабинетах, везде увидишь Ивана Выжигина даже с разрезанными страницами, занимающего почетное место на столах. Какой патриотизм, но жаль, что невпопад. А в то же время о Полтаве едва упоминают, — и то, чтоб сказать, что она не стоит первых произведений Пушкина.

Е. Н. Мецкерская, Письмо к И. И. Дмитриеву от 15 апреля 1820 г. • II — п и с. • вып. XXIX — XXX, с. 30 сл.

... Вся читающая Россия находится теперь в руках литературы промышленной...

Между тем капиталы Русского ума, воображения, сокровища мыслей, знаний, языка находятся в руках талантов, по большей части бездейственных. Довольствуясь мирными беседами приятельскими, расточая в них по мелочи игру живых способностей, более и более отвыкая от труда и частыми отказами отлучая от себя вдохновение, они почти не пускают капитала своих дарований в оборот всенародный, в праздной апатии уступают главные роли литераторам-промышленни-

кам — и вот от чего современная литература наша разбогачена деньгами и обанкротилась мыслью.

С. П. Шевырев, Взгляд на современное направление русской литературы, «Москвитянин», 1842, № 1, с. XXXII.

Помиришь с Шевыревым ради прекрасной статьи его о черной стороне нашей литературы, которую он напечатал в первой книжке «Москвитянина» на этот год. Федоров читал ее нам на днях у Карамзиных.

П. А. Вяземский, Письмо А. М. Тургеневу от 26 января 1842 г., «Ост. Арх.», т. IV, с. 149.

... В Карамзинской гостиной предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранные, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии — Каннинга и Гускиссона составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душной атмосфере было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные.

А. И. Кошелев, Воспоминание о Хомякове, «Р. А.», 1879, кн. 3, с. 266.

Из альбома С. Н. Карамзиной

To be in Petersburg with a song
and a heart in solitude indeed.

Voyage inédit.
Et je vis une ville où tout était pierre:
les maisons les arbres et les habitants.

Voyage d'Abub-Fared, le vagabond.

Здесь, где гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой, —
Для сердца чистая святыня
Есть мирный кров, любимый мной.
Там дружества привет радушный
И ум в согласии с душой
И чувству разговор послушный
Отрадно дышат теплотой.
Так в недрах степи раскаленной
Среди губительных песков

Отраден оазис зеленый
И пальмы тень, и ключ студений,
И песнь счастливых пастухов.

А. Хомяков.

1832

С.-Петер[бург].

Я познакомилась с этим салоном лишь в самые последние годы жизни Екатерины Андреевны, уже в то время, когда самые выдающиеся писатели, входившие в него, как Пушкин, Дашков, Боратынский, Лермонтов, сошли со сцены. Но традиции остроумной беседы и умственных интересов сохранялись попрежнему, и в этой скромной гостиной, с патриархальной обстановкой, с мебелью, обитой красным шерстяным штофом, сильно выцветшим от времени, можно было видеть самых хороших и самых нарядных петербургских женщин в элегантных бальных туалетах прямо с придворного бала или пышного праздника, расположившимися на красной отоманке за затянувшейся иногда до четырех часов утра беседой. Вельможи, дипломаты, писатели, светские львы, художники — все дружески встречались на этой общей почве: здесь всегда можно было узнать самые последние политические новости, услышать интересное обсуждение вопроса дня или только что появившейся книги; отсюда люди уходили освеженные, отдохнувшие и оживленные. Трудно объяснить, откуда исходило то обаяние, благодаря которому, как только вы переступали порог салона Карамзиных, вы чувствовали себя свободнее и оживленнее, мысли становились смелее, разговор живей и остроумней.

А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров, 1928, с. 70.

Когда я приехала в Петербург для поступления ко двору, этот салон уже не существовал. Екатерина Андреевна умерла за год перед тем,¹ Софи и Лиза переселились к сестре, Екатерине Николаевне Мещерской, которая продолжала принимать некоторых друзей и близких людей, но прежнего широкого гостеприимства и оживления уже не было.

Ль., с. 73.

¹ А. Ф. Тютчева приехала в Петербург в начале 1853 г. Е. А. Карамзина умерла 1 сентября 1851 г. Таким образом, между смертью Е. А. Карамзиной и приездом А. Ф. Тютчевой прошло несколько более года. Салон Карамзиных прекратился, по видимому, лишь со смертью его хозяйки.

С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством [с 1826 г.], открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые — литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собою неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они на нейтральной почве чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец, — барон Шиллинг, воротившийся из Сибири, и живая, миловидная гр. Ростопчина, Глинка и проф. химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием. Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрее и снисходительнее друг к другу.

М. П. Погодин, Воспоминание о кн. В. Ф. Одоевском, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 56 сл.

На этом диване Пушкин слушал . . . Жуковского; гр. Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение; Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал гр. Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте. Тут перебивали все начинающие и подвизающиеся в области науки и искусства — и посреди их хозяин дома то прислушивался к разговору, то поощрял дебютанта, то тихим своим добросердечным голосом делал свои замечания, всегда исполненные знанья и незлобия. Таких домов мы знали четыре: дом Лениных, дом Карамзиных, дом Виельгорских, дом Одоевских.

В. А. Соллоуб, Воспоминание о кн. В. Ф. Одоевском, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 90.

В 1833 г. князь Владимир Одоевский, уже известный писатель, принимал у себя каждую субботу после театра. Прити к нему прежде 11 часов было рано. Он занимал в Мошковом переулке (на углу Большой Миллионной) скромный флигелек; ¹ но тем не менее у него все было на большую ногу, все внушительно. Общество проводило вечер в двух маленьких комнатках и только к концу переходило в верхний этаж, в львиную пещеру, т. е. в просторную библиотеку князя. Княгиня, величественно восседая перед большим серебряным самоваром, сама разливала чай, тогда как в других домах его разносили лакеи совсем уже готовый. Ее называли *la belle Créole*, так как она цветом лица похожа была на креолку и некогда славилась красотой... У Одоевского часто бывали Пушкин, Жуковский, поэт князь Вяземский, драматург князь Шаховской, в насмешку называвшийся *le père de la comédie*, далее Замятин (будущий министр юстиции), Блудов, молодые члены французского посольства. Из дам особенно обращали на себя внимание красавица Замятина, графиня Лаваль, старая и страшно безобразная, и не терпящая света княгиня Голицына, *Princesse Nocturne*, как ее называли, потому что она обращала ночь в день и вставала не ранее полуночи.

[В. Лещ], Приключения Ляляндца в Петербурге, «Р. А.», 1878, т. I, с. 440.

Когда я в первый раз был у Одоевского, он произвел на меня сильное впечатление. Его привлекательная симпатическая наружность, таинственный тон, с которым говорил он обо всем на свете, беспокойство в движениях человека, озабоченного чем-то серьезным, выражение лица постоянно задумчивое, размышляющее, — все это не могло не подействовать на меня. Прибавьте к этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленного необыкновенными столами с этажерками и с таинственными ящичками и углублениями; книги на стенах, на столах, на диванах, на полу, на окнах — и притом в старинных пергаментных переплетах с писанными

¹ В. Ф. Одоевский в 30-х годах жил в Петербурге, на углу Миллионной ул. и Мошкова переулка, во флигеле дома его тестя, С. С. Ланского. Подъезд был с переулка, ведущего от Конюшенного моста к Неве. Ср. В. А. Солмогуб, Воспоминания об Одоевском, «В память» и пр., с. 96, и Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, 1892, с. 118.

ярлычками на задках; портрет Бетховена с длинными серыми волосами и в красном галстуке; различные черепа, какие-то необыкновенной формы склянки и химические реторты. Меня поразили даже самый костюм Одоевского: черный шелковый, остроконечный колпак на голове, и такой же, длинный до пят, сюртук — делали его походящим на какого-нибудь средневекового астролога или алхимика.

И. И. Панаев, Литературные Воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 148 — 149.

У князя Одоевского я встретился с земляком фон-Вегазаком, рижским уроженцем... Он служил под начальством Лавалья в министерстве иностранных дел и впоследствии был министром-резидентом в Ганзейских городах. Тут можно было встретить также Дантеса, красивого кавалергардского офицера, от руки которого впоследствии пал Пушкин. Гордый своими успехами между дамами, он был воплощенная есесь. Гораздо скромнее и проще держал себя молодой Римлянин, друг Григория Волконского, учитель пения, Чиабатта, ослепительной красоты Антиноева голова... По красоте Дантес не мог идти в сравнение с Чиабаттой, но он носил мундир, а мундир надо всем брал тогда верх!..

Однажды вечером, в ноябре 1833 г., я пришел к Одоевскому слишком рано. Княгиня была одна и величественно восседала перед своим самоваром; разговор не клеился... Вдруг — никогда этого не забуду — входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в то время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал — *incessu dea patebat!*¹ Благородные античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея, с которой я хорошо был знаком... Мне захотелось посидеть по крайней мере около Пушкина. Я собрался с духом и сел около него. К моему удивлению, он заговорил со мной очень ласково: должно быть, был в хорошем расположении духа.

[В. Лени], Приключения Лифляндца в Петербурге, «Р. А.», 1878, т. I. с. 441 — 442.

Вокруг стола, посреди комнаты [кабинета В. Ф. Одоевского], сидели в креслах сам хозяин и несколько мужчин средних

¹ Когда она появлялась, то казалось, что видишь богиню.

лет... Это были: известный своими эпиграммами и дружбою с Пушкиным князь Петр Андреевич Вяземский; профессор С.-Петербургского Университета Петр Александрович Плетнев, также один из друзей великого поэта и преемник его по редакторству журнала «Современник»; камергер Иван Петрович Мятлев и Андрей Александрович Краевский, редактор «Отечественных Записок». Сидело тут еще двое или трое, имен которых я не помню... В продолжение этой же зимы увидел я на вечерах у кн. Одоевского и других еще литературных деятелей, например, Василия Андреевича Жуковского; затем университетского моего товарища, графа Владимира Александровича Сологуба; молодого писателя малорусских повестей, Евгения Павловича Гребенку, выступившего впоследствии в качестве музыкального фельетониста... Феофила Матвеевича Толстого и др.

Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, М., 1892, с. 202 сл.

Я сблизился с ним [Одоевским] в 30-х годах, когда он жил в Мошковом переулке, где занимал флигель в доме его тестя С. С. Ланского. Квартира его... была скромна, но уже украшалась замечательною библиотекою... В этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходилась по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. Я видел тут, как андреевский гавалер беседовал с ученым, одетым в гороховый сюртук; я видел тут измученного Пушкина во время его кровавой драмы — я всех их тут видел, наших незабвенных, братствующих поэтов и мыслителей.

В. А. Сологуб, Воспоминания о кн. В. Ф. Одоевском. «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 96.

В этом доме не существовало общего всем другим домам и всегда тягостного обычая представлять гостей друг другу.

Раз введенный сюда считался как бы знакомым со всеми и так и держал себя. Это весьма удобно. Уходят, не прощаясь, и входят с легким поклоном, как будто виделись 10 минут тому назад.

[В. Лени], Приключение Ляляндца в Петербурге, «Р. А.», 1878, т. I, с. 442.

Знаменитостью своего рода, своим придворным и официальным званием, по своим связям и отношениям, он [Одоевский] бесспорно принадлежал к самому высшему кругу; но это исключительное положение служило единственно к тому, чтобы придать его природному благодущию более утонченную, изящную форму и всем его приемам какое-то ясное спокойствие и достоинство. В доме его и в особенности в его заветном кабинете все были равны, — в буквальном смысле этого слова: вельможи и артисты, ученые и художники, чиновники, мастеровые, старики и молодые — все одинаково подпадали немедленно под беспристрастный уровень его радушия и доброжелательного внимания. Все чувствовали себя как дома, даже часто лучше, чем дома, потому что все их отличительные свойства, их таланты, познания, дарования, вызывались наружу, оценивались по достоинству и заслуживали одобрение и нравственную поддержку.

Ф. Тимирязев, Кн. В. Ф. Одоевский, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 72 — 73.

Все понимали, что хозяин . . . не притворялся, что он их любит, что он их действительно любит, любит во имя любви, согласия, взаимного уважения, общей службы образованию, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и в каком бы платье ни ходил. Это прямое обращение к человечности, а не к обстановке каждого, образовало ту притягательную силу к дому Одоевских, которая не обуславливается ни роскошными угощениями, ни красноречием лицемерного сочувствия.

В. А. Соллогуб, Воспоминание о кн. В. Ф. Одоевском, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1869, с. 97.

У кн. Одоевского в эту эпоху [1840 г.] по понедельникам¹ собирався цвет Петербургского литературного круга, те самые

¹ Неверно — по субботам.

лица, которых впоследствии преимущественно прозвали «людьми сороковых годов». Это не были ни конспираторы, ни безумные поклонники республиканскому фантому, даже не пустые крикуны à la Репетилов с братьей. Разговоры шли наибольшей частью о последних явлениях литературы, преимущественно отечественной. Но затрагивались и другие вопросы, и среди этих вечеров не одна только, бывало, идея возникала и обсуждалась, которая в последующие годы получила свое осуществление: довольно указать, на идею, например, о женских гимназиях и об обществах посещения бедных.

Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II,
М., 1892, с. 198 сл.

Большую часть посетители вечеров кн. Одоевского размещались, где кому удобнее, отдельными группами и в частных разговорах обменивались своими мыслями и воззрениями. Но бывали также случаи, где какой-нибудь ненароком затронутый или а priori предвещанный предмет возбуждал общий интерес всех присутствующих. Таких случаев было не мало, преимущественно до исхода 40-х годов.

Тб., с. 214 сл.

Известно, что желание Одоевского сблизить посредством своих вечеров великосветское общество с русской литературой не осуществилось... Одоевский принимал каждого литератора и ученого с искренним радушием и протягивал дружно руку всем вступающим на литературное поприще, без различия сословий и званий... Он хотел показать своим светским приятелям, что, кроме избранников, посещающих салон Карамзиной, в России существует еще целый класс людей, занимающихся литературой... [Но светские люди] вовсе не хотели сблизиться с людьми не своего общества... [Они] на вечерах Одоевского окружали обыкновенно хозяйку дома, которая разливала чай в салоне, а литераторы были битком набиты в тесном кабинете хозяина, .. боясь заглянуть в салон. Целая бездна разделяла этот салон от кабинета. Но для того, чтобы достичь вожделенного кабинета, бедным литераторам надобно было проходить через роковой салон — и это было для них истинною пыткой. Неловко кланяясь хозяйке дома, они, как-то скорчившись, съезжившись и притаив дыхание, торопились достичь кабинета, преследуе

мые лорнетами и разными, не совсем приятными для их самолюбия взглядами и улыбочками...

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 143—146.

Посередине большой гостиной Румянцевского музеума, когда [Одоевский] был там директором, помещался рояль; к нему с одного боку приставлялись ширмы, обратная их сторона прислонялась к дивану, обставленному столиками и стулками разного фасона; один бок дивана замыкался высокою жардиньеркой; несколько дальше помещался большой круглый стол, покрытый ковром и окруженный креслами и стульями. От входной двери шли опять ширмы, отделявшие угол с диваном, этажерками и полочками по стенам. Гостиная представляла совершенный лабиринт; пройти по прямой линии из одного конца в другой не было никакой возможности: надобно было проходить зигзагами и делать неожиданные повороты, чтоб достигнуть выходной двери.

Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, Собр. соч., изд. 1896, т. XII, с. 292.

Когда я в первый раз явился... к Владимиру Федоровичу на вечернее собрание, мне сначала, конечно, было не совсем ловко: я никого не знал из всей этой довольно многочисленной компании... Я должен был довольствоваться тем, что лакей, отворивший мне дверь в залу, громко произнес: «г. Арнольд». Обоюдные представления производились только в интимном кругу или в экстренных случаях... Само собою разумеется, что я прежде всего подошел к хозяйке дома, засвидетельствовать должное «высокопочитание со стороны всепокорнейшего ее слуги» в виде самого этикетного реверанса. Ее сиятельство удостоили меня милостивым легоньким наклоном головы, но ручки своей протянуть не изволили: это в переводе с мистериозного языка великосветского церемониала значило: «Господа и госпожи,¹ этот вот принадлежит к простолудию, хуже даже, человек ничтожный; следовательно, он вас совсем не касается». Я же... скорчил еще более сладкую мину и поклонился еще отбор-

¹ Французскую фразу приводим в русском переводе.

нее этим членам того общества, которое, называя себя «хорошим», нередко выказывало и выказывает себя далеко нехорошим. Но, улыбаясь им, я думал: Господа и госпожи! Да я сюда и вовсе не для вас явился... Не вы есть то «хорошее» общество, которое я, без сомнения, найду в соседней комнате!

Тут уже вышел сам князь очень приветливо мне навстречу и, пожав мне руку, повел меня в другую комнату... Прежде чем опуститься на оттоманку, я взглянул на занимавшего другой угол сидения: это был Белинский, и я ему поклонился...

Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, М., 1892, с. 201 гл.

[В 1847 году Тургенев часто говорил в редакции «Современника»]... Я оттого перестал бывать по субботам у Одоевского, что мне просто стыдно, до чего не умеют себя держать прилично новые литераторы. И какой чудак Одоевский, сам себе задает каждую субботу порку, как будто он находится в школе. Я вижу, как его шокируют манеры дурного тона «литературного прыща»,¹ когда он бывает у него... Да, господа, низко упали литераторы... тогда как с прежними литераторами все светские женщины добивались сближения, потому что тогда литераторы вполне были джентльменами, а те, кто не принадлежал к высшему кругу, смиренхонько себе жили в своей среде.

Авдотья Панаева, Воспоминания, Академия, Л., 1927, с. 231.

Особенное внимание великосветских господ и госпож обращал на себя издатель «Сказаний русского народа» И. П. Сахаров, появлявшийся всегда на вечерах кн. Одоевского в длиннополом гороховом сюртуке. Сахаров, впрочем, русский человек, себе на уме, хитро посматривал на все из-под навеса своих густых белокурых бровей и не смущался бросаемыми на него взглядами и возбуждаемыми им улыбочками. Он даже, кажется, нарочно облекался в свой гороховый сюртук, отправляясь на вечера Одоевского...

Кроме Сахарова, привлекал к себе любопытство велико-

¹ «Прыщом, рдеющим на носу литературы», Тургенев и Некрасов называли молодого Достоевского.

светских гостей Одоевского — отец Иакинф Бичурин.¹ изредка появлявшийся на субботах. Он обыкновенно снимал в кабинете Одоевского свою верхнюю одежду, оставался в подряснике, имевшем вид длинного семинарского сюртука, и ораторствовал о Китае, превознося до небес все китайское. Когда Иакинф заговаривал о своем Китае, многие светские господа из салона княгини приходили слушать его.

Отец Иакинф говорил грубо, резко напирал на букву *о* и не стеснялся в своих выражениях.

Какой-то светский франт перебил его однажды вопросом: — А что, хороши женщины в Китае?

Иакинф осматрел его с любопытством с ног до головы, и потом, отворотясь, отвечал хладнокровно:

— Нет, мальчики лучше...

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, 1928, с. 146—148.

[Жена князя Одоевского, Ольга Степановна]... понимала и допускала, что общественное значение, а потому и блеск ее дома много выигрывают от сближения к себе (*sic!*) таких поэтов и музыкантов, которые, хотя и не синекровные, но приобрели себе громадную славу. Но далее... нет, далее она никак не допускала уже мысли об ином отношении Одоевского князя к другим смертным, как только с высоты пьедестала благодетельного мецената к просительской черни... Не могу сказать, чтоб ее сиятельство когда-либо позволяла себе выказывать явную грубость (для этого она слишком была умна и образована), но посвященные в тайны тонкого этикета знают, что и без явной пошлой грубости можно выказывать свою антипатию сотнею видов... Княгиня сумела мало-по-малу преобразовать физиономию своих вечеров, в чем ей много способствовал случайно повесивший в то время на «высшее» общество дух, или, вернее сказать, *мода* корчить из себя любителя и знатока литературы, наук и искусств. Начиная с 1845 г. (когда Одоевский переехал на Литейную, в дом Краевского), на вечерах кн. Одоевского (по четвергам)² являлись двое племянников Владимира Федоровича, а с ними и другие молодые отпрыски разных древних гераль-

¹ Иакинф Бичурин (1777—1863) — китаевед, автор многочисленных работ о Китае.

² Арнольд снова ошибается. Вечера были по субботам.

дических дерев. По мере же того, как среди приобретших памятную известность в литературном мире, надставленных друг над другом, бесчисленных книжных шкапиков коричневого цвета, которыми украшались стены двух приемных комнат князя, все более и более начали сиять лица чистокровной породы, начали также исчезать лица, плоды трудов которых хотя и можно было частенько находить в печатных книгах, но имена которых не встречались на страницах «золотой книги»... Не то, чтоб залы князя пустели, но собиравшееся общество изменилось: насчитывалось иногда 3 — 4 действительных литератора, 1 или 2 композитора, да на каждого из них, пожалуй, по 2 князя, по 2 графа, по 2 камергера, да по 2 камер-юнкера.

Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, М., 1892, с. 220.

Из смысла твоего письма заключаю, что ты намерен заглянуть в Петербург; милости просим: только Суббот уже не найдешь: дорого стоят, а я начинаю делаться скуп.

В. Ф. Одоевский, Письмо приятелю-помещику от 20 августа 1850 года, «Р. А.», 1879, т. I, с. 525.

Когда в 1863 г. Румянцевский музей из Петербурга был переведен в Москву, а вследствие того и кн. Одоевский, в качестве директора этого знаменитого учреждения, также переселился в первопрестольный град,¹ то литературные его вечера, устраиваемые им опять на основании первобытных принципов 30-х и 40-х годов, получили вновь и прежний блеск и прежнее значение.

Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, М., 1892, с. 222 сл.

В Москве, так же как и в Петербурге, тотчас устроились у него вечера по пятницам, где собирались его друзья, новые знакомые и сослуживцы, все путешественники, особенно музыканты.

М. П. Погодин, Воспоминания о кн. В. Ф. Одоевском, «В память о кн. В. Ф. Одоевском», М., 1860, с. 62.

¹ Одоевский поселился в Москве на Смоленском бульваре, вместе с Соболевским. Соболевский занял нижний этаж дома, Одоевский — верхний. Ср. «Р. Ст.» 1890, т. LXVII, с. 633. Румянцевский Музей (ныне Библиотека им. Ленина) был переведен в Москву не в 1863, а 1861 г.

[22 января 1862 года]. Утро у кн. В. Ф. Одоевского. Я давно с ним не видался. Княгиня была чрезвычайно любезна. У них по средам вечером собирается общество, и я дал слово бывать у них.

А. В. Никитенко, Записки и дневник, т. II, СПб., 1893, с. 241.

Завтра, в среду, в 8 часов граф Сологуб читает у меня свою новую комедию, которой еще не приискал и названия. Он, вместе с нами, приглашает вас послушать его новое произведение.

В. Ф. Одоевский, Записка к В. Н. Кашперову от 27 декабря 1866 г., «Р. Об.», 1864, в. 3, с. 435.

Кого не бывало у [Одоевского]! И молодые девицы, которым он читал «пятничные» лекции музыки, и его седовласые товарищи-сенаторы, и Тургенев с Фетом и Григоровичем, и Славянофилы, и Западники... Когда пресловутый Кельсиев воротился из-за границы, П. И. Мельников приводил к кн. Одоевскому показать и эту редкость. Но всего не перечесать».

О. О. [Орел-Ошменцов], Из воспоминаний о кн. Одоевском, «Р. А.», 1892, т. I, с. 86.

Несмотря на то, что он был первый аристократ в России, он, может быть, был величайший демократ. В его знаменитом и любопытном кабинете, в котором все русские писатели, от Пушкина до графа Толстого, так часто беседовали, где сидели Глинка и Берлиоз, и все музыканты, и в самом деле все замечательные люди России... все были равны и совершенно дома. С самым мелким чиновником обходились одинаково, как с министром или с послом. Прием был одинаково добродушный для всех, с одинаковым желанием обязать и услужить...

По пятницам вечером дамы обыкновенно собирались в одной из двух гостиных у княгини, которая разливала чай, .. мужчины пока... отправлялись в кабинет князя курить и разговаривать. Когда бывал какой-нибудь большой певец или музыкант, как г-жа Александрова, примадонна русской оперы, являвшаяся всегда, когда была свободна, мы проходили в смежный обширный зал, наполненный книгами, между гостиною и кабинетом, где находились два фортепиано, орган

и коллекция музыкальных инструментов. Там я встретил Берлиоза и других иностранных музыкантов, и однажды слышал русского композитора Серова... Здесь я однажды, вечером, встретил графа Льва Толстого, старого знакомого князя...

Евгений Скайлер, Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания, «Р. Ст.», 1890, т. LXVII. с. 632 сл.

В тревоге пестрой и бесплодной
 Большого света и двора
 Ты сохранила взор холодный,
 Простое сердце, ум свободный
 И правды пламень благородный,
 И как дитя была добра,
 Смеялась над толпою вздорной,—
 Судила здраво и светло,
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо набело.

А. Пушкин, 1832 г.

Дружба с Плетневым и Жуковским... свела ее [Россет-Смирнову] с Пушкиным, и скромная фрейлинская келья на 4 этаже Зимнего Дворца сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира... Зная ее дружеские отношения с Пушкиным,.. Николай Павлович нередко через нее получал от Пушкина и передавал ему обратно рукописи его произведений... И, выйдя замуж, Александра Осиповна не прекратила сношений со своими друзьями; напротив, ее гостиная, или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательным центром для всех выдающихся художников, писателей, мыслящих деятелей. Со многими из них она вела обширную переписку.

К. С. Аксаков, Некролог, «Русь», 1882, сентябрь, № 37, с. 10—11.

Она [А. О. Россет-Смирнова] была небольшого роста, брюнетка, с непотухающей искрой остроумия в черных и добрых глазах. Неподражаемы были особенно юмор в ее рассказах

¹ Подлинные записки А. О. Смирновой, находящиеся в Москве, были нам недоступны. Мы вынуждены были пользоваться явно недостоверными записками, изданными ее дочерью. Впоследствии, когда подлинник будет опубликован, главу о салоне А. О. Смирновой придется пересмотреть. Публикации В. Каллаша, М. Цявловского и др. были нами использованы.

и тонкая насмешливая улыбка, когда она шутила. Высокое ее положение в свете и изящество манер не помешали многим находить, что наружностью она походила на красивую молодую цыганку.

А. В. Мецгерский, Воспоминания, «Р. А.», 1901, т. 1, с. 102—103.

Хотя не было в чулках ее [А. О. Смирновой] ни малейшей синей петли, она могла прослыть у некоторых академиком в чепце. Сведения ее были разнообразные, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословское чтение были для нее заманчивы. Профессор духовной академии мог быть не лишним в дамском кабинете ее, как и дипломат, как Пушкин или Гоголь, как гвардейский любезник, молодой лев петербургских салонов. Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские посетители, после урока греческого языка, на котором хотела изучить восточное богослужение и святых отцов. Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом, о петербургских сплетнях, не без некоторого оттенка дозволенного и всегда остроумного злословия, с приятельницею, или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т. е. по-английски *flirtation*, или отношениями, как говорилось в то время в нашем кружке.

П. А. Вяземский, Соч., т. VIII, с. 234—235.

Не за пышные плечи,
Не за черный ваш глаз,
А за умные речи
Обожаю я вас.
По глазам вы плутовка,
По душе вы — дитя,
Мне влюбляться будь ловко,
В вас влюбился бы я.
Что ж сказать мне о муже?
Похвалить, так солжешь;
А глупее и хуже
С фонарем не найдешь.

С. Соболевский, Эпиграммы и экспромпты, М., 1912, с. 68.

* Среди ее знакомых почти все современные ей писатели; они приходят иногда в ее салон — на 4-й этаж Зимнего Дворца — в те вечера, когда хозяйка свободна от дежурств; составляется тесный кружок с «арзамасцами»; в центре тут и Пушкин, арзамасский «Сверчок», сверкающий умом и остроумием, и меланхолический князь Вяземский, юморист Мятлев и Жуковский. . . Одоевский, Хомяков, ректор Плетнев; иногда приходит друг Пушкина, Соболевский, заходит кое-кто из фрейлин, подруг хозяйки, несколько меценатствующих царедворцев, вроде гр. М. Виельгорского. Здесь ведутся умные беседы на политические (конечно, не русские) и литературные злобы дня, иногда устраиваются литературные вечера, поэты читают свои произведения, хозяйка критикует или хвалит, авторы галантно льстят, превознося ее вкус и тонкость замечаний, посвящают ей то шуточные, то страстные экспромты; сам царь иногда приходит на эти беседы и чтения, «милостиво разговаривает» с гостями, даже с сугубо подцензурным Пушкиным.

Н. Александров, А. О. Смирнова, Истор.-лит. сборник. Посв. В. Срезневскому, Л., 1924, с. 311.

Я представила «хохла» [Гоголя] вел. кн. Михаилу; он был очень любезен и доволен вечером. Гоголь читал «Майскую ночь» . . . Говорили о Малороссии, о гетманах. У Пушкина были целые взрывы остроумия.

А. О. Смирнова, Записки, СПб., 1895, т. I, 49.

Императрица спросила меня: будут ли у меня сегодня вечером мои поэты? Я ответила, что у меня назначено чтение на понедельник и что они придут после вечера у ее величества. Государь высказал желание притти . . . Он, действительно, пришел. Все мои гости были в сборе . . . Сверчок был очень в духе: Асмодей — весел, добрый Жуковский — счастлив, Вьельгорский болтал for a wander. Вел. князь был забавен.

Государь говорил о старых русских слугах и о стихах, где Пушкин упоминает о своей бабушке и старой няне. Государь попросил Пушкина прочесть их. Он прочел и, разумеется, очень плохо, по своей привычке, в галоп.

Иб., с. 50.

Гоголь приходил читать Миргород. Над Пульхерией Ивановной плакали. Потом Сверчок... смеялся... Он рассказывал нам о Кишиневе, о цыганском таборе, об Одессе и о своих милых восторженных соседках-псковитянках. Жуковский спросил его, за сколькими провинциальными барышнями он там ухаживал. Сверчок прочел нам очаровательные стихи, написанные для м-ме Керн; он хочет, чтобы Глинка положил их на музыку. Гоголь сказал Плетневу, что думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну. Жуковский рассказывал нам о детстве и о своих путешествиях.

... Вяземский говорил о Вейсгауптских иллюминатах, о Кернере, о друге м-ме Крюднер, и о Превортской ясновидящей [пациентке д-ра Кернера]. Вел. князь говорил о ложах, основанных одним шотландцем Кейтом, говорил о мартинисте Новикове, который был розенкрейцером; он был другом гр. Сперанского. ... Рассказывали анекдоты насчет ссоры Дашковой с Нарышкиными...

ib., с. 51—52.

У меня опять был литературный вечер. Собрался весь обычный кружок... Жуковский передал нам скандинавские легенды, которые он узнал от известного принца Оскара; принц занимается поэзией не меньше, чем музыкой.

ib., с. 53.

У меня был вечер: весь мой кружок и вел. князь. Гоголь прочел нам оригинальную малороссийскую повесть «Сорочинская ярмарка». Пушкин читал стихи, но так дурно, что я попросила дать их прочесть Плетневу. Стихи к Филарету очень хороши, а «Поэт» очаровал меня. Мы были совсем растроганы, когда Плетнев перечел их... Жуковский принес поэму Языкова, посвященную Т. Д. Кажется, молодой человек очень часто бывает в Москве в обществе цыган. Пушкин рассказывает нам про свои поездки в табор, с Нащокиным и Языковым...

ib., с. 107.

Мы беседовали вчера о вопросах религиозных и философских. Александр Тургенев вернулся из Парижа и говорил нам о Ламенне. Пушкин называет Тургенева апостолом Банштетена и Шатобриана в России. Иногда он [Тургенев]

несколько завирается, особенно после того, как повидается с парижскими светилами. Совершенно неожиданно он объявил нам: «Я искал бога везде! Искал его в пустынях и в горах, на краю пропасти...» Пушкин от души расхохотался и сказал мне: «Не верьте ему; ничего он не искал и ничего не нашел на краю пропасти. Он прочел сегодня страницу Шатобриана и позавтракал с Банштетеном, который живет в Швейцарии».

Ив., с. 139 — 140.

Шел дождь, и мне нельзя было показать Пушкиных (это было уже после свадьбы). После чтения Сверчок показал мне свои проекты драм; он много написал в Болдине, где его задержала холера... Он прочел мне «Пир во время чумы...» Монолог «Скупого рыцаря» — *chef d'oeuvre* по оригинальности... Перечитал он мне «Моцарта и Сальери». Он предполагал написать на этот сюжет целую драму, но потом бросил ее для Каменного Гостя... Жуковский принес мне своего «Царя Берендея», а Пушкин «Царя Салтана», и то и другое очень удачно. Пушкин читал мне сказки в прозе, которые рассказывала ему его няня Арина; особенно хороша сказка о «Золотой рыбке»; она безукоризненна... Вчера он поднес мне повести Белкина.

Ив., с. 184.

Когда кончилась партия в билиард, они все [гости] возвратились в гостиную, и Гоголь начал читать с перерывами для чая и для ужина после двенадцати... Пушкин говорил во время роздыха: «Это эпопея, в которой можно было бы найти материал для прекрасной драмы. Акт первый: приезд сыновей и прощанье с матерью, две прелестные сцены по представляемому ими контрасту радости и горя. Акт второй: любовные сцены между Андреем и его хорошенькой полячкой, гнев Тараса, негодование и горе Остапа. Акт третий: совет у казаков. Акт четвертый: пытка Остапа и сцена, посвященная Андрею и его польской Джульетте. Пятый акт составить трудно, так как невозможно изобразить на сцене ряд убийств; следовало бы сделать его коротким, изобразив Тараса, возвещающего о катастрофе жене своей и бунтующего Сечу своей речью, сказанною в чисто казацком духе». Гоголь слушал его и казался счастливым.

Ив., с. 235 — 236.

Пушкин приказал хохлу, всегда неподатливому, когда он должен читать, принести рукопись начала его нового романа «Мертвые души». Пока он читал, Пушкин по своей привычке ходил взад и вперед по комнате. Наконец, он остановился перед Гоголем, положил ему обе руки на плечи, долго смотрел на него и сказал ему: «Умница!», затем поцеловал его в лоб, в знак одобрения. Потом он снова заходил по комнате, подошел ко мне и сказал: «Невеселая штука — Россия!» Над некоторыми сценами он от всей души хохотал, потом сделался чрезвычайно задумчив и, наконец, сказал Жуковскому: «А маленький-то хохол, каков?» [Потом Пушкин просил Смирнову защитить Чичикова от цензурных урезок.]

Иб., с. 313.

Вечером я рассказала его величеству, что Сверчок дал Гоголю сюжет для комедии: какой-то игрок приезжает в провинцию, и его принимают за важное лицо; эта история не выдуманная. Государь был очень весел и разговорчив...

Иб., с. 37.

[Чтение Ревизора]. Плетнев думает, что цензура кое-что повырежет. Вяземский и Вьельгорский говорят, что *Клика Знаменитостей* [Булгарин и Брамбеус] сделает все на свете, чтоб повести интригу против Ревизора и что сами актеры скорчат гримасу, так как их приучили к тирадам Кукольника. [Далее рассказывается, что Пушкин просил Смирнову поговорить с Николаем, и она, действительно, говорила. Смирнова якобы прочла Николаю наизусть часть монолога Хлестакова, о котором говорила в первый раз, и, когда дошла до 30 000 курьеров, Николай опять расхохотался, и пьеса была спасена.]

Иб., с. 313 — 317.

Пушкин читал нам «Онегина». Много смеялись над описанием вечера, оно забавно; но всего нельзя будет напечатать. Он отлично изобразил императрицу, «крылатую лилию Лалла-Рук»; это совершенно обрисовывает ее.

Вяземский объявил мне, что с этого вечера будет звать меня «Венерою Невы», а Жуковский *промычал*: «надо заметить, что она особенно соблазнительна, когда бывает в белом; она напоминает мне муху в молоке». Мы смеялись до слез.

Иб., с. 54.

У Жуковского зубы болят, он бранится с Росетти, она выгоняет его из своей комнаты, и он пишет ей арзамасские извинения гекзаметром:

— — чем умолю вас, о Царь мой небесный —

— — — — — прикажете ль? кожу,

Дам содрать с моего благородного тела вам на калоши,

— — — прикажете ль уши

Дам обрезать себе для хлопошек и проч.

Перешлю тебе это чисто арзамасское произведение.

А. Пушкин, письмо Вяземскому от 3 августа 1831, «Ст. и Нов.», 1907, № 12, с. 326. ¹

¹ Ср. подлинник.

О. царь мой небесный!

Я на все решиться готов.

Прикажете ль, кожу

Дам содрать с моего благородного тела, чтобы спить Вам

Дюжину теплых калошей, дабы гуляя по травке,

Ножек своих замочить не могли Вы. Прикажете ль, уши

Дам отрезать себе, чтоб в летнее время хлопупшкой

Вам усердно служа, положили они дерзновенных

Мух...

Самой оживленной, самой «эклектической», чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиной, была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к Петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельдмаршал, выдвинуло их на первое место; у Кутузова было 5 дочерей: старшая, вышедшая за Матвея Толстого, вторая замужем сперва за графом Тизенгаузенем, от которого имела двух дочерей: известную красавицу графиню Фикельмонт, жену австрийского посла при российском дворе, и фрейлину, графиню Екатерину Федоровну Тизенгаузен, потом камерфрейлину, вышедшую за Хитрово; третья в замужестве за Опочининым, четвертая за татарским или грузинским князем Кудашевым и пятая за другим Хитрово. Самую из них известную и самую привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не смогла назвать избранником, что в те времена было большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть; г-жа Хитрово останавливала его: «Нет, не садитесь на это кресло — это Пушкина, — говорила она, — нет, не на диван — это место Жуковского, нет, не на этот стул — это стул

Гоголя — садитесь ко мне на кровать; это место всех! (Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde.)

В. А. Солмоуб, Воспоминания, Пб., 1887, с. 132 — 133.

Вот еще любезная личность, которой миновать не может сочувственное воспоминание.

В летописях петербургского общежития имя [Хитрово] осталось так же незаменимо, как оно было привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера ее дочери, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в память тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь, европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты, как у Афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в этих двух салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского и аглийского оратора и кончая романом или драматическим твореньем одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут и обозрение текущих событий, был и *premier Pétersbourg* с суждениями своими, а иногда и с осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, эта всемирная, изустаная, разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах. Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений. Это был мирный обмен менений, воззрений, оценок, система *free trade*, приложенная к разговору. Не то, что в других обществах, в которых задирчиво и стеснительно господствует запретительная система.

П. А. Вяземский, Соч., т. VIII, с. 493 сл.

Их [Фикельмонтов] салон был... Европейско-Русский. В нем и дипломаты и Пушкин были дома.

Ив., т. VII, с. 226.

Два дня тому назад мы провели восхитительный вечер у австрийского посланника [Фикельмонта]; этот вечер напомнил мне интимнейшие парижские салоны. Образовался маленький кружок, состоявший из [французского посла] Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского посла [Либермана] и Вашего покорного слуги. Мы беседовали (causions), что бывает довольно редко, по нынешним временам. Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса, так как Барант рассказывал пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он читал. Вяземский со своей стороны отпускал словечки, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины . . .

А. И. Тургенев, Письмо А. Я. Булгакову, от 9 января 1887, «Моск. Пушкинист», М., 1927, I, с. 34 — 35.

Сейчас я уезжаю в Царское Село, с искренним сожалением, что не могу провести вечер у Вас . . .

А. С. Пушкин, Письмо Е. М. Хитрово (около 25 мая 1831 г.). «Письма Пушкина к Хитрово», Л., 1927, с. 114.

L'ambassadrice a été enchantée d'avoir fait votre connaissance et je propose d'en profiter.¹

П. А. Вяземский, Письмо Н. И. Козлову,² «Р. А.», 1886, I, 184.

¹ Перевод: Посланица [гр. Фикельмонт] в восторге от знакомства с вами, и я предлагаю этим не пренебрегать.

² Ср. стихотворения И. И. Козлова «Графине Фикельмон» и «Дочери графини Фикельмон» (II, 1906, с. 173 и 178).

I

Я должен сказать, что редко кого в жизни так горячо любил, как графа Михаила Юрьевича Виельгорского, и в начале нашего знакомства... он прежде всех и более всех меня к себе привязал. В их доме приемы разделялись на две совершенно различные стороны. Приемы графини Луизы Карловны отличались самой изысканной светскостью и соединяли в ее роскошных покоях цвет придворного и большого света; у графа же М. Ю. раза два-три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры и начинающие карьеру газетчики (что в те времена было нелегкой задачей), и даже просто всякого рода неизвестные людишки, которыми Виельгорский, как истый барин, никогда не брезгал. Все эти господа приходили на собственный Виельгорского подъезд [на Михайловской площади, дом ныне занимаемый Центр. Библ. Политпросвета], и графиня Виельгорская не только не знала о их присутствии в ее доме, но даже не ведала о существовании многих из них. Часто Виельгорский на некоторое время покидал своих гостей, уезжал во дворец или на какой-нибудь прием одного из посланников или министров, но скоро возвращался, снимал свой мундир, звезды, с особенным удовольствием облакался в бархатный, довольно потертый сюртук и принимался играть на бильярде с каким-нибудь затрапезным Самсоновым.

В. А. Соллогуб, Воспоминания, П., 1887, с. 211 — 212.

Так же как кн. Одоевский, [М. Ю. Виельгорский] не делал никакого отличия между лицами, посещавшими его гостиную; первый сановник и бедный пианист встречались им совершенно одинаково. Музыкальный элемент и преимущественно иностранный преобладал в его доме. Он получал даже от министерства двора известную сумму для покровительства и поддержки иностранных артистов, приезжавших в Петербург. В его гостиной раз в неделю, в назна-

ченный день, можно было встретить всех знаменитых певцов, композиторов, актеров и также светских и придворных дам. Разговор происходил почти исключительно на французском языке. Постоянным посетителем этих вечеров был известный поэт Ф. И. Тютчев, прославившийся также едкостью своего остроумия... Запевалой на вечерах гр. Вельггорского был граф Фредро, племянник польского драматического писателя;... он здесь, как и везде, куда ни являлся, сообщал веселость своими bons-mots, экспромптами, мастерством рассказывать забавные анекдоты... Другим запевалой в доме гр. М. Ю. был его зять, граф В. А. Соллогуб... В доме тестя он был полезен уже тем, что вносил туда русский дух, русскую речь и интерес к русской литературе — интерес, часто отсутствовавший благодаря наплыву иностранцев. Стоило явиться молодому даровитому писателю, гр. Соллогуб не давал ему покоя, пока не привезет его в гостиную гр. Виельгорского; явится ли новое выдающееся произведение, гр. Соллогуб спешил познакомить с ним общество и с этой целью собирал у тестя избранный кружок слушателей... Таким образом читал он, между прочим, комедию Островского «Банкрот» («Свои люди — сочтемся») до появления ее в печати.

А. В. Григорович, Лит. воспоминания, Соч., изд. 1896, т. XII, с. 294—295.

«Приемы Виельгорских имели совершенно другой отпечаток [чем приемы у Юсуповых]; у них редко танцевали, но почти каждую неделю на половине самого графа, т. е. в его отдельном помещении, устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости. Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был один из первых и самых любимых русских меценатов; все этому в нем способствовало: большое состояние, огромные связи, высокое, так сказать, совершенно выходящее из ряда общего, положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец, его блестящее и вместе с тем очень серьезное образование и самый добрый и простой нрав...»

В. Соллогуб, Воспоминания, П., 1887, с. 128.

У Виельгорского постоянно бывали музыкальные вечера, и он сам участвовал в квартетах. Все знаменитые концер-

танты, приезжавшие давать концерты в Петербурге, сперва играли на его музыкальных вечерах, а потом уже давали публичные концерты.

А. Панаева, Воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 121.

Граф сам был большой музыкант и даже композитор. Он страстно любил музыку и собирал у себя лучшие музыкальные силы столицы как из числа дилетантов, так и из профессиональных артистов и певцов. Все заграничные музыкальные знаменитости, перебивавшие в Петербурге, по приезде своем прежде всего являлись к графу, большею частью с рекомендациями от кого-нибудь из его знакомых в музыкальном мире за границей, и все считали за особую честь для себя не только быть принятыми на его музыкальных вечерах, но и принимать в них активное участие.

Помню, что на вечере у графа в первый и единственный раз в жизни я слышал знаменитую певицу г-жу Зонтаг, которая, вышедши тогда уже замуж за посланника, должна была отказать петь в публике. В тот вечер она пела дуэт с зятем графа Виельгорского, графом Вл. Соллогубом, и привела всех в восторг.

Слишком длинен был бы перечень всех музыкальных и вокальных знаменитостей, которых петербургское высшее общество могло слышать на вечерах у графа, чтобы имена их возможно было здесь перечислить.

А. Мещерский, Воспоминания, «Р. А.», 1901, т. I, с. 103—104.

Дом [Виельгорского] в Петербурге являлся центром всего музыкального движения. У него в доме начали свое музыкальное поприще тогда еще совсем юные Антон и Николай Рубинштейны. Их граф Виельгорский, как говорится, поставил на ноги; и им же был привезен из Италии знаменитый певец Марио...

Н. Е. Комаровский, Записки, М., 1912, с. 47—48.

Летом 1834 г. графы Вьельгорские наняли на островах Кочубееву дачу... Балкон дачи выходил на усаженное березами шоссе, которое вело от Каменноостровского моста вдоль реки к Елагину. Здесь я увидел картину, выступавшую из

пределов действительности и возможную только в Обероне Виланда. Блулов доставил нам оранжированный (sic!) для фортепьяно отрывок из оперы «Гугеноты», тогда еще неизвестной. Графы созвали комитет из своих музыкальных друзей, чтобы познакомить их с этой оперой. Пришел и Нессельроде и был так оживлен и молод, что даже участвовал в хорах. Маленькое общество было очень весело; в среде его господствовала совершенная простота...

[Ленин], Приключения ЛиФландца в Петербурге, «Р. А.», 1878, т. I, с. 454.

II

У меня по вечерам собирались самые разнородные гости: в комнате, находившейся за моим кабинетом и прозванной мною «зверинцем», так как в ней помещались люди, не решавшиеся не только сидеть в гостиной, но даже входить в мой кабинет, куда, однако, дамы редко заглядывали, — в этой комнате можно было видеть сидящих рядом на низеньком диванчике председателя государственного совета графа Блулова и г. Сахарова, одного из ценнейших и ученнейших в России людей.

В. А. Соллоуб, Воспоминания, П., 1887, с. 214 — 215.

Он [Ф. И. Тютчев] был одним из усерднейших посетителей моих вечеров; он сидел в гостиной на диване, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мне случалось на моем веку разговаривать и слушать знаменитых рассказчиков, но ни один из них не производил на меня такого чарующего впечатления, как Тютчев... У меня в то время собирались все тузы русской литературы. Я уже называл Тютчева, Вяземского и Гоголя; кроме них, часто посещал меня добрейший и всеми любимый князь Одоевский, Некрасов, Панаев, которого повести были в большой моде в то время, Бенедиктов, Писемский. Изредка в зверинце появлялась высокая фигура молодого Тургенева; сухопарый и юркий Григорович был у нас в доме как свой, также и Болеслав Маркевич. Один, всего один раз, мне удалось затащить к себе Достоевского...

Иб., с. 216 — 217.

Кроме моих братьев и других артистов, у меня бывало на вечерах множество людей сановных, придворных и светских;

их привлекало, во-первых, то, что они могли вблизи посмотреть на это в те времена диковинное явление «русских литераторов», им по их воспитанию на иностранный лад совершенно чуждое, но в особенности потому, что я устроил эти вечера единственно в виду того, чтобы собирать у себя именно этих писателей, живописцев, музыкантов, издателей тогдашних газет и журналов и вообще людей, близко связанных и с иностранным искусством, и потому несколько не желал, чтобы люди чисто светские бывали на этих вечерах.

Ив., с. 218.

Упомянув некоторые из имен лиц, посещавших мои вечера, я забыл назвать двух моих близких приятелей: известного всему Петербургу комического писателя польского происхождения, графа Фредро, и не менее его любимого всеми пианиста Лёви, одно имя которого объясняет его происхождение.

Ив., с. 220.

Ровно в полночь у меня в столовой подавался ужин, состоявший из *одного* кушанья, какого-нибудь гомерических размеров ростбифа или 2-3 зажаренных индеек; они запивались простым красным столовым вином. Гости мои, наговорившись досыта, кушали с большим аппетитом. После ужина все разъезжались до следующего вечера.

Ив., с. 220.

Общество, собиравшееся в салоне графа, было крайне смешанное, здесь были и литераторы, артисты, музыканты, художники, здесь же присутствовали и представители высшего аристократического общества. Вечера эти всегда были очень оживленные, и Соллогуб умел придавать им весьма разнообразный и интересный характер, пользуясь разнообразным элементом, составлявшим его общество. Кроме чтения, пения и музыки, которое без исключения всем доставляло истинное удовольствие, он придумывал разные сюрпризы, еще более оживлявшие вечера и придававшие им особенную прелесть; так, например, однажды после продолжительного чтения и затем целого отделения концерта в огромном камине, находившемся в гостиной графини, был пущен роскошный комнатный фейерверк с изумительно художественно

скомбинированными фигурами. Не было более или менее выдающегося лица, прославившегося чем бы то ни было, которое миновало бы дом Владимира Александровича. Так, раз в числе его гостей очутился знаменитый фокусник Герман, слава о котором в то время достигла необычайного размера, и он вскоре по приезде был приглашен императором в Зимний дворец... Из артистов бывали также у графа знаменитый музыкант на корнете и веселый собеседник на ужинах, Вилье; Варламов играл и пел свои романсы. Пели и играли также и другие оперные певцы, драматические актеры читали отрывки из своих ролей. Рассказывались анекдоты в лицах, и чем далее, тем более оживлялся вечер и заканчивался великолепным ужином.

*П. Соколов, Воспоминания, «Ш. В.»,
1910, № 8, с. 412—413.*

ПЕТЕРБУРГ

Общество отделило графиню Ростопчину от грациозных трутней, которые были способны только кокетничать, танцевать, без умолку лепетать по-французски всякий вздор: ее стали называть «писательницей». В ее салон заглядывали прямо с литературными целями и настроением, прямо выслушать какое-нибудь новое ее произведение: Жуковский, Пушкин, Плетнев, Тургенев, Григорович, Дружинин, Соллогуб... Показывался там временами и бирюк — Гоголь, Лермонтов написал ей (сделав, как нарочно, такую же ошибку в языке, какими полны стихотворения графини и каких никто не чувствует):

Я верю: под одной звездю
Мы с вами были рождены,
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны...

Н. В. Берг, Гр. Ростопчина в Москве,
•М. В., 1893, № 3, с. 692.

От зимы с 1836 г. на 1837 г. сохранились в моей памяти неизгладимые воспоминания о происходивших нередко у Ростопчиных обедах, на которые собирались Жуковский, Пушкин, кн. Вяземский, А. И. Тургенев, князь Одоевский, Плетнев, графы Виельгорские, Мятлев, Соболевский, граф В. Соллогуб и еще некоторые другие лица, принадлежавшие по своим близким связям к этому высоко-интеллигентному и даровитому кружку; легко себе представить всю увлекательную прелесть и занимательность этих приятельских и задушевных собраний; я всегда спешил на эти обворожительные обеды как на величайший для меня праздник. Все эти наши литературные знаменитости относились с искренним, теплым сочувствием и лестными похвалами к молодой талантливой писательнице, которая с своей стороны платила должной данью уважения их высоким дарованиям.

С. П. Сушков, Биографический очерк
Е. П. Ростопчиной, Соч. Е. П. Ростопчиной,
СПБ., 1890, т. I, с. XII.

У Ростопчиной при Вяземском, Самарине и Толстом [Американце] разговорились о духе, в котором написаны ваши «Мертвые души», и Толстой сделал замечание, что вы всех русских представили в отвратительном виде, тогда как всем малороссиянам дали вы что-то вселяющее участие, несмотря на смешные стороны их; что даже и смешные стороны имеют что-то наивно приятное; что у вас нет ни одного хохла такого подлого, как Ноздрев; что Коробочка не гадка потому именно, что она хохлячка. Он, Толстой, видит даже невольное вырвавшееся небратство в том, что, когда разговаривают два мужика, и вы говорите: «два русских мужика»; Толстой и после него Тютчев, весьма умный человек, тоже заметил, что москвич уже никак бы не сказал: «два русских мужика». Оба говорили, что ваша вся душа хохляцкая вылилась в «Тарасе Бульбе», где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа.

А. О. Смирнова, письмо Н. В. Гоголю от 3 ноября 1844 г., «Р. Ст.», 1888, № 10, с. 132 — 133.

М о с к в а

Ростопчины, рассчитывая поселиться в Москве прочно, купили на Садовой... известный всей Москве дом Небольсиных, лежавший глубоко во дворе, с примыкавшим к нему довольно большим садом, дом обширный, поместительный, но всего в два этажа. Графиня поселилась внизу, отделав по своему вкусу амфиладу пяти-шести комнат, где расставлена была, по ее же вкусу, старая петербургская ее мебель: изящные диваны, кушетки, кресла, стулья, козетки разных величин и форм — по стенам, налево от входных дверей, и посредине. Маленькие шкапчики, столики, шифоньерки, полки и полочки с дорогим старинным фарфором, по стенам, направо, у окон. Комната с камином и будуар графини были отделаны с большим вниманием, чем прочие. В будуаре можно было засмотреться на разные предметы роскоши, туалетные безделушки, пахнувшие сотнями и тысячами. Весьма ценная рояль (на которой в Петербурге игравали знаменитейшие виртуозы Европы) помещалась в одной из комнат, ближайших к выходу. Разумеется, везде были постланы богатые ковры.

Н. В. Берг, Гр. Ростопчина в Москве, «Н. В.», 1893, № 3, с. 605.

В Москве она жила на широкую ногу в своем прекрасном доме на Садовой, где и собирались у нее по четвергам.¹ Ее талант, красота, приветливость и хлебосольство влекли к ней и подкупали в ее пользу всех, а вдали, как в тумане, мерцал над нею ореол мученичества, испытанного, как говорили, в III отделении за ходившее по рукам стихотворение «Насильственный брак». Небольшого роста, необыкновенно стройная для своих 35 лет, с хорошо развитым бюстом, здоровым румянцем... с большими, почти на выкате, чрезвычайно умными, черными глазами, подвижная, всегда как бы в лихорадке, графиня была действительно увлекательна и соблазнительна. В мнениях своих она была, так сказать, космополитка, и потому у нее собирались люди всевозможных лагерей и профессий. На ее вечерах было чрезвычайно оживленно и весело; вечера всегда кончались отличным ужином с тонкими винами.

Д. М. Погодин, Воспоминания, «И. В.», 1892, № 4, с. 52.

[На чтении Островского комедии «Банкрот»² на вечере у М. П. Погодина] графиня [Е. П. Ростопчина] говорила с автором Банкрута более, чем с кем-нибудь, и просила его быть у нее по субботам вечером. Такие же приглашения получили и еще несколько лиц, бывших тогда у Погодина, и сам Погодин. Так возникли «субботы Ростопчиной», сначала посещаемые весьма небольшим кружком литераторов и артистов, но потом стало являться их больше и больше, как местных, так и приезжих. Завязь кружка составляли: Островский, Мей, Филиппов, Эдельсон, до некоторой степени скульптор Рамазанов; артисты сцены: Щепкин и Самарин. Кое-когда заглядывали: писатель прежних времен Н. Ф. Павлов, С. А. Соболевский... натуралист Северцов, ученый, несносный оригинал... Из петербургских писателей и артистов мелькали: Григорович, Тургенев, Майков...

Н. В. Берг, Гр. Ростопчина в Москве, «И. В.», 1893, № 3, с. 701—702.

¹ Неверно — по субботам.

² Комедия А. Н. Островского «Банкрот», или «Банкрот», была по настоянию цензуры переименована в «Свои люди — сочтемся».

Ее [Ростоичину] в ее субботы усердно посещала так называемая молодая редакция «Москвитянина»: Ап. Григорьев, Эдельсон, Ф[илищов], Мей и др.; во главе их находился восходившее тогда драматическое светило, гордость наших театров, Александр Николаевич Островский, уже написавший своего «Банкрота», не пропущенного цензурой и лишь позже явившегося на сцене, под названием «Свои люди — сочтемся»... Из артистов бывали: Лешетичский, известный Бауэр и другие, а из красных ¹ Н. А. Северцев, знаменитый орнитолог, замечательный также и своею внешностью: всегда косматый, нечесанный, в одежде, доходившей до неряшества, угрюмый, кусавший постоянно ногти, он молча здоровался с хозяйкой, держа подмышкой объемистый альбом; так же молча, ни слова не говоря, развертывал он альбом, усаживался около ламп и принимался рисовать преимущественно птиц.

Д. М. Погодин, Воспоминания, «И. В.», 1892, № 4, с. 52 — 53.

На самом деле эти вечера... заключали в себе очень немного литературных элементов: пили чай, изредка ужинали и болтали о разных разностях: о замечательных спектаклях, о жизни выдающихся чем-нибудь русских и иностранцев (так, Григорович рассказал однажды весьма игривую историю из заграничных походов известного богача Анатолия Демидова); о светских интригах и романах прежнего и настоящего времени. Зацепляли иногда и литературные приключения. Были случаи, когда кто-нибудь рассказывал свое чем-нибудь замечательное прошлое. Такие рассказы Щепкина были всегда чрезвычайно занимательны, да и рассказывал он превосходно, как бы читал по книге. Многое, впрочем, рассказывал он сотый раз. Литературные чтения устраивались очень редко. Они состояли обыкновенно из новых произведений самой хозяйки, большею частью длинных-предлинных романов и драм, наводивших на слушателей непомерную скуку. Графиня была в этом случае беспощадна: прослушай непременно все, а не отрывок! Авторское самолюбие, предположение, что все, что она напишет —

¹ Так назывались тогда крайние либералы, позднее воплощенные И. С. Тургеневым в «нигилисте» Базарове.

занимательно, мешали ей видеть, как иные во время ее чтений зевают...

Н. В. Берг, Гр. Ростопчина в Москве,
«И. В.», 1893, № 3, с. 703.

[19 ноября 1855]. Вечер у гр. Ростопчиной. Она читала свою новую драму. Довольно-таки скучна. Тут было несколько княгинь, графинь, князь Вяземский, Тютчев, Плетнев, кн. Одоевский. Я возвратился домой в два часа ночи. Графиня очень аристократична, нападала на низшие сословия, восхваляла высшее дворянство. Тютчев ей умно возражал. Мне, плебею, ничего не оставалось, как молчать,— и я молчал. Да и что стал бы я говорить болтунье, которая только саму себя слушает.

А. В. Никитенко, Записки и Дневник
СПБ., 1893, т. II, с. 24—25.

По смерти моей матери¹ все футляры оказались пустыми. Драгоценности были заложены в ломбарде, а деньги розданы московским литераторам, которые позднее смеялись над сочинениями и над *субботными собраниями* той, у которой они заискивали приглашения! Я глубоко страдала от этой неблагодарности, и если с намерением забыла имена, то эти факты навсегда запечатлелись в моей памяти.

Л. Ростопчина, Семейная хроника, М.,
1912, с. 161.

Если вы только станете перелистывать эти два томика,² то они возобновят в вас все силы молодости и воображения, они напоят вас вашими собственными воспоминаниями, так часто педшими об руку с моими! Наши общие друзья воскреснут перед вами; ваши субботы, мои обеды... все оживет, заговорит, запоет перед вами дивную страстную животворную песнь старины.

Е. П. Ростопчина, Письмо В. Ф. Одоевскому от 4 февраля 1858 г. «Р.А.» 1864,
с. 848 сл.

¹ Е. П. Ростопчина умерла в 1858 г.

² Речь идет о втором издании «Стихотворений гр. Ростопчиной», СПБ. 1854 (печаталось в Лейпциге).

ВЕЧЕРА

Субботы (1818 г.)

* Когда... А. А. Плещеев переехал в Петербург, то поэт [В. А. Жуковский] устроился с ним, возложив на него холостое хозяйство свое, и потому называл его женою своей. Они поселились у Кашина моста за каналом, в угольном доме. Сюда по субботам собирались вечером к Жуковскому литераторы; Арзамас, видимо, продолжал существовать на этих субботах Жуковского.

П. Захарин [Л. Поливанов], В. А. Жуковский и его произведения, М., 1883, с. 208.

В эпоху, о которой здесь говорится [десятые годы] представители русской литературы жили уже в С.-Петербурге. Карамзин готовил к печатанью первое издание бессмертного своего труда, уделяя только вечера свои обществу собиравшихся у него государственных людей и тех литераторов, которые искусство любили по призванию. Подобное собрание являлось каждую субботу у Жуковского. Крылов, Гнедич, Батюшков и несколько других писателей... дружески беседовали о том, что могло служить к совершенствованию занимавшего их искусства, создавая в его достоинстве и успехах славу и пользу общественную.

П. А. Плетнев, Евг. Абр. Баратынский, 1844, Собр. соч., СПб., 1885, т. I, с. 547.

* Батюшков, проездом в Неаполь, находился в Петербурге и слышал первые песни «Руслана и Людмилы» на вечерах у Жуковского, где они обыкновенно прочитывались. Известно, что после чтения последней из них Жуковский подарил автору свой портрет, украшенный надписью: «ученику от победленного учителя».

П. Анненков, Материалы для биографии Пушкина, с. 50.

У Жуковского субботы, и стекается множество празднующихся авторов и литераторов; Плетнев читает, и в

знак соединения российской образованности с иностранною пьется пушш и льется шампанское.

А. Туринев, Письма П. А. Вяземскому, 2 октября 1818, «Ост. Арх.», 1, с. 126.

Пятницы (1830 и сл. г.)

«Вчера Жуковский сделал вечер, как я уже писал к вам; были все, кого он хотел звать, выключая Гнедича, место которого заступил Василий Перовский, и, следовательно, число 12 не расстроилось. Жуковский боялся, говоря, что он не хочет, чтоб на моем прощальном вечере было несчастное число. Чтобы дать вам понять о Крылове, лучше всего повторить то, что говорит об нем Жуковский, т. е. что это славная виньетка для его басен: толстый, пузатый, седой, чернобровый, кругломордый, старинный, в каждом движении, больше смешной, чем острый.

И. В. Киреевский, Письмо от 17 января 1830, Собр. соч., т. I, с. 19.

Особенно я любил В. А. Жуковского, который ко мне был очень расположен, вероятно, вследствие того, что друг его, Авд. Петр. Елагина меня ему особенно рекомендовала... По вечерам я встречал у него Крылова, Пушкина, бар. Дельвига и других, беседы были замечательны по простоте и сердечности.

А. Кошелев, Записки, с. 31.

Раевский будет у меня нынче ввечеру. Будь и ты, привези брата Льва и стихи или хоть прозу, если боишься Раевского. Порастреплем Пугачева. Собрание открывается в 9 часов.

В. А. Жуковский, Записка Пушкину. Февраль — март 1834, Переписка т, III, с. 79.

...Я постоянно посещал вечера В. А. Жуковского. Он жил в Зимнем Дворце, и у него еженедельно собиралось избранное общество, состоявшее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному. Назову здесь некоторых: А. С. Пушкин, кн. Вяземский, Гоголь, Плетнев были постоянными посетителями. Гоголь при мне читал свою «Женитьбу». Князь Одоевский, Виельгорский и другие бывали тоже нередко.

М. Глинка, Записки, СПб., 1887, с. 100.

Я помню, что он [Гоголь] читал ее [Женитьбу] однажды у Жуковского в одну из тех пятниц, где собиралось общество (тогда немалочисленное) русских литературных, ученых и артистических знаменитостей.

В. А. Соллочуб, Воспоминания. Новые сведения о предсмертном поединке А. С. Пушкина, М., 1866, с. 17.

* [Гоголь] постоянно бывал на известных субботних¹ вечерах у Жуковского, где встречал Пушкина, Крылова, Гнедича и графа М. Ю. Виельгорского... Со всеми членами Пушкинского и других близких к нему литературных кружков Гоголь был вообще в довольно коротких, хотя часто и поверхностных отношениях.

В. Шенрок, Материалы для биографии Гоголя, т. II, М., 1893, с. 154.

¹ Неверно — пятничных.

Es ist... falsch, dass ich einigemal in der Woche Soiréen, Concerte und Theatervorstellungen gebe, wo ich meine Clientel versammle und die Ausländer, Reisende und dergl. streichele, um durch sie meinen Namen und Nimbus in die Welt verbreiten zu lassen. ¹

N. Gretsck, König und seine Lügen, Hamburg, 1840, S. 61.

Круглым счетом можно сказать, что в 9¹/₂ лет я был на трехстах четвергах, за исключением каких-либо экстренных случаев, летних месяцев, когда у Греча больших сборищ не бывало, а только несколько человек из наиболее интимных знакомых сидели в саду с его семьею за большим чайным столом.

В. Бурнашев], Из воспоминаний петербургского старожила, П. Четверги у Н. И. Греча, «Заря», 1871, т. IV, с. 28. ²

В те времена все журнальные сотрудники были всегда близки к своему принципалу, а сотрудники Греча в особенности группировались более или менее тесно вокруг него и его семьи.

Ив., с. 3.

Кстати здесь сказать, что не одна Бельвиль-Ури (пианистка), впоследствии сблизившаяся с домом Греча, где почти жила, но все приезжавшие в Петербург артисты: певцы, музыканты, декламаторы, вантрилоки, фокусники и пр., даже

¹ Это... неверно, что я даю несколько раз в неделю вечера, концерты и спектакли, где я собираю моих сотрудников и льщу иностранцам, путешественникам и т. п., чтобы с их помощью добиться популярности. Poleмическая брошюра Н. И. Греча относится к фактам совершенно формально. В 1840 г. у Греча действительно не было вечеров, но они регулярно происходили раньше, вплоть до 1837 г.

² В «четвергах Греча» и следующих за ними «пятницах Воейкова» нами использованы не всегда точные воспоминания В. П. Бурнашева. Как нам известно, готовится критическое издание воспоминаний В. П. Бурнашева Ю. Г. Оксман. Выход в свет этого издания внесет необходимые коррективы в приведенный нами материал.

такие артисты, как заговариватели змей и хозяин ученой собачки Мунито, непременно являлись в гостиную Греча и показывали здесь свое искусство, — частно по воскресеньям, когда Гречъ был en famille, и публично по четвергам, когда залы Гречева дома наполнялись множеством гостей.

Ив., с. 9—10.

В этой-то зале с библиотечными шкафами, где сто или полтора человека помещались легко и без малейшей тесноты, происходили все литературные четверговые сходки, продолжавшиеся с 7 до 12, а иногда и дольше.

Ив., с. 13.

Первый четверг у Греча был открыт, помнится, балом, на который собралось не мало молодежи, потому что в то время молодежь еще не считала, как ныне, танцы унижительными для себя и нисколько не обижалась, когда ее приглашали на танцевальные вечера и на балы. Царицею первого Гречева четверга была его дочь Софья Николаевна, тогда молоденькая, довольно хорошенькая девушка, впрочем, с неприятно-холодным выражением лица... Помню еще в числе гостей этого вечера вовсе не танцовавшего и довольно угрюмого полковника гвардейской артиллерии [А. П. Безака], с наспущенными черными бровями, к которому братья Конст. и Ник. Безаки, сам Гречъ, вдова Елизавета Павловна Борн, урожденная Безак и сестра ее Марья Павловна Крыжановская неоднократно приветливо подходили.

Ив., с. 6—7.

В 1823 году познакомился он [Н. А. Полевой] с Н. И. Гречем и с Ф. В. Булгариным и был очарован их обществом, где соединялось все, что только было остроумно-литературного, современного, блестящего в сравнении с тем, что представлял московский литературный мир.

Кс. Полевой, Записки, СПб., 1888, с. 80.

Тут [в кружке Греча] сосредоточивались исключительно молодые силы, беседы были шире, разнообразнее, не о литературе только, но и о вопросах общественных, политических. Это был кружок либералов, из которых многие потом попали в печальный список участников 14-го декабря. Сам хозяин,

после находившийся под опалой правительства за возмущения в Семеновском полку,¹ тогда также выдавал себя за либерала, но кажется, что и тогда уже многие собирались к нему в дом только потому, что здесь, по выражению Михаила Бестужева, был фокус литературных талантов, но, переступив порог дома, никто, по словам того же Бестужева, не оставлял в нем ничего заветного.

А. Н. Сиротинин, К. Ф. Рылеев, «Р. А.», 1890, т. II, с. 143—144.

Вот и Греч — нахал в натуре,
Из чужих лохмотьев спит;
Он цыган в литературе,
А в торговле книжной — жид.

А. Воейков, Дом сумасшедших, «Р. Ст.», 1874, т. IX, с. 592 сл.

У Н. И. Греча я, действительно, бывал изредка, но только по утрам, а его приглашением на четверги не воспользовался более потому, что все молодые литераторы, являвшиеся на эти вечера, всегда почти причислялись в общем мнении к Булгаринской партии. Я же с ранних пор дал себе слово избегать всякой журнальной стачки, не входить ни в какую полемику и не принадлежать ни к какой исключительной литературной партии. Да и вообще я мало водился с записными литераторами, предпочитая им знакомства в обществе, а в особенности небольшой товарищеский круг по университетскому пансиону.

А. И. Подолгинский, Записки, «Р. Арх.», 1872, с. 858 сл.

Прежде чем кончить мой рассказ о Гречевых четвергах, считаю не лишним сказать еще, что в 1836 г. 6 декабря, Николай день, было в четверг и что хотя Гречь и семейство его были лютеране, однако же день этот праздновали по-русски, и Гречь и младший сын его, Николай, считали себя имянинниками. Этот четверг был особенно многолюден, так как во всех залах были расставлены обеденные столы, за которыми

¹ Греч был директором солдатских школ, а эти школы впервые были введены в Семеновском полку.

поместилось до 200 человек. И вообще как-то особенно велико было общее оживление гостей, которые, конечно, никак не предчувствовали, что через месяц один из виновников их веселостей, 17-летний юноша, будет в гробу. Эта потеря младшего сына жестоко потрясла Греча, который был превосходным отцом, и с тех пор истинное, прежнее веселье уже не возвращалось в его дом.

В. Бурнашев, Ид., с. 45.

Я начал знать Александра Федоровича [Воейкова] с 1830 года... Он в то время и до смерти жил в небольшом деревянном и тогда уже ветхом доме, стоявшем в Шестилавочной улице, что нынче Надеждинская, на том самом месте, где теперь высятся красивые палаты Главного управления государственного коннозаводства. Здесь у него по пятницам вечером, около шести часов, так как позже четырех часов тогда никто в Петербурге не обедал, собиралось всегда человек двадцать, преимущественно из пишущей братии, которые тут читали свои произведения, передавали разные сплетни, собираемые в редакциях и особенно в книжных лавках, а подчас выказывали мысли довольно светлые или передавали из своих личных воспоминаний биографические подробности о личностях более или менее известных, даже знаменитых как на поприще государственном, так и литературном.

В. Бурнашев, Мое знакомство с Воейковым в 1830 г. и его пятничные литературные собрания, «Р. В.», 1871, № 9, с. 251.

Вот опять восемь, обращенных на Шестилавочную улицу, окон одноэтажного домика ярко освещены, и наружная дверь часто отворяется, чтобы впускать гостей, большею частью приходящих пешком, отчасти приезжающих на извозчиках, поодиночке или вдвоем, всего же меньше в собственных экипажах.

Входим в знакомые нам довольно уютные комнаты и встречаем почти все то же общество, состоящее преимущественно из пишущей молодой и старой братии, под председательством самого хозяина, неразлучного с своим громадным, черным, неуклюжим париком, с своими очками в золотой оправе, клюкой с грызюмою рукоятью, мефистофельской улыбкой и вальяжным орденом св. Владимира 3-й степени на шее, не снимаемым, статута ради, даже в интимном домашнем быту, что имеет свою порядочную долю странности.

Иб., № 11, с. 143 — 144.

Когда я видел комнаты [где происходили по пятницам собрания] утром, то они носили печать беспорядочности и грязи; но вечером, особенно по пятницам, в ожидании гостей, комнаты, те же самые, были с некоторым тщанием прибраны и сильно освещены многими кенкетами, разумеется, и масляными, потому что в то время, лет за 35 — 40 перед сим [писано в 1871 г.] и понятия не было о керосине, вошедшем у нас в употребление не больше, как каких-нибудь 15, много 20 лет. Кроме кенкетов, горели в канделябрах, расставленных по разным столам, калетовские свечи, начинавшие заменять восковые и сальные. Обоняние по пятницам здесь также не поражалось всеми теми неприятными запахами, какими атмосфера этих самых комнат была наполнена по утрам... По вечерам, и особенно по пятничным вечерам, калмыкообразный казачок, примазанный маслом и поопрятнее одетый, разносил довольно часто по комнатам дымящуюся плиту, на которую то и дело подливал лоделаванд, правда, довольно второстепенного качества; а на всех кафельных печах, белых с синими узорами, расставлены были так называемые «монашенки», курительные свечи на грошах.

ib., с. 399 — 600.

У Воейкова по обыкновению угощали общество в изобилии чаем со сливками или лимоном, или ромом, *ad libitum*, с булочками, сухарями, сайками, калачами и различными хлебными печеньями; часов уже в 10 — 11 подавали горячий и холодный ужин, весьма сносный, с винами ежели не высшего, то порядочного качества. И этот-то ужин способствовал оживлению беседы, причем сыпались рассказы, новости, сплетни, экспромты (немедленно записываемые Воейковым для напечатания их в первом же номере его периодического издания). В то же время иные, подзадориваемые хозяином-угостителем, писали на ломберных столиках, снабженных не колодами карт, а всеми принадлежностями письма, целые статейки в прозе и стихах. В числе таких борзописцев, помню, особенно отличались: барон Розен, Лука Якубович, А. Грен, старик Степан Васильевич Руссов, страшный гонитель Полевого, и некоторые другие.

ib., № 10, с. 603 сл.

У него уже так было заведено, что почти никто из пишущей братии не пил его чая со сливками или лимоном, или ромом,

или красным вином, и не ел его булочных печений, калачей, саяк и ужиных блюд совершенно даром: все что-нибудь да давали, хоть омоним, шараду, энигму, логогриф или тому подобное. К тому же Воейков имел порядочные связи и знакомства, посредством которых очень многим юношам доставлял служебную карьеру более или менее порядочную, и эти юноши отвечали ему массой своих статей, напечатание которых, по их мнению, возносило их прямо на Парнас и на Геликон... К числу таких юношей-дарителей принадлежал один купеческий сынок, владелец каменного дома в три этажа в Караванной, который не только не получал гонорария, но еще за напечатание своих переводных повестей с французского и английского и своих оригинальных стишков прикладывал в пользу редактора разные подарки, вроде ящика бордоского чернослива, вестфальского окорока, фунта рязановских конфет, бурака зернистой икры, пуда сахара в головах и пр. и пр., благо у него была фруктово-колониальная лавка в Круглом рынке. Затем и чествовать любил же Воейков своего щедрого сотрудника, сделавшегося у него чем-то вроде его домашнего секретаря.

Иб., с. 608—609.

Постоянная тетрадь в виде альбома лежала пред Воейковым на маленьком пюпитре, который выдвигался из его огромного вольтеровского кресла. В тетрадь эту он примерно вписывал разного рода новости, сообщаемые гостями. Впрочем, это занятие, т. е. записывание новостей, остроумия и виццов разного рода, разделяли его секретари-волонтеры, которые также имели карманные тетрадки и карандаши в карманах своих фраков и сюртуков. И дело шло как по маслу: агендушки наполнялись, и потом все, что было можно напечатать при существовании строгой предварительной цензуры, печаталось в изданиях Воейкова. Гости так привыкли собирать новости и сыпать свои различные заметки и наблюдения в Воейковской гостиной, что хозяину не было малейшего труда направлять их к этому.

Иб., № 11, с. 147—148.

Воейков к Белинскому, тогда уже проявлявшему зачатки своего замечательного таланта, питал ненависть, если можно, еще сильнейшую, чем к Полевому, Булгарину и Сенков-

скому, и не мог о критиках и разборах его говорить иначе, как со свойственным ему желчным остервенением, заходящим за пределы не только умеренности и приличий, но даже здравого смысла. В этот вечер как нарочно шел между гостями Воейкова довольно оживленный разговор о Белинском и его партизанских литературных «наскоках», как иные называли резкий способ рецензирования, какой в те патриархально-идиллические времена начинал вводиться, с легкой руки Полевого, в особенности Белинским и тою молодою дружиною, в Москве его окружавшею, которая нанесла окончательный удар педантизму и схоластике в нашей, еще тогда столь молодой литературе. Воейков долго, долго слушал эти разговоры, в которых одни рьяно нападали на новые литературные взгляды и порядки, другие нехотя и с осторожностью старались выставлять хорошие стороны этого нового литературного строя. Воейков все время грыз набалдашник своей клюки и потом, схватив грифельную доску, начал на ней что-то строчить и объявил, что, не принимая участия в разговоре, он становится на сторону противников *вредных* нововведений.

— У меня, господа, — завопил Воейков, — есть эпиграмма о том, каким тоном извоищчьего ухарства хочет, повидимому, блистать современная quasi-критика. Прошу позволения моих любезных гостей прочесть ее.

Разумеется, посыпались просьбы: «Сделайте одолжение!» «Пожалуйста!» «Ради бога!» и пр. Воейков не заставил себя ждать и с аспидной доски прочел следующее, как бы возглашаемое самим Белинским и consorts:

Прочь с презренною толпою,
Цыц, схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен;
Там в безумном упоеньи
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу,
Рифмой бешеной своей
В поэтические плети
Приударят дураков,

И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков.

... Впрочем, хотя Воейков в то время и прочел стихи эти как свои собственные, они ему не принадлежали, а вышли, как слышно, из-под пера одного из даровитейших наших писателей, чуть-ли не князя П. А. Вяземского. Воейков частенько выдавал чужие стихи за свои и в биографии профессоров Московского университета сохранилась одна интересная подробность, а именно что Воейков часто с Мерзляковым игрывал в карты на стихи, забирая у него переводом строф Делилевых «Садов» вместо проигранных им денег.

П., с. 135—136.

Каждую неделю, в известные дни, собиралось все наше общество у Кокошкина, у Шаховского и у меня [у С. Т. Аксакова собирались по субботам].

С. Т. Аксаков, Литературные и театральные воспоминания, «Русск. Бес.», 1858, т. II, с. 77.

Во время наших приятельских обедов и вечеров редко обходилось дело без карт; но сначала обыкновенно что-нибудь читали или слушали музыку. Иногда Писарев читал свои стихи, которых, впрочем, он стал писать гораздо менее... В это время Писарев был особенно занят, по поручению Общества Любителей Русской Словесности, сочинением похвального слова уже несколько лет умершему Калнисту: разумеется, и оно было прочтено нашему ареопагу. Но по большей части читали стихи Шаховского, который, кроме своих театральных сочинений, имел время и несчастную претензию писать патриотические стихотворения... Слушали мы, и с наслаждением, музыку и пение Верстовского. Его «Бедный певец», «Певец во стане русских воинов», «Освальд или три песни» Жуковского и «Приди, о, Спутник молодой» из «Руслана и Людмилы», «Черная шаль» Пушкина и проч. чрезвычайно нравились всем...

Я убедил Загоскина... сочинить либретто для Верстовского, и он... принялся писать оперу «Пан Твардовский»...¹ В «Пане Твардовском» также выведены были цыгане, и также второе действие открывалось цыганским табором, песнями и плясками. Загоскину очень нравилась написанная мною цыганская песня, но поместить ее в своей опере без оговорки ни за что не хотел; оговариваться же, что песня написана другим, ему казалось неловко и странно. Долго он находился в пресмешном раздумьи; наконец, приехал ко мне и сказал:

¹ На своих субботах Аксаков вызвался написать для Верстовского волшебную оперу с цыганами. Он написал первый акт, работал над вторым, но вследствие занятий в Цензурном Комитете опера затянулась. Тогда Аксаков передал ее Загоскину.

«Нет, брат, всей твоей песни ни за что не возьму, а уступи ты мне четыре стиха; но отрекись от них совершенно, позабудь, что ты их написал и никому не сказывай». Я охотно согласился. Вот эти четыре стиха:

Голод, жажду, холод, зной
Иногда мы носим,
Но не чахнем над сохой,
Но не жнем, не косим.¹

Ив., т. III, с. 17—18.

Что ты мне не пишешь: бывают ли у Вас субботы? Где Вы собираетесь? Был ли хоть раз такой вечерок, как в нашу пору? Аксаков при чем теперь?

С. П. Шевырев, Письмо М. П. Погодину от 18/30 октября 1828 г. Рим. Рукописи Дашк. собр. Пушкинского дома.

Но уже не те субботы стали, которые бывали у С. Аксакова. Их трудно узнать по многим причинам. Приезжайте, и снова они процветут. Им надо дать новую жизнь, потревожить многие старые предубеждения и придать эстетической жизни.

Н. А. Мельгунов, Письмо С. П. Шевыреву от 29 сентября 1831 г. Н. А. Белозерская, кв. З. А. Волконская, «И. В.», 1897 № 4, с. 147—148.

По субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров (в 1832 г.), в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты в четверной бостон, а человека три не игравших сидели около стола. В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков. Вдруг Погодин, без всякого предуведомления, вошел в комнату с неизвестным мне очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: «Вот вам Николай Васильевич Гоголь». Эффект был сильный. Я очень сконфузился, сел надевать скюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций... Все мои гости (тут были П. Г. Фролов, М. М. Пинский и М. С. Щепкин — прочих не помню) тоже как-то озадачились и молчали. Прием был не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодин упростили меня продолжать игру, потому что

¹ Загоскин включил в свою известную песню «Мы живем среди полей» только 2 последних стиха.

заменить меня было некому. Скоро однако прибежал Константин [Аксаков], бросился к Гоголю и заговорил с ним с большим чувством и пылкостью.

С. Т. Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, «Р. А.», 1890, т. II, с. 5.

Дом Аксаковых с утра до вечера был полон гостями. В столовой ежедневно накрывался длинный и широкий семейный стол, по крайней мере, на 20 кувертов. Хозяева были так просты в обращении со всеми посещавшими их, так бесцеремонны и радушны, что к ним нельзя было не привязаться. Я, по крайней мере, полюбил их всею душою. Между отцом и сыном существовала самая нежнейшая привязанность, обратившаяся впоследствии в несокрушимую дружбу, когда отец под влиянием сына постепенно принимал его убеждения, со всеми их крайностями.

Старик Аксаков в последние годы отпустил бороду и ходил в русском кафтане с косою рубашкою, каким он изображен в «Портретной Галерее» г-на Мюнстера...

В доме у Аксаковых я познакомился с Н. Ф. Павловым, его супругою Каролиной Карловною, урожденною Яниш, с М. Н. Загоскиным, который был тогда директором московских театров и с И. Е. Великопольским...

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Академия, Л., 1928, с. 246 — 247.

Снегирев рассказывает, что в Москве существуют два тайных общества; в одном из них начальником проф. Давыдов, в другом Аксаков. Общества сии между собою не имеют явных сношений, иногда даже начальники их показываются в публике враждующимися между собою, тогда как тайная связь их остается постоянною. По замечанию его, они главою своею признают митрополита Филарета и Сперанского... Общество Аксакова под видом любителей литературы; в нем участвуют Павлов, Надеждин и др. Снегирев замечает, что в каждом обществе есть известный издатель журнала, и что каждое общество имеет в числе своих членов держателя типографий, как то было и при заговоре 14 декабря...

Гг. Полевой, книгопродавец Ширияев, держатель Армян-

ской типографии Краузе могут быть употреблены для узнания членов обществ и самой оных цели.

В. П. Барышников, Из бумаг¹ «Р. А.», 1901, № 3, с. 527—528.

Славянофилы никогда не составляли так называемого общества... Они не собирались даже никогда вместе, по чьему бы то ни было приглашению, а только случайно, и по большей части толковали вдвоем или втроем, не имели никогда специальных намерений и никогда не условливались действовать совокупными силами. Они не знали даже вполне, да и не заботились о том, что каждый из них думал, или как судил о том или другом предмете. Между ними господствовала совершенная свобода.

М. П. Полюдин, «Гражданин», 1873, № 11.

В Москве было в то время [1847 г.] два литературных кружка: славянофилы, собиравшиеся у Хомякова, Аксакова (Сергея Тимофеевича), Кошелева, Киреевского, Елагиных и так называемая «Молодая редакция Москвитянина», только что начинавшая формироваться... Славянофилы держались особо, знали почти только друг друга. Молодая редакция «Москвитянина» не брезговала никем.

Н. В. Берг, Гр. Ростовщина в Москве, «И. В.», 1893, № 3, с. 697.

[Кружок славянофилов] составилсЯ не искусственно, не с предварительною какою-либо целью, а естественно, сам собою... Люди, одушевленные одинакими чувствами к науке и к своей стране, движимые потребностью не попугаями повторять, что говорится там, ..где-то на Западе, а мыслить и жить самобытно, и связанные взаимною дружбою и пребываньем в одном и том же городе (Москве), — видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшие вопросы, делили друг с другом и общественные радости (которых было очень мало) и общественное горе (которого было в избытке), и таким образом, незаметно даже для самих участников, составилсЯ кружок единомышленный и единомысленный. Он составилсЯ так незаметно, что

¹ В. П. Барышников служил чиновником особых поручений при Московском генерал-губернаторе Д. В. Голицыне.

нельзя даже приблизительно определить года его зарождения.

А. И. Кошелев, Записки, Берлин, 1884, с. 67—68.

*Первое известие о славянофилах, отозвавшееся весьма заметными последствиями для литературной деятельности, относится к 1852 г. В Петербург было сообщено, что в Москве образовалось с некоторого времени общество славянофилов, цель которого заключается в том, чтобы произвести переворот в русской литературе — не подражать писателям иностранным и для сочинений своих выбирать предметы самобытные и народные. По слухам, которым придана полная вера, общество это первоначально состояло из пятнадцати членов; его составляли следующие лица: Аксаков К. С.,¹ Аксаков И. С., Хомяков А. С., Киреевский, И. В., Кошелев А. И., Соловьев С. М., Чаадаев П. Я., Маслов С. А., кн. Львов В. В., цензор; Армфельд А. О., ст. советник; Ефремов А. П., отставной надворный советник; Свербеев Д. Н., надворный советник; Бестужев С. М., отставной штабс-ротмистр; Драшусова, Е. А.; жена адъюнкта Московского университета; Дмитриев-Мамонов, Э. А., студент университета.

М. И. Сухомятин, Из литературы пятидесятых годов, «И. В.», 1880, т. I, с. 237—238.

¹ Вместо полных имен и отчеств выписываем одни лишь инициалы.

Во время оно я посещал литературные общества. Вы, невинный читатель мой, верно не подозреваете, что у нас в России это самые приятнейшие из всех обществ. Соберутся шесть или семь человек стихотворцев и прозаиков; несколько любителей, офицеров и статских, в том числе один или два артиста. Офицеры — по большей части пехотные и морские, особенно морские: они невообразимые охотники до литературы. Статские все в очках, глубокомысленной наружности. Комната не слишком большая, не слишком маленькая. Все эти господа пускают изо рта страшные тучи дыма и пьют чай в стаканах с лимоном. Литераторы первого разряда и статские в очках курят сигары, литераторы второго разряда и пехотные офицеры — жуковский табак... Облака дыма носятся по комнате и застилают две лампы, и без того довольно тускло горящие. Все физиономии в тумане; дым придает этой картине что-то неопределенное и до слез щиплет глаза. Разговоры чудо как занимательны:

- Тебя разругали в таком-то журнале.
- Да и чорт знает за что, братец! Я ничего *его* не сделал. Он задирает первый.
- А тебя расхвалили?
- Ты счастлив, тебя вечно гладят по головке!
- Твои последние стихи — прелесть, братец!
- Ваша повесть мне очень понравилась.
- По двести рублей за лист. — Сколько мы вчера пили!
- Скажите, кого выставили вы в вашей повести?
- Никого: это лица вымышленные.
- Неужели? а я думал, что вы с кого-нибудь списали...
- Я придерживаюсь напитков слабых, как-то мадеры, портувейна...

В таких разнообразных и поучительных разговорах время проходит незаметно; помотришь на часы — и уж далеко-далеко за полночь.

И. И. Панаев, Белая Горючка. Повесть, «Ст. З.», 1840, № 5, отд. III, с. 12—13.

Кукольник вместе со своим братом Платоном... занимал довольно большую квартиру в Фонарном переулке, в доме Плюшара. Он завел у себя Середы. Плюшар... находился в близких отношениях к Кукольнику, Сенковскому, Булгарину и Гречу. Кукольник также сошелся очень близко с последними.

На этих «Середах» впоследствии (это было уже в начале сороковых годов) собиралось иногда человек до восьмидесяти. Тут не были уже исключительно любители искусства и поклонники литературы, художники и литераторы, а всякого рода весельчаки, военные и штатские, пожилые и молодые — даже игроки, аферисты и спекуляторы. Вся эта разнохарактерная ватага бестолково толпилась и шумела, бродя из комнаты в комнату. Хозяин дома кочевал среди этой толпы и останавливался на минуту перед своими гостями с каким-нибудь любезным словом... На этих середах перебивали все пишущие люди, за исключением немногих писателей-аристократов, принадлежавших к друзьям Пушкина. Середы эти начались уже после смерти Пушкина.

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 72 — 73.

Наша квартира отличается многолюдством, но с некоторою порядочностью, с тех пор, как сестра Мария Васильевна с Алексеем Онуфриевичем поместились у нас. Молодежь занимает особое отделение — с ними Платон. Сестра с мужем — особую комнату; я неприкосновенен в моем кабинетике; у Миши [М. И. Глинки] особая комната — спальня и рабочая... Все обитатели нашей обширной квартиры с покорностью подчиняются установленному раз навсегда, непреложному закону: «не мешать друг другу и никем не стесняться в своих занятиях и времяпровождении; а часы обеда и утреннего и вечернего чая — помнить твердо, ибо семеро одного не ждут; кто же опоздал или проспал установленный час, тот не прогневайся и пекись сам о себе».

Н. В. Кукольник, Дневник, запись 22, декабря 1839 г., «Баян», 1888, № 13, с. 113.

Несколько зим сряду некоторые литераторы и артисты собирались по вечерам, в среду, у Н. В. Кукольника, для проведения времени в дружеской беседе. Хотя в числе собесед-

ников были трое записных гуляк и пьяниц (сам хозяин, К. П. Брюлов и М. И. Глинка), но вообще собрания эти были благопристойные и тихие, при всей свободе литературного разгула.

Н. И. Греч, Записки о моей жизни, СПб., 1886, с. 499.

У Кукольника встречал я много тогдашних литераторов, художников и артистов, как, например: Ф. В. Булгарина, гр. В. А. Соллогуба, М. И. Глинку, П. А. Каратыгина, К. П. Брюлова, Бруни, — одним словом, я вошел в артистический и литературный кружки.

Л. А. Серяков, Моя трудовая жизнь, «Р. Ст.», 1873, т. XIV, с. 346.

Г. Бенедиктов принадлежал к Кукольниковскому братству и постоянно посещал Нестора Васильевича, который в своем интимном кружке носил название или кличку «Епископа», бог знает почему. В этом обществе впоследствии стал являться Полевой, сдружившийся с Кукольником из крайности и нужды, когда он принужден был горькими обстоятельствами оставить Москву. Здесь у Кукольника Полевой встречал Бенедиктова и, казалось, таял от восторга, слушая громогласные стихотворения форменного поэта.

В. Бурнашев, Мое знакомство с Воейковым в пр., «Р. В.», 1871, № 10, с. 627—628.

Вечером 27 апреля [1839] собрались у меня: М. И. Глинка, граф Ф. П. Толстой, А. П. и К. П. Брюлловы, два брата Кукольники, кн. В. Ф. Одоевский, барон П. В. Вревский, гр. В. А. Соллогуб, П. П. Каменский, М. А. Гедеонов, Э. И. Губер, В. И. Григорович, Рамазанов (тогда ученик скульптуры), П. В. Басин, С. Ф. Щедрин (брат знаменитого мариниста), А. П. Лоде (по сцене Нестеров), Н. А. Маркевич, И. И. Сосницкий, поэт Шевченко, скульптор Витали, В. Г. Белинский, И. И. Панаев, Струйский, Гаранович (ученик К. П. Брюллова), Я. Ф. Яненко, Владиславлев и несколько моих родственников. Не доставало: О. И. Сенковского, Даргомыжского, двух братьев Степановых, Штерича, В. А. и П. А. Каратыгиных, О. А. Петрова и доктора Гейденрейха. С ними сохранившийся у меня список приехавших дал бы полный персонал нашего кружка, за немногими исклю-

чениями тех, которые группировались более около графа М. Ю. Виельгорского и князя В. Ф. Одоевского.

А. Н. Струовщиков, Мих. Ив. Глинка, 1839—1841, Воспоминания, «Р. Ст.», 1874, т. IX, с. 701—702.

На вечера Кукольника приезжали и московские гости: Н. И. Надеждин, Т. Н. Грановский, Севастьяновы и, если не ошибаюсь, М. П. Погодин. На званных, музыкальных вечерах, число гостей доходило до семидесяти, причем не были забываемы в приглашениях ни Я. И. Ростовцев, ни Л. В. Дубельт. Поддерживать их знакомство составляло особенную задачу для Платона Кукольника или, как он выражался, «важную стратегию». В виде контрабанды, являлся на эти вечера и известный, принадлежавший к кружку В. А. Соллогуба, любезный шалун Булгаков. И тут, как в домах кн. В. Ф. Одоевского и гр. М. Ю. Виельгорского, не помню Булгакова иначе, как приехавшим далеко за полночь. Таким образом кружок Кукольника составлял иногда группу постоянную, как мозаика, а иногда пеструю, как в калейдоскопе.

И., с. 708 сл.

В изящных искусствах сосредоточивалась вся моя нравственная деятельность; надо было много, серьезно учиться, чтобы не провираться и не уронить того уважения к моим художественно-историческим познаниям, которое мне удалось поселить в публике и даже в художниках. Я мог бы пойти далеко по этому пути, но в России мои усилия остались бесполезными. Действовать без пользы — глупо. Я все же однако продолжал учиться, более по привычке и по обстоятельствам, сблизившим меня с Брюлловым, Глинкою и многими другими художниками.

Н. В. Кукольник, Дневник, «Баян», 1888, № 12, с. 106.

Сближение и короткость Кукольника с Брюлловым и Глинкою . . . еще более возвысило Кукольника в глазах его многочисленных поклонников. Они мечтали видеть в этой короткости какой-то разумный союз представителей живописи, музыки и поэзии и полагали, что он может иметь влияние по крайней мере на эстетическое развитие нашего общества. Едва ли Кукольник не поддерживал и не распространял эту

мысль. В сущности союз этот не имел и тени чего-нибудь серьезного. Представители трех искусств сходились только для того, чтобы весело проводить время и, разумеется, толковать между прочим *о святых искусствах и вообще о высоком и прекрасном*.¹

Около них, как всегда около авторитетов, образовался небольшой штат угодников, шутов, исполнителей особых поручений и блюдолизов из маленьких талантиков.

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, Л., 1923, с. 71—72.

Как импровизатор, как веселый и остроумный собеседник, он [Кукольник] стоял несравненно выше себя, как литератора. Прибавьте к этому его редкое добродушие, своеобразные приемы, детскую веселость, вызывавшую иногда смех до слез; представьте его в сообществе даровитого Маркевича, остроумного Сеньковского, цветистого, образного почти в каждом слове Карла Брюллова, — и все это без салонных стеснений, все нараспашку, как любят художники, — и вы получите объяснения тесного и продолжительного сближения Глинки с Нестором Кукольником. Гостеприимный, сердечный князь В. Ф. Одоевский, также принимавший Глинку *a bras ouverts*, был как художник, как дилетант, не легко восприимчив и холодноват, а Глинке нужна была взаимность по его горячему темпераменту, по его пульсу.

А. Н. Струовицкий, М. И. Глинка, «Р. Ст.», 1874, т. IX, с. 704.

Было время, когда в понятии русского общества поэзия живопись и музыка воплощались в тройственном созвездии Кукольника, Брюллова и Глинки. То было братство творцов, соперничавшее в превосходстве и помогавшее друг другу его достигнуть. Кукольник, по собственным словам, нарочно выводил из терпения Глинку, бракуя то, чем он приходил ему хвалиться, и таким приемом вызывал его на достижение совершенства.

— Скверно, Мишенька! — говорю, бывало (рассказывал Кукольник). Можешь сделать лучше, если захочешь...

— Не могу и не хочу! и тебя знать не хочу! Не приду тебе показывать никогда больше!

¹ Курсив И. И. Панаева.

— Ой, придешь, Мишенька! ей богу, придешь! сделаешь гораздо лучше — и непременно придешь!

Через несколько дней и точно приходит.

— Ну, слушай теперь! — говорит: — в последний раз пришел. Скажешь, скверно, — никогда больше ничего от меня не услышишь.

Заиграл — пропадать приходится, так хорошо.

— Умница, Мишенька! — говорю: — дай поцеловать себя. Я знал, что можешь лучше...

И так-то всякий раз: чем больше рассердится, тем лучше делает. «Вот на зло же тебе хорошо сделал!», — говорит: — Не смей ругаться!»

П. М. Ковалевский, Встречи на жизненном пути. М. И. Глинка, Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 212 — 213.

Вся ватага гостей расходилась обыкновенно около часа, — иногда Яненко или кто-нибудь из мелких литераторов, состоявших по особым поручениям при поэте, разными хитростями выживут гостей ранее. По очищении комнат, накрывается ужин человек на двадцать, самых интимных, и продолжается до утра. За этим ужином происходили дружеские и всяческие излияния, выступала на сцену святыня искусства, и раздавались вдохновенные и пророческие речи хозяина дома.

На одной из Сред, Кукольник, часов в одиннадцать, подошел ко мне, значительно мигнул и шепнул с улыбкою:

— Не уезжай, когда разбредется вся эта шушера, останутся избранные. Вечера мои, собственно, начинаются тогда, когда они кончаются для них...

Кукольник указал головою на своих гостей.

— До сих пор, — прибавил он, — была только увертюра, самая опера начнется потом.

За ужином Кукольника в этот раз было человек пятнадцать; несколько офицеров П[реображенского] полка, М. И. Глинка, Яненко, Струговщиков, переводивший Гете и издававший тогда «Художественную газету», и Каменский, интересный молодой человек, явившийся с Кавказа с повестями à la Марлинский и с солдатским Георгием в петлице... Ужин отличался не столько съестною, сколько питейною частью. Вино лилось...

После ужина все смолкли, потому что Глинка, почувствовав вдохновение, сел за фортепиано и начал импровизировать. Кукольник стоял у фортепиано, восклицая по временам: «дивно», и, обращаясь к офицерам, шептал, прикладывая указательный перст к губам: «слушайте, слушайте, преобразенцы!»

И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Academia, Л., 1928, с. 79 — 82.

Опять хлебок вина. Шопен и Глюк — его любимцы... выступают на клавиши. За ними идет уже что-то неопределенное, неуловимое, прихотливо вдохновенное, такое, от чего занялся дух у всех нас и что унесло нас куда-то, — неведомо куда, — из холостой накуреной комнаты петербургского холостяка, с присканною бог знает где женщиною, с роялем, нанятым помесячно, но превращенным коротенькими мелькающими по его клавишам руками в источник властных, неслыханных, все покрывающих звуков... Пальцы словно бредят, мечтают... голова закинута далеко назад, глаза полузакрыты... импровизация призраками скользит и исчезает, набегает снова, опять исчезает и набегает, покуда пальцы не соскользнут с клавишей и руки не повиснут... В игре Глинки не было ничего декоративного, концертного — ничего напоказ... Это было обаяние высшего разряда.

П. М. Ковалевский, Встречи и пр. Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 217.

В конце лета [1836 г.] я написал трио с хором: «Ах, не мне бедному, ветру буйному»...

По случаю отъезда... доктора Пеликана, с которым жил Кукольник, весь бель-этаж был в его распоряжении вместе с друзьями. В одной комнате писал хозяин, Кукольник, в другой шла беседа, в третьей доктор Гейденрейх весь погружался в шахматную игру и т. д.

Вышеозначенное трио с хором (из него сделано адажио увертюры [в опере «Жизнь за Царя»]) написал я под веселый час. Помню как теперь, что нас собралось человек пятнадцать... и эту трогательную сцену я написал, или, скорее, *сочинил* под шум и говор пирующих друзей.

М. И. Глинка, Записки, СПб., 1887, с. 112 — 113.

В конце мая 1840 г. К. Брюллов сделал, наконец, эскиз давно задуманной им картины «Осада Пскова»... 2 июня я встретил его в коридоре Академии с его краскотером Липиным, тащившим целую кучу живописных принадлежностей. Брюллов был в возбужденном состоянии и сказал мне:

— Идем в большую мастерскую, на осаду Пскова, недели на две; присылай мне, пожалуйста, по две чашки кофе, по два яйца и по тарелке супу; сейчас и приказ об этом послан к тебе.

Я жил тогда во 2-й линии, насупротив его мастерской, и исполнял аккуратно его желания. К его меню я прибавлял только жареного цыпленка, который ни разу не оставался лишним.

15 июня 1840 г., когда я был один в квартире, часов в 7 вечера раздался звонок. Вошел обросший бородой и сильно похудевший К. Брюллов.

— Дашь мне шампанского да чего-нибудь съесть... Между тем как я говорил слуге о вине и закуске, Брюллов набросал на недописанном мною листе бумаги несколько карикатур на своих братьев, на Н. Кукольника, на Шебуева, на Шевченко, и сказал:

— Да, пожалуйста, нельзя ли и этих уродов, Глинку и Кукольника, сюда? жить хочется!

— Попробуем.

Слуга отправился, и нам посчастливилось. Кукольник и Глинка оказались по домам, и не более, как через час, оба приехали влед за посланным, который успел запасть и всем нужным. Началось бражничание, пошли рассказы со спорами и смехом пополам.

Не уступая К. Брюллову, Глинка усиленно работал все это время над «Русланом и Людмилой», Кукольник — над «Эвелиной де-Вальероль», а ваш покорный слуга только что окончил переводы «Римских Элегий» [Гете] и сидел за корректурами газеты. После труда весело...

К концу нашей беседы Глинка выразил и энергично провел мысль: положить конец приходившему в упадок кружку, собиравшемуся у Кукольника... Высказав желание разом покончить со всей компанией, он предложил нам поддержать его мысль.

— Да как же это сделать? — спросил Кукольник.

— Очень просто,— отвечал Глинка,— найми маленькую квартиру и до осени никому ни слова о том.

Я ухватился обеими руками за его предложение, а Брюллов заключил беседу решительным «Баста!» и поднял бокал «За новую свежую жизнь!»

— Быть делу так!— отвечал Кукольник, и мы распрощались.

А. Н. Струмошиков, М. Н. Глинка,
«Р. Ст.», 1874, т. IX, с. 706 — 707.

У Гребенки чуть ли не каждую неделю устраивались маленькие полулитературные вечера. Он был очень хорош с известными тогда писателями: Бенедиктовым, Далем, Кукольниковом, Панаевым, Ершовым, которые нередко посещали его вечера и широко пользовались его радушным, малороссийским гостеприимством; из наших учителей [второго кадетского корпуса в Петербурге] бывали... приятели Гребенки, бывал также и Макан, преподаватель истории в старших классах. На этих вечерах практиковалось чисто малороссийское угощение: сало, початки, малороссийские наливки, варенье, запеканка, варенец; здесь почти всегда что-нибудь читали, но чаще спорили спокойно, без малейшего озлобления, и занимательно и весело рассказывались всевозможные анекдоты и приключения. На эти вечера также приглашались 2 — 3 кадета старших классов, бывших учеников Гребенки.

А. С — кий, Воспоминания о Е. П. Гребенке, «И. В.», 1899, т. LXXVII, с. 827.

У Евгения Павловича и после женитьбы [в 1844 г. на М. В. Ростенберг] продолжались еженедельные вечера, которые уже описаны в моих воспоминаниях, — собирались у них все те же посетители, но с постоянною прибавкою новых знакомых. На этих позднейших, уже супружеских вечерах было еще больше радушия и оживления, при содействии молодой хозяйки, которая, увлекаясь постоянною говорливостью и веселостью супруга, сама никогда не была серьезна, а, напротив, всегда весело и мило болтала и угощала, с восхитительною способностью гостеприимных малороссиянок. Все попрежнему чрезвычайно охотно посещали Гребенку и среди веселого говора и угощений нередко засиживались до поздней ночи.

А. С — кий, Воспоминания о Гребенке, «И. В.», 1900, т. LXXXII, с. 1013.

Сам Гребенка продолжал быть, попрежнему, радушным и приветливым, но хозяйка дома, наслышась от мужа о посе-

щаемых им литературных салонах кн. Одоевского и графа Соллогуба, выбивалась из сил, желая устроить у себя нечто подобное... Потребовалось расписать... будуар в помпейском вкусе, как у Соллогуба, и это в квартире из нескольких небольших комнат. Заведены были приемные дни; комнаты накуривались духами до одурения. Литераторов собиралось не много; один Кукольник являлся чаще других по старой памяти. Общество состояло большей частью из военных и франтов средней руки; между последними самая видная роль принадлежала г. Спиглазову, бывшему артиллерийскому офицеру, открывшему папирозную фабрику.

Д. В. Григорович, Лит. воспоминания
Соч., изд. 1896, т. XII, с. 286 — 287.

Кроме положенных еженедельных артистически-литературных, великосветско-литературных и просто-литературных вечеров, литераторы [в 30-х годах] изредка сходились друг у друга и делали вечера. Самым гостеприимным из литераторов того времени был Е. П. Гребенка, постоянно сзывавший к себе своих литературных приятелей при получении из Малороссии сала, варенья и наливок.

На вечере у Гребенки некому было проповедывать ни о святом искусстве, ни о каких возвышенных предметах; так просто болтали о вседневных и литературных новостях и приключениях...

И. И. Панаев, Воспоминания, II., 1876,
с. 135.

В пятницу я должен был навестить Гребенок. Там ужасная безвкусица и скука.

П. А. Плетнев, Письмо Я. К. Гроту от
9 марта 1846 г., Переписка Я. К. Грота с
П. А. Плетневым, п/р. К. Я. Грота, II.,
1896, ч. II, с. 700.

Вечера «Современника»

Довольный моими литературными знакомствами и связями, я давно уже мечтал о том, чтобы устроить у себя литературный вечер в большом размере и пригласить к себе всех литераторов. При первой возможности я осуществил мою мысль: созвал почти всех, за исключением Булгарина и Греча, накупил вин, осветил комнаты, даже уставил их цветами и заказал ужин. Я жил тогда в Грявной улице, в доме Диммерта,¹ где впоследствии останавливался у меня Белинский.

Часу в девятом вечера комнаты мои были набиты битком. В кабинете (я это очень живо помню) расположились Полевой, барон Розен, Краевский и Бенедиктов... Полевой и барон Розен, заклятые враги, к моему удивлению, очень мило разговаривали у моего письменного стола и объяснялись в уважении и любви друг к другу. Краевский и Бенедиктов сидели неподалеку от стола на диване в ту минуту, как появился Воейков... Воейков остановился посреди кабинета, обзрел его кругом исподлобья и произнес, обращаясь ко мне: «Глазам своим не верю... Какая роскошь! С каким вкусом все убрано! Неужели это ваша квартира? А я думал, судя по отзывам о вас Булгарина, .. что вы живете в какой-нибудь лачужке. Прекрасно! Прекрасно!» — повторял он, озираясь и крепко сжимая мне обе руки. Кукольник явился позднее всех и в дурном расположении. Он составил тотчас же свой небольшой кружок, подцепил Якубовича, Гребенку и еще двух или трех человек и начал им по своему обыкновению проповедовать что-то... Из не-литераторов на моем вечере были актер Дюр, мой друг и товарищ М. А. Языков, неизбежный Кречетов и наш домашний доктор Яновский — молодой человек из семинаристов.

*И. И. Панаев, Воспоминания, Academia,
Л., 1927, с. 115 сл.*

¹ Ул. Марата (б. Николаевская), третий дом от угла Социалистической ул.

По соседству с нами в доме Диммерта жил Иван Иванович Панаев, который положил в своем доме начало кружку интеллигентного товарищества, членами которого являлись выдающиеся представители нашей родной литературы... и многие другие менее крупные звезды нашего литературного мира стали собираться у Ивана Ивановича, а каждую неделю по вторникам у него составлялись литературные вечера, которые охотно посещались приятелями Панаева, приводившими с собою нередко новых лиц, заслуживающих чем-нибудь особенного внимания... Вечера носили на себе скромный, но задушевный характер, гостям разносили чай, велись оживленные беседы на разные темы, и, наконец, Иван Иванович сам читал что-нибудь новое из своих произведений, еще не поступивших в печать, а иногда давал их прочесть одному из лучших чтецов... Кроме его произведений, читалось многое также и других авторов... Можно себе представить, какие интересные группы составлялись на этих панаевских вечерах и какой поток глубоких мыслей, тенденций и остроумия переливался из одного конца этой густо набитой народом квартиры в другой. Обыкновенно самая густая толпа мужчин собиралась в кабинете у хозяина, куда им и подавалась закуска, а дамы держались около матери И. И.— Марии Екимовны и принимали участие в общем собрании, когда читалось что-либо общедоступное; но дамского элемента на этих вечерах было очень немного.

Л. Соколов, Воспоминания, «И. В.», 1910, № 8, с. 410—411.

В эту зиму [1839 г.] по вечерам у Панаева, на его половине, собирались литераторы. Иногда Н. В. Кукольник со своими поклонниками, И. П. Сахаров, К. П. Брюлов и др. Но чаще собирался другой небольшой кружок: Белинский, В. П. Боткин, бывший школьный товарищ Панаева, и М. А. Бакунин, приехавший из Москвы, знакомил этот кружок с сочинениями тогдашних немецких философов.

А. Панаева, Воспоминания, Academia. Л., 1927, с. 112.

Осенью в 1841 году у нас жил М. Н. Катков. Панаев в своих воспоминаниях писал о его житье у нас. В эту зиму у Панаева были частые и многолюдные собрания по вечерам. Ме-

жду прочим являлись приехавшие в Петербург — Кольцов Огарев и другие московские писатели... На эти литературные вечера являлся и кн. В. Ф. Одоевский в карете с ливреей, ным лакеем. Это был единственный литератор, всюду выезжавший с лакеем. Над ним подсмеивались, но все его любили, потому что такого отзывчивого, благодушного человека трудно было отыскать.

Ив., с. 113.

В 1842 г. Ив. Ив. Панаев жил у Аничкина Моста в доме Лопатина. В том же доме жил и Белинский. По субботам у Ив. Ив. собирались литераторы, а также прилепившиеся к литературе и вообще знакомые. Из числа литераторов помню князя Одоевского, Соболевского, Башуцкого, которые бывали редко; графа Соллогуба, бывавшего довольно часто; А. А. Комарова, воспитателя юношества и преподавателя русской словесности в военно-учебных заведениях; В. П. Боткина, когда он бывал в Петербурге, Кетчера, переводчика Шекспира, пока он не возвратился в Москву, Анненкова, впоследствии издателя сочинений Пушкина, Бранта, писавшего великосветские повести и романы.

Из знакомых Ив. Ив. помню Николая Петровича Боткина, Маркевича, который не занимался еще тогда литературой; А. С. Комарова, инженера, профессора в Институте путей сообщения; офицера Московского полка Булгакова, известного в то время всем своим остроумием и оригинальными шутками; молодых красавцев — лейб-гусара Полторацкого, царскосельского кирасира Ольховского и морского флигель-адъютанта Козакова и затем поклонников литературы: Маслова, Кульчицкого, Тютчева, и друга Ив. Ив. — М. А. Языкова: последние были постоянными посетителями суббот.

Ив., с. 483 сл.

Зиму 1845 года Ив. Ив. провел за границей и, вернувшись оттуда, поехал в деревню, откуда прибыл в Петербург уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. В это время появились три новые литературные личности, а именно: Некрасов, Достоевский и Григорович.

В. А. Панаев, Воспоминания, *Р. Ст.*, 1901, сентябрь, с. 490.

Не обязан ли также литературный кружок 40-х и отчасти 50-х гг. Ив. Ив. за то, что он широко открывал двери своего дома, где преимущественно и собирались литераторы.

Ив., с. 504.

По случаю выхода [в 1847 г. первого номера] «Современника» был дан обед в редакции, и с тех пор установился обычай, продолжавшийся много лет, — делать обеды сотрудникам каждый месяц.

А. Панаева, Воспоминания, Academia, Л., 1927, с. 227.

Меня, главным образом, привлекала к «Современнику» группа лиц, составлявших тогда его редакцию; тут были: Тургенев, Дружинин, Гончаров, Боткин, Панаев.

Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, Соч., изд. 1896, т. XII, с. 290.

Главный недостаток редакции состоял в том, что не было у нее настоящего главы, настоящего руководителя. «Современник», можно сказать, держался своими первоначальными успехами и товарищескими отношениями между редакторами и сотрудниками. Чтобы окончательно прикрепить последних к «Современнику», практический ум Некрасова придумал следующее: со многими из нас, — в том числе и со мною, — заключено было нотариальное условие, в силу которого постоянные сотрудники получали, сверх заработной платы, известный процент с каждого напечатанного ими листа.

Когда в зимнее время случалось персоналу редакции сходиться вместе и все более или менее чувствовали себя в хорошем настроении, происходило нечто такое, чего мне ни в какой литературной сходке, ни в каком собрании не приводилось потом видеть. Неровность характера и мелкие временные несогласия как бы оставались при входе вместе с шубами. К серьезным литературным прениям присоединялись острые замечания, читались юмористические стихотворения и пародии, рассказывались забавные анекдоты; хохот шел неумолкаемый.

Ив., с. 302.

В каждом кружке есть непременно лицо более или менее интересное, симпатическое, привлекательное; таким был в

«Современнике» Тургенев. Его не стало, и старые приятели мало-по-малу один за другим начали удаляться. В состав редакции входили, к тому же, новые лица, принадлежавшие другому поколению, ничем нравственно не связанные с прежними сотрудниками. Во главе журнала, как критик, дававший камертон направлению, находился Добролюбов... Главный редактор и хозяин журнала, Некрасов, посвящал ему те свободные часы, которые оставались у него после вечеров и ночей, проводимых за картами... Ив. Ив. Панаев из редактора превратился каким-то образом в простого сотрудника, получавшего гонорар за свои ежемесячные фельетоны.

Ив., с. 336

Вечера «Отечественных Записок»

У Краевского собиралось по четвергам довольно многолюдное литературное и артистическое общество, — очень разнородное, — тут были все больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; в те годы Краевский был одним из самых видных, как бы представителей печати.

А. Н. Пылин, Н. А. Некрасов, П., 1905
с. 8.

Между сотрудниками не существовало товарищеской связи; многие из них не были даже между собой знакомы. Сюда нельзя было приходиться, когда вздумается, собираться и проводить время в праздных беседах; сотрудники являлись каждый отдельно, только по делу и в известные часы. Вечера, имевшие целью сближение сотрудников, начались у А. А. Краевского несколько позже. На эти вечера, — для их оживления, вероятно, — приглашались дамы, принадлежавшие к артистическому кругу и большею частью все одни и те же. Положение этих дам было весьма не завидно; они усаживались обыкновенно в зале на диван у входной двери, в надежде провести несколько часов в интересной беседе с литераторами, но последнее никогда почти не удавалось. Литераторы входили, торопливо, как-то в бок раскланивались и стремительно шмыгали в кабинет редактора, помещавшийся в глубине залы; из растворенной двери кабинета вырывался к потолку клуб табачного дыма, про-

носился громкий говор, дверь захлопывались, и дамы оставались одни.

*Д. В. Григорович, Лт. воспоминания,
Соч., изд. 1896, т. XII, с. 303.*

Молодая редакция «Москвитянина»

Молодая редакция «Московитянина» знала в городе очень многих, не брезговала никем. Ближе всего были к ней некоторые артисты сцены: Садовский, Васильев, Максин, Турчанинов... Первые двое были знаменитостями Московского театра; последние игравали, что называется, «ногу слона»... Когда весь кружок, с присоединением профессора зоологии Рулье, известного всей Москве Алексея Дьякова (учителя чистописания...) и персиянина Мира, или, как чаще его называли, Мирки, — собирался в знаменитой в то время «Кофейне Печкина» (которая состояла из небольшого числа комнат, вошедших ныне в «Московский Трактир»)... Максин, усаживаясь... играть в шашки, заводил гробовым голосом [отрывки из своих ролей]...

Кружок заглядывал еще в одну отдаленную замоскорецкую харчевню слушать бандуриста Алешку, который играл (как никто будто бы) комаринскую и венгерку...

О молодой редакции Москвитянина и связанных с нею неразрывными узами разнообразных личностях города ходили не очень благовидные слухи, что это — «беспросыпные кутилы, пребывающие большую часть дня в нагольных тулупах, не то в рубашках; ненавидящие фраков и перчаток, пьющие простое вино из штофов и полуштофов и закусывающие соленым огурцом». Говорили еще в обществе, что они — бирюки, редко выползающие на свет божий из своих нор самого невероятного свойства — нор, незнакомых будто бы вовсе с пологою щеткой... Если приходил бирюк к бирюку и засиживался до ночи, для него стлалась на полу перина и потом долго-долго лежала, никем не убираемая, и никого из бирюков это не смущало. Бывали такие случаи, что два-три бирюка сходились у кого-нибудь; для каждого устраивалась на полу постель; бирюки ложились, разговаривали, и так проходила неделя, а иногда и две: бирюки не расходились: им было нескучно и удобно... Платье у бирюков бывало будто бы зачастую общее. Такие ходили слухи.

*Н. В. Берг, Гр. Ростоцкина Москва,
«И. В.», 1893, т. LI, с. 697 сл.*

Лавка А. Ф. Смирдина.¹

Здесь [в лавке А. Ф. Смирдина] все они [писатели] собирались, и с раннего утра до ночи можно было тут встретить их. Кто в библиотеке безвозмездно и безостановочно читал новые и старые журналы и книги, когда-либо в России напечатанные; ловкий юноша-библиотекарь, обладавший необыкновенной памятью и умным тактом или, лучше сказать, русскою сметливостью, Федор Федорович Цветаев, ученик Смирдина, был живым, самым верным каталогом всего напечатанного на русском языке — точное повторение своего учителя в библиотекарском деле.

Сборник... памяти... А. Ф. Смирдина, СПб., 1858, т. I, с. 315 — 316.

Дела Смирдина пошли так успешно, что он из скромного помещения у Синего Моста, в угловом доме Гаврилова, переселился во вновь отстроенный дом лютеранской церкви Петра и Павла, на Невском проспекте, где в нижнем этаже... устроил книжный магазин, а в бель-этаже поместил свою библиотеку для чтения. Туда ежедневно по утрам сходились почти все петербургские литераторы потолковать, обменяться мыслями, узнать городские новости. Граф Хвостов был всегдашним, постоянным посетителем этих сходок; сам покупал свои сочинения и тут же дарил с надписью желающим (и не желающим). Об этих сходках, после Пушкина, осталась известная эпиграмма:

К Смирдину, как ни зайдешь,
Ничего не купишь,
Иль Сеньковского найдешь.
Иль в Булгарипа наступишь.

П. И. Юркевич, Воспоминания старожилы, «И. В.», 1892, № 10, с. 166.

Сам хозяин был человек вообще из ряду вон выходящий по своим способностям... он был выше среднего роста, очень

¹ О лавке Смирдина см., кроме того, в книге Т. Грица, В. Трекина, М. Никитина, Словесность и коммерция, М., «Федерация», 1928.

полный; его темные, глубоко задумчивые глаза редко устремлялись на собеседника; его взор казался всегда блуждающим где-то в пространстве. Ходил он в высоком черном парике и в широком до-нельза просторном галстухе.

А. А. Мещерский, Воспоминания, «Р. А.», 1901, т. 1, с. 104.

Александр Филиппович Смирдин вырос и возмужал в книжной лавке и преимущественно в библиотеке для чтения известного и деятельного книгопродавца Плавильщикова, помещавшейся в доме Гаврилова у Синего Моста; он, бывши еще приказчиком и помощником хозяина, обнаруживал уже большую предприимчивость и горячее желание содействовать даровитым, но недостаточным писателям.

Сборник... памяти... А. Ф. Смирдина, СПб., 1838, т. 1, с. 314 — 315.

Главная заслуга его — удешевление книг, оценка литературных произведений, как капитала, и прочная связь, какую он положил между литературой и книжной торговлей.

И, с. II

Г. Смирдин, переместив свою лавку от Синего Моста на Невский проспект,¹ пригласил всех русских литераторов, находящихся в Петербурге, праздновать свое новоселье — на обед... Это еще первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и, следовательно, любопытный... Еще не дошло до половины трапезы — является гр. Д. И. Хвостов, раздает письменные экземпляры своих стихов — «Новоселье А. Ф. Смирдина».

М. Е. Лобанов. О смирдинском обеде 19 февраля 1832 г., напеч. в ст. К. А. Шимкевича, «П—н и с.», вып. XXXI — XXXII, с. 111 сл.

Еще многим памятно, как праздновал Смирдин переход свой на новое, еще более обширное, место торговли. Все тогдашние известные литераторы, артисты и люди чем-нибудь замечательные, присутствовали на его роскошном обеде, и каждый из них принес от себя хозяину литературный пода-

¹ Теперь д. № 22 Проспекта 25 Октября.

П. Ваемский
Ф. Бугарин А. Шаховской
А. Пушкин А. Хвостов
Ш. Крымов А. Смирдин
Н. Греч

НОВОСЕЛЪЕ А. Ф. СМІРДИНА.

(къ стр. 242).

рок, вошедший в состав книги, изданной по этому случаю под заглавием «Новоселье». Впоследствии Смирдин отплатил всем им изданием их сочинений, вместе с портретами, прекрасно награвированными в Лондоне, в книгах, к сожалению, недоконченных, под заглавием «Сто русских литераторов»

«Б. д. Чт.», 1857, т. СXLVI, с. 230, отд. Смесь.

Все известные ученые и литераторы радушно приглашены были молодым, предприимчивым хозяином праздновать его новоселье; все с готовностью приняло предложение, принесши ему свои статьи, которые впоследствии были напечатаны и составили два толстых тома особого издания, под заглавием: «Новоселье».

Сборник... памяти... А. Ф. Смирдина, СПб., 1858, т. I, с. 315.

Известность и торговля его были на высшей степени, когда он праздновал новоселье, перебравшись из дома Гаврилова, у Синего Моста, в дом Петровской церкви, на Невском проспекте. На этом празднике был цвет современной русской литературы, и не было конца приветствиям и желаниям еще больших успехов доброму хозяину. Памятником праздника остались описания его в современных газетах, стихи гр. Хвостова и альманах «Новоселье». Кто сказал бы тогда, глядя на огромную толпу друзей, пировавших у Смирдина, что едва ли десяток литераторов соберется вокруг его гроба.

К. Полевой, Воспоминания об А. Ф. Смирдине, «Сев. Пчела», 1857, № 210.

Смирдинский праздник удался вполне; все было дружно-весело. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами, из которых одну, в особенности, я удержал в памяти. Семенов¹ за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин vis-à-vis с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе»... Греч зааплодировал, а все мы расхохотались — один Булгарин сморщился и промолчал, но, когда встали из-за стола, Булгарин, подойдя к Семенову, сказал: «Вам и быть-то между нами не следует!» —

¹ В. Н. Семенов — цензор.

«Почему это?» спросил Семенов. — «А потому, что вы литературный палач». [В. Н. Семенов] вздумал было обижаться, но многие уговорили его не обращать внимания на слова Булгарина, и Греч прямо, тут же объявил, что это сказано Булгариным потому, что ему хотелось сорвать на Семенове свою досаду на Пушкина, которого, как известно, он побаивался. ¹

Н. Н. Терпигорева, Заметка об А. С. Пушкине, «Р. Ст.», 1870, т. I, с. 370.

В церкви при отпевании тела А. Ф. Смирдина, сколько мы заметили, были следующие литераторы: Н. И. Греч, А. Н. Очкин, П. С. Лебедев, Б. М. Федоров, А. Г. Ротчев, Г. Старчевский, Г. Григорьев (актер и писатель)... Кажется, только... Причислите еще пишущего эти строки [К. Полевого]... Не много! На новосельи у Смирдина было больше.

К. Полевой, Воспоминания об А. Ф. Смирдине, «Сев. Пчела», 1857, № 210.

Лавка И. Т. Лисенкова

Большими странностями в Петербурге отличался известный книгопродавец И. Г. Ли[сенк]ов; он торговал более 30 лет на Садовой, в доме Пажеского корпуса, и после того переселился в Гостиный двор, на верхнюю линию, которую он называл в своих объявлениях бель-этажем и местом randevу аристократов. Магазин Ли[сенк]ова, действительно, в свое время служил randevу отечественных литераторов; сюда сходились: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. Ф. Воейков, А. С. Пушкин, Ф. В. Булгарин, Б. М. Федоров, В. Г. Соколовский и мн. др. Многие из них, как, например, Гнедич, питали к нему даже и дружбу, которую признательный книгопродавец нежно чувствовал...

В последний раз Пушкин был у Ли[сенкова] за три дня до своей смерти, где в магазине оставался более чем 2 часа и вел довольно жаркий разговор с известным Б. М. Федоровым...

Одинокий, весьма достаточный Ли[сенков] торговал по при-

¹ Тот же эпизод несколько подробнее рассказал у В. В[урнашеса], Из воспоминаний петербургского старожилы. Четверги Н. И. Греча. См. «Памятники новой русской истории...», изд. В. Кашшпрева, т. II, с. 83—84, II, 1872. То же «Заря», 1871, IV, с. 26.

вычке и для препровождения времени до 80 лет своей жизни. Но не был скупым человеком и много жертвовал на благотворения, не обидел он и литературный фонд своими пожертвованиями. Л[исенков] умер лет 20 назад. ¹

М. Пыляев, Замечательные чудачки и оригиналы, П., 1898, с. 352 — 353, 354 — 355.

«А вот, милостивый государь, Фаддей Венедиктович г. Булгарин, соблаговолите нам объяснить, что это за история вышла у вашей милости с книжником и фарисеем Лисенковым? Он, говорят, объявил в газетах, что у него можно иметь литографированный портрет знаменитого французского сыщика Видока; а как это спросят, он сует не Видока портрет, а ваш. Любопытная историйка...»

«Анафема этот Лисенков, — сердито захрипел с обычным занканием и повторением слов Булгарин, обращаясь к Сенковскому, — действительно ударил такую глупейшую штуку; но я принял уже меры, и завтра ни одного экземпляра моих портретов у него не будет, и от него отберут подписку, чтоб он не покупал и не продавал других экземпляров».

В. Бурнашев, Из воспоминаний петербургского старожилы, «Заря», 1871, № 4, с. 19.

Лавка И. В. Сленина

К Ивану Васильевичу по Невскому проспекту заходили мимоходом во время прогулки литераторы, так как в его магазине принимались подписки на получение газеты «Русский Инвалид...» Поэт барон Дельвиг, издатель «Литературной Газеты», бывший у него часто на час, приводил с собою всех своих литературных тружеников на перепутьи по Невскому к Сленину, где и отличались один перед другим разными остроумиями и сарказмами на все им знакомое. Сленин, как понимал французский их разговор и любитель шуток, это его весьма интересовало. Поэты Воейков, Розен, Пушкин и прежние литераторы и журналисты тянулись побеседовать вкупе с Слениным о прежнем и новом житье-бытье русской литературы.

И. Т. Лисенков, Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах. Материалы для истории русской книжной торговли, СПб., 1879, с. 61 — 62.

И Т. Лисенков умер в 1877 или 1878 г. См. «И. В.», 1897, № 7, с. 404.

У Сленина в лавке на креслах сижу,
 На книги, портреты уныло гляжу.
 Вот бард наш Державин, вот Дмитрев, Крылов,
 А вот Каталани — под нею Хвостов,
 Тимковского ценсора тут же портрет,
 Есть даже Гераков, — Измайлова-с нет!
 Авось доживу я до светлого дня!
 Авось в книжной лавке повесят меня!
 Чу! чу! Колокольчик в сенях зазвенел;
 Хозяин с улыбкой к дверям полетел.
 Кого-то к нам в лавку лукавый принес?
 Не граф ли? Нет, польской задорный наш пес,
 Измайлова видя, бледнеет вдруг он,
 И крестному батьке отвесил поклон.
 Приходит Рылеев, Бестужев и Греч
 Язык ему надо немножко присечь.
 Вот Сомов вбегает, вот входит Козлов,
 А вот из Сената заехал Хвостов!
 В собрании этих почтенных людей
 К Измайлову речь обращает Фадей:
 — Что? сказочки нет-ли какой на меня?
 — Есть! Бойся ты сказок моих как огня.
 Любезный мой крестник! Изволь, одолжу;
 Три новые сказки тебе я скажу:
 1. Кусал пес задорный большую свинью,
 А я его кинул под лед в полынью.
 2. С поляком бездушным я бился вдвоем,
 И с боя бежал он в слезах, с фонарем.
 3. Безграмотный ротмистр беглец был у нас,
 Судью его посадил я в приказ.
 Булгарин взял шляпу и вон побежал,
 А то бы Измайлов еще продолжал.

А. Измайлов, Сленина лавка,
 «Р. А.», 1864, с. 812 — 813.

ЛАВКА НАВОКОВЫХ

Любили также собираться пишущие люди в фруктовой лавке Набоковых на углу Невского проспекта и Владимирской, в том доме, где теперь Палкин трактир.¹ При фруктовой лавке

¹ Ныне кино-театр «Титан».

был погребок, и там пили холодный и горячий пунш. Там за стойкой стоял приказчик, который тоже кропал стихи и давал их всем для прочтения и исправления, но стихи были так плохи и безграмотны, что не поддавались никакому исправлению. Ко всем пишущим чувствовал он какое-то рабское почтение. Собирались в очень грязной каморке, даже и днем освещаемой свечами, сидели на ящиках из-под бутылок вина, но Эдельсон, особенно часто посещавший эту каморку, имел там свой собственный стул, им самим привезенный, и назывался он тронем Эдельсона.

Здесь под веселую руку поэты хвастались друг перед другом рифмами и каламбурами и писали их карандашом на столе, а приказчик благоговейно старался сохранить эти автографы.

Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке, П., 1907, с. 166 — 167.

В 60-х гг. в Петербурге были в большом ходу литературно-музыкальные вечера и утренние чтения, которые устраивались обыкновенно с какой-нибудь благотворительной целью. Мне не раз случалось участвовать в них. Публика очень усердно посещала эти чтения и концерты, и часто большие залы в Благородном собрании, в доме Бенардаки и в некоторых клубах были битком набиты посетителями.

А. Милюков, Лит. встречи etc., П., 1890, с. 272 — 273.

Литераторов бежали не только слушать, а и смотреть, пожалуй, даже больше смотреть, чем слушать... Не забудьте, что это было самое начало знаменитых 60-х годов.

П. Вейнберг, Лит. спектакли, «Еж. Имп. Театров», 1893—1894, кн. 3, с. 97.

Вечером была на чтении в пользу воскресных школ, в пассаже. Читали: Бенедиктов, Полонский, Майков, Писемский, Достоевский и Шевченко... Шевченко ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так... С Шевченко даже вышло совсем удивительно. Он нагнул голову и не мог вымолвить слова. Стоял, стоял и вдруг повернулся и вышел, не раскрыв рта. Шум смолк и водворилась тишина недоумения... Через несколько минут он однако вышел снова. И ему снова были стали хлопать, но, вероятно, щадя нервы его, раздалось несколько шиканий. Он стал читать, останавливаясь на каждом слове, дотянул, однако, благополучно все три стихотворения. Последнее дажешло уже как следует, и им закончился сегодняшний литературный вечер...

Лекция Лаврова сошла прекрасно, гораздо лучше, чем можно было ожидать. Зала была полна... Говорил Лавров прекрасно, плавно, просто, с полным самообладанием и с уверенностью в обладании предмета речи своей. Публику не потешил он ни одною забористою, модною фразой, на которые

она так падка и за которые всегда награждает рукоплесканиями, она и рукоплескала, но не в середине речи, а когда он входил, особенно же когда кончил. Лучшего успеха ожидать Петр Лаврович не мог.

Е. А. Штакемшнейдер, Из записок,
«Р. В.», 1901, № 8, с. 415—417.

В последнее время концерты в Петербурге начали... терять свой строгий музыкальный характер, и к ним привился новый элемент — литературный. Пение и музыка соединились с литературными чтениями, и русские писатели стали чаще и чаще являться перед публикой, которая до сих пор знала их только по одним их сочинениям и по портретам. В Петербурге в нынешнюю зиму литературные вечера бывали довольно часто; многие даже были этим недовольны, вероятно, находя, что писателям *неприлично* часто являться перед публикой. У антагонистов литературных чтений, кажется, иной причины недовольствия не имеется: они, вероятно, опасаются того, что публика, часто видя перед собой русских поэтов и литераторов, и не в поэтических тогах и венках, а в черных фраках и белых перчатках, скоро привыкнет к ним, как к простым смертным, и потеряет веру в их олимпийское величие. Ну и слава богу!.. Впрочем, в Петербурге этой веры в людях уже давно не существует. Москва, во всем передразнивая Петербург, тоже завела у себя моду на литературные чтения, которые, однако, имеют свой собственный московский характер, величественный и строгий, как и вообще вся московская журналистика.

Д. Минаев, «Дневник темного человека»
«Р. Ст.», 1862, т. III, с. 9—10.

Решительно наших лириков нужно показывать публике за деньги. Впрочем, что ж я говорю: ведь их и так за деньги показывают теперь на разных литературных чтениях. За 2 р. серебром вы не только можете увидеть Майкова и Полонского, но даже имеете право слушать их чтение. Литературные публичные вечера у нас теперь в ходу, и находится множество любителей, которые их поощряют своим посещением. Ведь много есть людей, которым все равно, как бы ни убить время— на балу ли, на лекции ли, за карточным столом или на литературном вечере. Для составления публичных литературных

чтений существуют даже особые специалисты-распорядители, нередко делающие из них маленькую аферу.

Я знаю одного такого господина. Если бы меня спросили при случае, чем занимается этот праздношатающийся, то я бы сказал: он занимается устройством литературных вечеров. Другой профессии у него, повидимому, нет никакой.

Вы идете по Невскому... Вам навстречу попадается этот артист с самой озабоченной деловой физиономией. Он, несомненно, подбежит к вам на улице, если вы знакомы с ним, а вы с ним непременно знакомы.

— Куда вы бежите?

— Устраиваю литературный вечер в пользу одного бедного семейства (тут бывают разные варианты); хлопот — до горло. Бегу теперь к писателю N (называет фамилию писателя) просить его участвовать в чтении.

— Да ведь он не будет читать; вы знаете это наверно.

— Все равно; только имя свое позволил бы на афише поставить, — отвечает наивно руководитель... [Следует «Проект чрезвычайного литературно-музыкального вечера».]

Похвальное слово М. М. Достоевскому, прочтет

г. Ф. М. Достоевский

Похвальное слово Ф. М. Достоевскому, прочтет

г. М. М. Достоевский

Полное собрание сочинений Шиллера в переводе русских поэтов, с примечаниями издателя, прочтет

г. Гербель

«Сказание о богатырях» Русского Вестника прочтет

г. Буслаев

Заглавия будущих критических статей, которые напишутся для журналов, прочтет

г. Ап. Григорьев

•Р. Сл., 1863, т. III, с. 19 — 26.

Правила для литературных чтений. Государь император высочайше повелеть соизволил: постановить для литературных чтений в Санкт-Петербурге следующие правила:

1) Лица желающие устроить в Санктпетербурге, в общественных собраниях, литературное чтение, должны обращаться о дозволении чтения к попечителю санктпетербург-

- ского учебного округа, указывая, где именно они желают читать и представляя статью, которую полагают прочесть.
- 2) Попечителю предоставляется разрешать литературное чтение прямо от себя, в тех случаях, когда ему известны лица, которые намереваются читать, и когда он признает представленную статью возможною для публичного чтения.
- 3) В сомнительных случаях попечитель обязан: относительно лиц, желающих читать представлять на разрешение министерства народного просвещения, а статьи передавать на предварительное рассмотрение санктпетербургского цензурного комитета.
- 4) О каждом случае разрешенного литературного чтения, попечитель сообщает неотлагательно санктпетербургскому военному губернатору.
- 5) Городская полиция разрешает печатать объявления и афиши о литературном чтении не иначе, как по предъявлении письменного разрешения попечителя на устройство сего чтения.

«Век», 1862, № 11, с. 127.

Литературные чтения выводятся в Петербурге. Теперь в моде показывать пренебрежение к литературе и бегать с таких собраний, где пронесется шопот, что тот или другой господин прочтет свою повесть, и лучший способ разогнать гостей — пустить такой слух. Журналисты избегают чтений, отговариваясь недостатком времени; литераторы разединились и редко сходятся; не то, что прежде, когда существовало несколько таких домов, которые как будто и процветали единственно с тою целью, чтобы служить приютом литераторам, и которые потому назывались литературными отелями: литератор мог приходиться туда, когда угодно, делать, что угодно — если он хотел есть, ему хоть в полночь начинали варить и жарить; хотел спать — ему клали под голову мягкую подушку и ходили около него на цыпочках, разговаривали не иначе, как шопотом; хотел говорить — его слушали с подобострастием, улыбались каждому его слову, и все семейство сбивалось с ног, спеша предложить ему кто варенья, кто любимых крендельков и чаю, кто папирос... Литературные сочувствователи сделались редки и тоже заняли у литераторов пренебрежение к чтению. Только в мел-

ких литературных кружках процветают еще чтения: литераторы-дилетанты тоже до них большие охотники, не совсем, впрочем, бескорыстные: заманив литераторов известием, что у них будет прочтено замечательное сочинение, они действительно уступают сначала роль автору, интересующему литераторов, но потом, когда он кончит чтение (что случается иногда и уже к полуночи), дилетанты скромно уведомляют, что у них тоже есть новинка, которую они желали бы прочесть, чтобы воспользоваться советами таких избранных и опытных судей, и под видом советов . . . они начинают мучить литераторов своим собственным произведением иногда до трех и до пяти часов ночи. Но в ту эпоху, к которой относится наш рассказ, чтения литературные процветали.

Н. А. Некрасов, Каменное сердце. Незданные произведения п/р. К. Чуковского, П., 1918, с. 39 — 40.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Дружеское литературное общество, основанное Андреем Ивановичем Тургеневым в январе 1801 г. просуществовало до июня-июля того же года. Главными деятелями кружка были Андрей Иванович Тургенев, А. Ф. Мерзляков, Михаил и Андрей Кайсаровы, А. Ф. Воейков, В. А. Жуковский, А. Г. Родзянко и Александр Тургенев.

Для нас дружеское литературное общество представляет двоякий интерес: с одной стороны, перед нами кружок, который может быть охарактеризован как кружок творческий; кружок не ограничивался беседами на темы литературы и морали, но толкал своих членов по пути оппозиции Карамзину. Представляет интерес выяснение теоретических взглядов этого партийного кружка. Наиболее любопытна и показательна в этом смысле речь Андрея Тургенева в кружке в марте 1801 г., т. е. вскоре по основании кружка. Она является до некоторой степени программной. Вот ее тезисы.

1. Западная литература народна. Русская — нет. Поэтому вряд ли мы можем говорить о русской литературе. Народность сохранилась лишь в сказках и песнях; в последних сказывается «пленяющая унылость, такие красоты чувства, которых тщетно стали бы мы искать в новейших подражательных произведениях нашей литературы».
2. Поэты Екатерининской эпохи. «Потекли они в путь свой, открытый для них прежде бессмертным Ломоносовым, очистили, привели в некоторое совершенство язык свой...»
3. Карамзин «слишком склонил нас к мягкости и разнежности. Ему бы надлежало явиться веком позже, тогда, когда бы мы имели уже более сочинений в важных родах; тогда пусть бы он в отечественные дубы и лавры влетал цветы свои». «Он [Карамзин] вреден потому еще более, что пишет в своем роде прекрасно; пусть бы русские продолжали писать хуже,.. только бы занимались они важнейшими предметами... не столько применялись к мелочным родам, пусть бы мешали они с великим уродливое, гигантское, чрезвычай-

ное; можно думать, что это очистилось бы мало-по-малу». Карамзин пришел слишком рано.

4. «Смотря на общий характер просвещения, а особенно литературы в целом, надобно признаться, что Херасков больше для нас сделал, чем Карамзин, Херасков открыл дорогу. (Речь опубликована *А. Фоминым* в «Р. Библ.», 1912, № 1, с. 26 — 30.)

На основании материалов статьи Истрина (Из документов архива бр. Тургеневых, ЖМНП, 1913, III, с. 1 — 14) можно перечислить предметы занятий кружка, имевшего, повидимому, всего 17 заседаний. Они ярко характеризуют внутренний облик кружка. Так, на собрании 12 января заслушана речь Мерзлякова о законах общества, 19 января его же «К радости» (по случаю открытия общества), 8 марта Воейкова «О героизме», 15 марта М. Кайсарова о том, могли бы человек, с самого рождения оставленный на необитаемом острове, отличить порок от добродетели. Ответ дан положительный. 22 марта Александра Тургенева «Об образовании», речь-похвала Ив. Вл. Лопухину. Образование — цель их собраний. Способ — подражать людям отличной добродетели. 29 марта — Андрея Кайсарова «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания». 7 апреля — торжественное заседание. Читаны стихи Мерзлякова в честь молодого государя (стихи были затем 14 апреля читаны на московском университетском торжестве). Затем гимн Кайсарова и речь Андрея Тургенева, вероятно, «О поэзии и о злоупотреблении оной». На следующем собрании речь Жуковского «О страстях». Следующее собрание посвящено речи Андрея Кайсарова «О русской литературе»¹ (выпады против Карамзина). На следующем собрании — Жуковского «О счастье». Затем — Родзянко «О бессмертии души» и на следующем заседании кружка его же речь «О боге» (направлена против *Système de la Nature* Гольбаха). В начале мая — Мерзлякова «О трудностях ученья». 11 мая — Воейкова «О предприимчивости». 18 мая — Михаила Кайсарова «О самолюбии». Самолюбие — причина всех наших добродетелей, пороков, великих дел и злодеяний. 25 мая — Александра Тургенева «О том, что люди по большей части сами вино-

¹ Напечатана *А. Фоминым*, «Р. Библ.», 1912, № 1, с. 12 сл.

вники своих несчастий и неудовольствий, случающихся в жизни. 1 июня — Андрея Кайсарова «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесчеловечными». Это было последнее заседание. Друзья разъезжаются на лето, а осенью кружок окончательно распался.

В плане литературном весь этот материал, бывший предметом занятий кружка, должен быть осмыслен как материал для медитации. Медитативная лирика Жуковского особенно показательна в этом отношении. В этом и заключается литературное значение кружка.

А Р З А М А С

Арзамас освещен во вступительной статье; таким образом, тут мы позволим себе остановиться лишь на конкретном материале.

Основание Арзамаса относится к 1815 г. Членами Арзамаса были: С. С. Уваров (в арзамасском прозвище Старушка), Д. Н. Блудов (Кассандра), Д. В. Дашков (Чу!), В. А. Жуковский (Светлана), К. Н. Батюшков (Ахилл), Ф. Ф. Вигель (Ивиков Журавль), А. Ф. Воейков (Дымная Печурка), П. А. Вяземский (Асмодей), Д. В. Давыдов (Армянин), С. П. Жихарев (Громобой), Д. К. Кавелин (Пустынник), Н. И. Муравьев (Адельстан), М. Ф. Орлов (Рейн), П. И. Полетика (Очарованный Челн), А. А. Плещеев (Черный Вран), А. С. Пушкин (Сверчок), В. Л. Пушкин («Вот», или «Вот я вас», позже переименованный в «Вотрушку», и, наконец, восстановленный в звании «Вот я вас опять», как он однажды и подписался), Д. П. Северин (Резвый Кот), А. И. Тургенев (Эолова Арфа), Н. И. Тургенев (Варвик) и еще одно лицо — «Лебедь Статный», псевдоним которого не раскрыт. Кроме того, в качестве почетных членов, или в своей терминологии «почетных гусей Арзамаса», с кружком были связаны Н. М. Карамзин («Арзамасский Патриарх») («Современник», 1851, 6, с. 37—38; Письма Жуковского к А. И. Тургеневу, 1895, с. 165), И. И. Дмитриев, Нелединский-Мелецкий, Каподистрия, А. Салтыков, М. Салтыков («Почетный Гусь Михаил») и Г. Гагарин.

Принцип наименования членов Арзамаса довольно ясен. В качестве псевдонимов брались имена и слова из баллад Жу-

ковского, характерные для карамзинизма (ср. П. Анненков, *Материалы для биографии Пушкина*, с. 45).¹ Из этого общего словаря брались имена по принципу сходства с данным лицом. А. И. Тургенев назывался «Эоловой Арфой» за бурчание в животе (Ср. *Вяземский*, Соч., т. VIII, с. 282 — 283, а также 20-й протокол заседания Арзамаса.); его же называли «Две огромные руки» за страсть присваивать или списывать «всевозможные бумажные редкости и драгоценности» (*Вяземский*, *ib.*). Впрочем, «Две огромные руки» было также вторым прозвищем и Воейкова. Полетика, дипломат по профессии, именовался «Очарованным Челном» за свои путешествия (*Батюшков*, см. Соч. под ред. Майкова, т. IV, с. 722). А. А. Плещеев прозывался «Черным Враном» за свою смуглость (ср. *Ф. Вигель*, *Записки*, т. III, ч. V, с. 45), Северин — «Резвый Кот» — за свою игривость (*Ф. Вигель*, *ib.*, с. 45; *Вяземский*, Соч. т. I, XVIII).

Происхождение названия кружка имеет два варианта. М. Дмитриев (Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 81 сл.) говорит, что название Арзамаса происходит от школы живописи, учрежденной в г. Арзамасе (Нижегородской губ.) художником Ступиным. Вигель (*Записки*, II, с. 165 — 169) рассказывает целую историю о поездке Блудова в Оренбургскую губ. и о его арзамасском приключении, давшем ему повод написать свое «Видение в какой-то огаде». Сочинение Блудова якобы дало имя кружку. Вяземский (*Записная Книжка*, Соч., т. X, с. 245 сл.) называет сочинение Блудова «Видением в Арзамасе», и это более правдоподобно. Тем не менее, некоторые исследователи называют Блудовское сочинение непонятым «Видением в огаде», а Анненков (*Материалы для биографии Пушкина*, с. 46) осмысляет это сочетание в «Видение во граде», что имеет, во всяком случае, больше смысла.

Собираясь по четвергам преимущественно в домах Блудова и Уварова, Арзамас проводил свои заседания очень живо и весело. Секретарем был Жуковский, председатель выбирался каждый раз особо. За ужином с непременно жареным гусем распевалась кантата Дашкова (см. текст). Каждый ново-

¹ Любопытно, однако, что И. И. Дмитриев признавался Шишкову, что его коробят слова, слышанные им в детстве от старух, напр., «вот, чу, приют, юркнул» и пр. (*А. С. Шишков*, *Записки*, Берлин, 1870, с. 360).

поступающий член должен был произнести речь против членов Академии и Беседы и давал присягу в том, что сохранит в тайне все, что происходит в Арзамасе (Ср. письмо Дашкова к Вяземскому, «Р. А.», 1866, с. 498). Много внимания уделялось, повидимому, пародиям на поэзию членов Беседы, главным образом на Д. И. Хвостова. Десять пародий на притчи Д. И. Хвостова напечатаны в «Выдержках из старых бумаг Ост. Арх.» («Р. А.», 1866, с. 478 — 489).

В 1816 г. умирает Беседа, и Арзамас пытается перестроиться. Полемический задор должен уступить свое место творческой работе. Начинаются подготовительные работы по изданию журнала. В литературе известны несколько попыток издательской деятельности Арзамаса. Некоторые из них, как, например, альманах «Мнемозина» или «Аониды», были, повидимому, частным делом В. А. Жуковского и не были связаны с Арзамасом. Отдельные предложения Батюшкова и Вяземского частью относятся к ним, частью вообще поднимают вопрос об издании. Подлинным органом Арзамаса должно было явиться издание, решенное летом 1817 г. Сохранились 2 плана этого издания: альманах и журнал. В бумагах Арзамаса в Публ. Библ. в Ленинграде (Отчет Имп. Публ. Библ. за 1884 г.) хранится план издания под названием «Отрывки, найденные в Арзамасе», который Л. Майков (Соч. Батюшкова, т. I, стр. 245) датирует началом 1816 г., но, как это видно из подписи В. Л. Пушкина «Вот я вас опять», раньше августа 1816 г. не мог быть составлен (Ср. *Е. Сидоров*, ЖМНП, 1901, 7, а также *Н. К. Пиксанов*, Соч. Пушкина, изд. Брокгауза, т. I, стр. 442 сл.). Но и эта датировка, повидимому, ошибочна, так как среди произведений упомянуто «Послание к халату» Вяземского, которое было представлено в Арзамас и рассмотрено там лишь в конце сентября 1817 года (ср. «Ост. Арх.», т. I, с. 88 — 89). Повидимому, это не какая-то особая попытка издания, а один из представленных планов, наравне с журналом, программа которого находится в той же пачке бумаг, относящихся ко второй половине 1817 и 1818 г.¹ Это был, повидимому, один из планов того же типа, о которых Н. И. Тургенев

¹ Более ранний архив Арзамаса был передан Жуковским Уварову (ср. Письма Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 185); пачка же арзамасских бумаг Публ. Библ. найдена в бумагах Жуковского.

писал своему брату Сергею 8 сентября 1817 г.: «Третьего дня был у нас еще Арзамас. Были предлагаемы программы, все исключительно литературные, и эта исключительность мне не нравится» (А. Н. Шибунин, *Общественные взгляды Н. И. Тургенева*, «Совр.», 1913, № 6, стр. 194). Арзамасский журнал должен был носить уже не литературный, а политическо-литературный характер. Для организации журнала потребовалась реорганизация всего кружка: отсюда новый устав, строящий взаимоотношения кружка и редакции так, чтоб журнал явился подлинным выразителем кружка. Так, в числе редакторов журнала должен быть всегда и секретарь Арзамаса (см. текст).

Арзамасский журнал не осуществился. Осенью и зимою 1817 — 1818 гг. члены постепенно разъезжаются: Блудов и Вигель уезжают в Лондон, Дашков в Константинополь, Вяземский в Варшаву, Полетика в Америку, Батюшков в мае 1818 — в Крым, а затем через Москву и Петербург в Италию, Жуковский в Москву (уехал 9 октября 1817 г., пробыл там до мая 1818 г., когда поехал в деревню («Ост. Арх.», т. I, с. 471 сл., и 103), Северин, потеряв жену, уехал в Аахен и т. д. Массовый разъезд, несомненно, способствовал развалу кружка, хотя при составлении программ журнала он принимался во внимание и вносились некоторые организационно-технические оговорки на этот случай. Оставшаяся в Петербурге часть продолжала собираться, но, вероятно, менее регулярно. Отдельные заседания Арзамаса можно проследить вплоть до конца 1818 г., и даже в начале 1819 г. есть еще намеки на его существование.

З Е Л Е Н А Я Л А М П А

Период существования кружка Зеленой Лампы ограничивается 1818 — 1820 (не позднее 1821) годами. Состав Зеленой Лампы был следующий: Н. В. Всеволожский с его братом, Я. Н. Толстой, офицер Д. Барков, офицер Щербинин, лейбулан Ф. Юрьев, лейб-гусар Л. Каверин, Мансуров, Якубович, В. В. Энгельгардт, А. С. Пушкин и позже его брат Лев, кн. С. П. Трубецкой, барон А. А. Дельвиг, А. Родзянко, А. Д. Улыбышев, полковник Жадовский, Ф. Н. Глинка, Токарев. Вероятно, в состав кружка входили, кроме того,

Н. И. Гнедич и Н. И. Кривцов, т. е. всего, примерно, 21 человек, что соответствует свидетельству Я. Н. Толстого.¹ Общество собиралось раз в две недели (а может быть и еженедельно) по субботам. Прием новых членов производился только с общего согласия. На собраниях общества велось подробные протоколы, и члены общества обязаны были сохранять в тайне все происходившее на собраниях, «так как там разбирали подчас произведения, писанные в сатирическом или вольном духе». «Протоколы заседаний сохранялись очень долго, вплоть до начала нашего века в имении Всеволожских, но теперь утеряны. Их видели Ефремов и Семевский. Из этих протоколов и бумаг было видно, что в Зеленой Лампе читались стихи и прозаические сочинения членов (как, например, Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчет по театру (Д. Н. Барковым), были даже читаны обширные очерки самого Всеволожского из русской истории, составленные не по Карамзину, а по летописям» (П. Е. Щеголев, Пушкин, П., 1914, с. 14).²

В связи с этим возникает вопрос о политическом значении общества. Известно, что Анненков и Бартенев, а вслед за ними и другие исследователи высказали мысль, что «заседания последних двух обществ — «Зеленой Лампы» и «Галеры», как надо думать, были чисто в анакреоновом вкусе, с веселыми женщинами и с бурными возлияниями» (М. Пыляев, Замечательные чудачки и оригиналы, П., 1988, с. 360. Ср. П. Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, П., 1874, с. 63 — 64, и П. Бартенев, Пушкин в Южной России, М., 1862).

По этому поводу Алексей Веселовский пишет:

«Как случилось, что на всю организацию и замкнутую в тесном кругу деятельность «Зеленой Лампы» налегла двусмысленная репутация не только распущенно-шаловливого прожигания жизни, но цинического разгула, трудно понять. То толкование, которое в пушкинской литературе идет от П. Бар-

¹ Б. Л. Модзалевский («К истории Зеленой Лампы» в сб. «Декабристы и их время», т. I, с. 18) дополняет этот список именем Д. И. Долгорукого.

² О журнале, который Союз Благоденствия, согласно уставу, должен был издавать, и о неудавшихся попытках его организовать, втянув в него членов Арзамаса и Зеленой Лампы, см. у В. Семевского, Очерки из истории идей декабристов, «Р. Б-вс», 1908, № 4 с. 77 — 80.

теневая и Анненкова, называет кружок «Лампы» «оргиаческим», говорит об устраивавшихся в нем играх и процессиях, Изгнании Адама и Евы из рая, Содоме и Гоморре и т. д. И при виде этих устрашающих фантазмагорий, авторитетно выдававшихся за подлинную действительность, у независимых наблюдателей невольно являлась скептическая, недоумевающая усмешка...

Дельвиг, появившийся в царстве «Зеленой Лампы» с своей мечтательностью и вдумчивостью, конечно, не мог содействовать разгульному и пошлomu направлению сборищ и занятий. Записи о деятельности кружка (его протоколы) сохранили за другим членом товарищеской дружины, офицером Барковым, специальное назначение театрального критика, внимательно следившего за деятельностью петербургской сцены и в своих сообщениях ведшего что-то вроде ее летописи... Центр, главный жизненный нерв их, очевидно, был иной. Велась и карточная игра, и Пушкин именно тут мог проиграть Никите Всеволожскому готовую к печати рукопись стихотворений. Были и женщины, возбудительницы веселья, и «вина кометы» лились рекой, но деятельность мысли, обмен мнений, состязание в поэтической работе и споры, споры без конца, не страдали от эпикурейской обстановки. Серьезная основа постоянно таилась под ее оболочкой» (*А. Веселовский*, Период «Зеленой Лампы»; *Пушкин*, Собр. соч. под ред. С. Венгерова, т. I, П., 1907, с. 550 и 552). Друзья проводили время за веселой пирушкой под сенью неметафорической зеленой лампы, с женщинами и вином. Порою беседа становилась всеобщей — когда обсуждали новые, тут же читанные статьи и стихи, «умело вставленные в оправу братских чувств», когда речь заходила о театре и политике. Как установлено работами П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, В. Семевского и др., «Зеленая Лампа» была в большой степени организацией политической — вольным филиалом Союза Благоденствия. (см. *П. Щеголев*, «Зеленая Лампа», П-н и с.» в. VII; *В. Семевский*, «Р. Б.», 1908; *Б. Л. Модзалевский*, К истории «Зеленой Лампы», в сборнике «Декабристы и их время», т. I, М., 1928, с. 11 — 61. Ср. его же статью о Я. Н. Толстом, «Р. Ст.», 1899; *М. Фоназин*, «Общ. движения, в России в первую половину XIX в.», т. II, 1905, и др.).

«ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПРЕМУДРОСТИ».

Обычно именуемое в литературе салоном, «Общество Любителей Словесности и Премудрости» (оно же «Вольное Общество Премудрости и Словесности», «О-во любителей словесной деятельности и премудрости», «Сословие Друзей Просвещения» и т. д.) на самом деле должно быть отнесено к числу кружков. Налицо следующие характерные и обязательные для кружка признаки: определенная программа, регулярные заседания (протоколы), строго раз навсегда определенный состав и т. д. Можно говорить, и то очень условно, о салонном характере кружка, собиравшемся у молодой женщины, оживлявшей и вдохновлявшей деятельность этого полушутливого, даже полуэротического общества.¹

Общество основано 10 или 22 июня 1821 г. (см. упоминание в «Благонамеренном» *Измайлова*, 1821, XI — XII, с. 194—195, и *А. А. Веселовский*, Сословие друзей просвещения, «Р. Библ.» 1912, № 4, с. 58 сл.), но, повидимому, дружеские собрания литераторов в квартире Софии Дмитриевны Пономаревой (1800 — 1824 гг.) происходили и раньше. Эти десять человек, составившие общество, следующие: 1) С. Д. Пономарева (председатель-попечительница общества, псевдоним Мотылков), 2) А. И. Пономарев (ее муж, секретарь, псевдоним Беседин), 3) А. Е. Измайлов (Баснин), 4) В. И. Панаев (Аркадьин), 5) Н. Ф. Остолопов (Словарев), 6) Д. М. Княжевич (Сословин или Сословов), 7) О. М. Сомов (Арфин), 8) П. Л. Яковлев (Узбек), 9 — 10) бр. Княжевичи (Софнин и Юльин, вступившие в общество с 3-го заседания). Первоначально число членов было ограничено 6 — 7 лицами, однако, после переименования общества из «Общества Любителей Словесности и Премудрости» в «Сословие Друзей Просвещения» на третьем заседании 16 августа 1821 г. число членов стало неограниченным. После этого на собраниях стали иногда бывать Дельвиг и Баратынский.² К тому же

¹ Один список посвященных С. Д. стихотворений достигает по подсчетам М. Мазаева («Дружеское Литературное Общество», СПб., 1892, с. 7 — 8) 40 названий семи или восьми авторов.

² Второе заседание общества было 15 июля 1821, четвертое 14 октября, пятое 16 ноября, шестое 21 декабря и т. д., т. е., примерно, раз в месяц.

времени следует отнести и имена Гнедича, Куницына, археолога Негри, Батюшкова, Плетнева и некоторых других. Ошибочно, повидимому, указание Н. Д. Дризена о том, что в салоне бывал Пушкин (ср. *И. Кубасов, А. Е. Измайлов, П.*, 1901, с. 19 сл.).

Общество вело протоколы своих заседаний, дошедшие до нас и находящиеся в настоящее время в Пушкинском Доме. Любопытна удавшаяся попытка общества захватить в свои руки журнал. «Благонамеренный» Измайлова стал в сущности органом общества; он характеризовал, правда, не единство направления (в борьбе карамзинистов и архаистов, например, журнал не играл никакой роли), а только личность редактора. В архиве «Благонамеренного» в Пушкинском Доме сохранился целый ряд интересных пометок, показывающих, насколько журнал Измайлова зависел от кружка Софии Дмитриевны Пономаревой. На целом ряде читанных в обществе произведений находим резолюции вроде: «предлагаю предать тиснению», «не одобрено», «предложить рассмотреть общему собранию членов» и т. д. и т. д.

Члены общества были, так сказать, «организационно оформлены» и подчинялись по уставу строгой дисциплине: не говоря о строго определенной программе собраний (чтение и обсуждение произведений членов), общество ограничивало кое в чем их свободу. Так, например: «Читанные в Сословии сочинения и переводы могут быть печатаемы в периодических изданиях, но только с согласия целого Сословия и под теми именами, которые приняты членами в сем обществе» (*А. Веселовский, с. 62*).

Общество имело свою печать (или во всяком случае ее проект): семь звезд (первоначальное число членов) с Минервой (Софией Дмитриевной) посредине.

Исследователи склонны сильно преуменьшать значение общества. А. Веселовский (с. 65) доходит даже до того, что считает его просто забавной литературной игрой, не имеющей никакого значения. Это—преувеличение. То, что Веселовский считает только шуточной игрой, является характерным для того времени оформлением. Мы не хотим утверждать руководящей роли общества в литературе, однако оно любопытно для исследователя, как явление для того времени типовое. Можно было бы назвать еще целый ряд таких

кружков и салонов, в которых шутливая, разгульная или эротическая обстановка переключалась в литературу. Таковы, например, кружок Нелидова, вечера Толстого-Американца, наконец, Зеленая Лампа и Арзамас. Софья Дмитриевна умерла 4 мая 1824 г., и тогда же кружок окончил свое трехлетнее существование.

ЧЕТВЕРГИ РАИЧА И СУББОТЫ ЛЮБОМУДРОВ

Раич и любомудры находятся в несколько запутанных отношениях. Обычно принято считать, что любомудры отделились от основного Раичевского кружка, образуя особую группировку (ср. *Н. Колупанов*, Биография А. И. Кошелева, М., 1889, т. I, кн. II, с. 72). Однако, о размежевании кружков говорить трудно, так как члены кружка любомудров принимают активное участие в работах кружка Раича (Одоевский, Кошелев, И. В. Киреевский), и, наоборот, ряд членов кружка Раича, не называемых Кошелевым в числе членов кружка любомудров, несомненно бывал на субботах у любомудров; например, А. С. Норов, М. А. Максимович (ср. письмо А. С. Норова, *Н. Колупанов*, Биография Кошелева, т. I, кн. I, с. 72, и письмо Погодина М. А. Максимовичу, «Юбилей Максимовича», Киев, 1871, с. 65). Н. Барсуков сообщает, что Погодин держался несколько в стороне от общества любомудров (Жизнь и Труды Погодина, т. I, с. 303), но это отдаление еще далеко от той «тайны», о которой пишет Кошелев («другое общество собиралось тайно и о его существовании мы никому не говорили», *А. И. Кошелев*, Записки, Berlin, 1884, с. 11). Взаимное проникновение членов одного кружка в другой несомненно существовало, хотя формально это были два независимых объединения. Кружок Раича собирался в доме Муравьева на Б. Дмитровке, а позже в доме Рахманова у Никитского монастыря, в то время как кружок любомудров собирался у Одоевского в Газетном переулке. У Раича кружок собирался по четвергам (ср. *С. Е. Раич*, Автобиография, «Р. Библ.», 1913, № 8, с. 28 сл., ср. также *М. П. Погодин*, Дневник, т. II, запись 5 мая 1823 г., Рукопись Библ. им. Ленина), а любомудры по субботам (ср. письмо А. С. Норова к А. И. Кошелеву от 14 июня 1825 г., *Н. Колупанов*, Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. II, с. 72 сл.). Таким

образом, это было два объединения, взаимно проникающих одно в другое. Вероятно, это и дало повод М. П. Погодину в письме к Голицыной от 15 марта 1823 г. писать: «У нас составилось общество друзей. Собираемся *раза два* в неделю» (*Н. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. I, с. 212*).

Оба кружка возникли, как сообщает А. И. Кошелев (*Записки, Berlin, 1884, с. 11*) и как допускает П. Сакулин (*Из истории русского идеализма, М., 1913, т. I, кн. I, с. 103—104*), одновременно. Основание кружков датируется обычно 1823 г. (*Н. Колупанов, op. cit., т. I, кн. II, с. 60 сл.; П. Сакулин, op. cit., т. I, кн. I, с. 103 сл.; Н. Барсуков, Жизнь и Труды Погодина, 1889, т. I, с. 163 и 212*). Датировка эта, повидимому, ошибочна. Членство Ф. И. Тютчева, уехавшего из Москвы в Петербург и далее за границу — летом 1822 г. (ср. «*Р. А.*», 1874, 10, с. 44), изданный кружком Раича альманах «*Новые Аониды на 1823 год*» с цензурной пометой «9 января 1823 года», ряд ссылок на точно датированные факты,¹ — все это убеждает нас, что кружок Раича основался в 1822 г. Конечные даты обоих кружков даны Раичем («*Р. Библ.*», 1913, 8, с. 28—29) и Кошелевым (*Записки, 1884, Berlin, с. 11 — 12*): это конец 1825 г., когда декабрьские события и продолжительный отъезд Раича привели к уничтожению кружков как организаций. Возникновение кружков Раича и любомудров никоим образом нельзя считать случайным. В 20-х годах в Москве среди молодежи, вошедшей в кружки Раича и любомудров, было много кружков. Существовали литературные беседы Мерзлякова, которые деятельно посещали Д. В. Веневитинов и В. Ф. Одоевский — основное ядро будущего кружка любомудров (ср. *А. Пятковский, Биография кн. В. Ф. Одоевского, И. В.*, 1880, т. I, с. 512). Бывали философские собрания и у Галича, одного из первых шеллингианцев в русской эстетике (ср. *А. В. Никитенко, Записки и Дневник, т. I, с. 252, 259*). Среди университетской молодежи, в частности вокруг будущего любомудра Н. М. Рожалина, также

¹ Так, М. П. Погодин сообщает, что Одоевский вступил в кружок Раича одновременно со своими статьями в «*Вестнике Европы*» («*В память о кн. В. Ф. Одоевском*», М., 1869, с. 49). Но первая статья Одоевского — о музыке — в этом журнале появилась в 1822 г. (№ 11, с. 302). По смыслу цитаты Раича, кружок был основан «вскоре после перевода *Виргилиевых «Георгики»*», (см. текст), которые вышли в свет в 1821 г.

собирался философский кружок, а М. П. Погодин старался организовать в Университете студенческий переводческий кружок и беседовал о нем с Антонским и Мерзляковым (см. записи в его дневнике от 23, 25 и 27 ноября 1823, Рукопись Библ. им. Ленина). Н. А. Полевой, выйдя из Раичевского кружка, устроил вечера, на которых бывали Вяземский, Боратынский, Мицкевич, Одоевский, И. В. Киреевский и др. (*Н. Колотанов*, Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. II, с. 65). Но самое активное ядро членов кружков Раича и Любомудров выковалось на школьных скамьях Университетского Благородного Пансиона (В. Ф. Одоевский, В. П. Титов, С. П. Шевырев) и среди частных учеников Мерзлякова (А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов и др.). В Московском благородном пансионе существовало еще основанное Жуковским литературное общество в выпускном классе, а Шевырев организовал литературный кружок и в младших классах (ср. *С. П. Шевырев*, А. А. Проккопович-Антонский, Воспоминание, М., 1848, с. 14 сл.).

Кроме того, существенную роль в организации Раичевского кружка и кружка Любомудров сыграл, может быть, даже неоформленный кружок все той же философски настроенной молодежи, в составе И. В. Киреевского, Д. В. Веневитинова, А. И. Кошелева, Н. М. Рожалина, В. Ф. Одоевского, В. П. Титова, С. П. Шевырева, Н. А. Мельгунова и др. (*А. И. Кошелев*, Записки, с. 8 сл.).

Помимо кружков, так сказать, по линии академической, был и кружок по линии служебной. Мы находим интересующую нас группу, по выходе ее со школьных скамей (в среднем 1823 г.), в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел, куда в эти годы стекалась не желающая служить в армии культурная дворянская молодежь (ср. *Ф. Ф. Вигель*, Записки, М., 1891, ч. I, с. 159 — 160) и где в это время собрались бр. Веневитиновы, Шевырев, А. С. Хомяков, бр. Киреевские, Мельгунов, Титов, Кошелев, Мальцев, Соболевский и др. (*А. И. Кошелев*, Записки, с. 10 — 11; *М. П. Погодин*, Воспоминание о Шевыреве, «ЖМНП», 1869, 2, с. 399), устроившие оригинальный литературный кружок в служебное время.¹

¹ Они писали сказки, причем каждый должен был написать главу, не зная, что скажут в следующей главе другие. В кружке принимали участие и Э. А. Волконская (*А. И. Кошелев*, *ib.*; *М. Веневитинов*, К био-

Любопытный вопрос представляет литературная позиция кружков Раича и любомудров. С одной стороны, отрицательный отзыв Шишкова о стихах Раича (*А. С. Шишков*, Записки, 1870, с. 349—353 и 411—412), связь Раича с И. И. Дмитриевым, самое название первого выпущенного кружком альманаха «Новые Аониды» (признанное в предисловии подражанием «Аонидам» Карамзина),—все это говорит о карамзинистской традиции главы кружка. Но, с другой стороны, мы находим там архаистов: А. И. Писарева, А. А. Шаховского и М. А. Дмитриева, резко выступившего против «романтизма» Пушкина. Сохранился любопытный отголосок той, повидимому, внутрикружковой борьбы, которую вели обе традиции. Поклонник Мерзлякова, Погодин возражал против поэтики Раича, защищаемой Тютчевым¹ (ср. *Н. Барсуков*, Жизнь и труды Погодина, т. I, с. 163). Традиция любомудров неясна с самого начала. На школьной скамье они добросовестно повторяли дидактические положения Мерзлякова (ср. выпускную речь Шевырева «О влиянии поэзии и красноречия на счастье гражданских обществ», «В. Е.», 1823, апрель, 8, с. 249 — 250), а вскоре по выходе из Московского благородного пансиона начали бороться с ними (ср. статью того же Шевырева в «Моск. Вестн.», 1828, ч. 7, № 1, с. 68—69, «Обозрение русской словесности за 1827 г.»).²

Занятия в кружках шли по двойной линии: переводческой и оригинальной. В кружке Раича переводили следующее: Погодин перевел из Тита Ливия «Софонизбу», из Овидия «Ниобу», из Цицерона некоторые отрывки (совместно с Кубаревым). Он же переводил из Аста, из Шатобриана и речь Шеллинга об искусствах. Кроме того, он переводил из Батте, Маккиавелли и Вернера (ср. *Н. Барсуков*, Жизнь и труды Погодина, т. I, с. 217, 248, 303, и записи в дневнике Погодина

графини поэта Д. В. Веневитинова, «Р. А.», 1885, № 1, с. 119 — 120; *Н. Колупанов*, Биография Кошелева, т. I, кн. II, с. 60 сл.; *Н. Барсуков*, Жизнь и труды Погодина, М., 1889, т. II, с. 37; *Н. Белозерская*, кн. З. А. Волконская, «И. В.», 1897, № 3, с. 959.

¹ Повидимому, Погодин очень скоро переменял свои взгляды, так как в дневнике его встречаются замечания вроде «чудны стихи Сем[ена] Егор[овича] Раича», ср. запись 1 октября 1823 г., Дневник *М. П. Погодина*, Рукопись Библ. им. Ленина в Москве.

² Статья не подписана. О принадлежности ее Шевыреву ср. *Н. Козьмин*, Очерки по истории русского романтизма, с. 338.

от 7 декабря 1823 и 20 ноября 1824 г.; М. П. Погодин, Дневник, т. II, Библ. им. Ленина). Кошелев переводил из Фукидида и Платона (Записки, Берлин, 1884, с. 11), с греческого переводил и Шевырев (*Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 217), Муравьев переводил из Тита Ливия и из «Энеиды» Виргилия (ср. «Р. А.», 1876, 7, с. 357), а Одоевский перевел первую главу из «Натуральной Философии» Окена «О значении нуля, в котором успокаиваются плюс и минус», (*Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 217). Переводческая деятельность кружка протекала, повидимому, не планомерно, потому что Погодин часто задумывается в своем дневнике, что бы такое переводить. В своем письме кн. Голицыной Погодин так говорит о переводческой деятельности кружка: «У нас положено, между прочим, перевести всех греческих и римских классиков и перевести со всех языков лучшие книги о воспитании, и уже начаты Платон, Демосфен и Тит Ливий» (*Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 212).

Переводческая деятельность кружка Раича была, повидимому, очень важной частью его занятий, но не исключала и оригинального творчества своих членов. Кс. Полевой довольно пренебрежительно отзывается об этой стороне занятий кружка: «Общество... читало в своих собраниях стихишки и прозаические статейки членов» (Записки, с. 110). Вероятно все же, это пренебрежение преувеличено. Ряд современников и членов кружка говорит об этом в другом тоне. А. Н. Муравьев вспоминает о кружке Раича, как об обществе «для чтения лучших русских авторов¹ и для критического разбора собственных наших сочинений» (Знакомство с русскими поэтами, Киев, 1871, с. 5). Раич тоже указывает на критическое отношение кружка к произведениям своих членов: «Здесь читались и обсуживались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, английского, итальянского, немецкого и редко французского языков» («Р. Библ.», 1913, № 8, с. 28). В том же духе говорят о занятиях и другие источники. Стихотворения С. П. Шевырева,

¹ Это относится, повидимому, к 1822 г., т. е. к начальной деятельности кружка, закончившейся альманахом «Новые Аониды». В мае 1823 г. Муравьев уже уехал из Москвы в Петербург (ср. «Р. Об.», 1895, № 5, с. 59).

Д. П. Ознобишина, М. А. Дмитриева, А. И. Писарева, может быть даже Погодина, несомненно читались и разбирались в этом кружке. К этому следует прибавить, что предисловие альманаха «Новые Аониды» показывает систематическое ознакомление с современной русской литературой. Надо также вспомнить, что «Бахчисарайский Фонтан», вышедший в свет 10 марта 1824 года (ср. *Н. Снявский* и *М. Цяеловский*, Пушкин в печати, с. 18) был прочитан в кружке Раича еще 29 ноября 1823 г. и произвел там, повидимому, неблагоприятное впечатление (Погодин записал в дневнике: «Вздор», ср. *Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 248 сл.); таким образом, резкая полемика М. А. Дмитриева, также члена кружка Раича, с П. А. Вяземским по поводу «Бахчисарайского Фонтана», может быть, опирается на эстетическую установку всего кружка. Толки о Таците (*Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 248), о Платоне (*Погодин*, Дневник, запись 1 апреля 1823 г.), о греках (*ib.*, 8 мая), о единствах в драме (*ib.*, 1 апреля), о Ломоносове (*ib.*, 15 ноября), об античной мифологии (*Н. Барсуков*, *op. cit.*, т. I, с. 248 — 251) и о мифологии, так сказать, суеверной (разговоры о предчувствиях, о силах душевных) (ср. *Погодин*, Дневник, запись 2 декабря 1823 г.), интерес к романтической немецкой философии, в частности к Шеллингу, — все это показывает пересмотр традиционных карамзинистских и архаистских литературных систем. В плане исканий новых литературных основ становится понятной и постоянная тяга к журналу, как в кружке Любомудров, памятником которой является статья Д. В. Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала» (ср. *А. Пятковский*, О жизни и сочинениях Д. В. Веневитинова; *Д. В. Веневитинов*, Соч., изд. 1862, с. 15 — 16), так и в кружке Раича, как это видно из многочисленных записей в дневнике Погодина. ¹ «Новые Аониды», «Мнемозина», «Уrania», «Гермес», «Северная Лира», «Московский Вестник», «Галатейя», «Европеец» и «Московский Наблюдатель» — вот линия альманахов и журналов, которые, конечно, не мо-

¹ У нас нет ни одного прямого указания на то, что Д. В. Веневитинов бывал в кружке Раича, но это допустимо. Поэтому было бы осторожнее не утверждать, что оба кружка порознь стремились к журналу, но очевидно, что тяга к журналу была в обоих кружках.

гут считаться кружковыми органами, но которые с этими кружками тесно связаны.

Статьи А. В. Веневитинова о единствах в драме, рассуждения Раича о дидактической поэзии, статья о ритмике Кубарева, наконец, ряд статей Одоевского, Д. В. Веневитинова, Шевырева и др., так или иначе направленных против Мерзлякова, — вот факты уже чисто литературного порядка, поддерживающие взгляд на кружок Раича и Любомудров, как на место, где выработывалась новая литературная система, шире — новая эстетика, вошедшая в русскую литературу уже к 30-м годам.

Кружок Н. В. Станкевича и В. Г. Белинского

Николай Владимирович Станкевич (1813 — 1840) известен прежде всего и, пожалуй, единственно, как глава известного кружка его имени. Если бы не этот кружок и его роль в истории литературы, имя Станкевича, пожалуй, не сохранилось бы вовсе. Сам он написал драму «Скопин-Шуйский», несколько слабых повестей и стихотворений. И только. «Станкевич, — писал о нем в свое время Белинский, — один из тех замечательных людей, которые не всегда бывают известны обществу, но благоговейные и таинственные слухи о которых переходят иногда и в общество из кружка близких к ним людей». Белинский и сам был один из членов кружка Станкевича.

В организации кружка определяющим моментом были годы студенчества Н. В. Станкевича (1831 — 1834). Кружок Станкевича, занятый вопросами отвлеченной философии (гегелианство), эстетики и литературы, должен быть противопоставлен кружку Герцена, в котором социально-политические интересы стояли на первом плане. Кружки эти, если не враждовали открыто, то находились между собою в неприязненных отношениях (подробнее см. в тексте). Кружок Станкевича не мог возникнуть раньше 1831 г. (дата поступления Станкевича в Университет), он перешел в кружок Белинского в 1837 г., когда Станкевич уехал за границу пополнить свое образование и лечиться от начинавшейся чахотки. Кружок Станкевича составляли: Грановский, Неверов, С. Строев, Красов, Ключников (они вошли в кружок позд-

нее, примерно, в 1834 — 1835 г.), Белинский, Боткин, Федоров, Катков (недолго), К. Аксаков, А. Кольцов, М. Бакунин.

Кружок Белинского вырос из недр кружка Станкевича, после того как Станкевич в 1837 году уехал за границу. К кружку примкнули также некоторые члены кружка Герцена, после того как Герцен был сослан и самый его кружок прекратил свое существование. Объединению много способствовало и развитие славянофильства, заставившее теснее сплотиться всех так называемых западников.

Собственно у Белинского никогда не было кружка такого, какие были в первой трети XIX в. Его квартиры, тесные и бедные, представляли мало удобств для собраний членов кружка. Не существовало и никакого устава, ни твердого и неизменного списка членов, ни программы коллективных занятий. Связь между членами поддерживалась больше дружбой, взаимной любовью и общими философскими, философско-историческими, эстетическими и литературными интересами. Формы этого кружка показывают уже наступающее смешение видов литературных объединений: по своему типу они приближаются уже к тому, что раньше называлось вечерами.

Эту эволюцию кружка надо поставить в связь со все растущей ролью идеологических моментов для литературной работы. Журналы принимают определенные и твердые идеологические направления. Русское общество, а с ним и литераторы, начинают делиться на западников и славянофилов. Литературная критика приближается к публицистике. Взамен общего понятия «словесности» распространяются термины «литература» и «беллетристика», различающиеся уже именно ролью идеологических моментов в них. Писатели и поэты в своих художественных произведениях так или иначе подчеркивают мысль, как конструктивное начало своей работы.

В связи с этим и литературные объединения начинают различаться по своему идеологическому признаку. Кружок Белинского в этом отношении очень характерен. Его члены живут и в Москве, и в Петербурге. Его собрания происходят и у Бакунина, и у Панаева, и в других местах, где придется. На собраниях читаются произведения членов (например, статьи Белинского в ранний период кружка), ведутся

жаркие споры на философские темы (например, о «разумной действительности» Гегеля), производится пересмотр литературных ценностей (например, В. П. Боткин пропагандирует Шекспира). Однако есть много оснований заподозрить *коллективность* работы кружка. Так, у Белинского чрезвычайно развито чувство литературной собственности. Еще будучи в кружке Станкевича, он заботливо охраняет свою самостоятельность и, высказывая какую-нибудь мысль, подчеркивает ее *принадлежность* ему. Приглашенный А. А. Краевским сотрудничать в «Отечественных Записках», он, между прочим, выговаривает себе право подписывать свои статьи, не смешивая их с другими статьями журнала. Это четкое представление о литературной собственности должно было отразиться и на работе кружка и на отдельных его членах. Вряд ли кружок Белинского можно назвать коллективом; для самого Белинского — быть может бессознательно — кружок являлся даровым лектором по немецкой философии. Не владея иностранными языками, Белинский из бесед и споров в кружке извлек знакомство с философией Гегеля (ср. *И. С. Тургенев*, Воспоминания о Белинском, Соч., изд. 1898, т. XII, с. 23).

Кружок приближался более к монологическому типу. Белинский был не самым деятельным, но самым видным членом кружка, его вождем. Остальные члены находились под обаянием его личности. Нельзя, конечно, говорить об эксплуатации кружка Белинским. Это было бы, пожалуй, и грубо и неверно, тем более, что сильное влияние некоторых членов кружка, например, Бакунина, Белинский несомненно испытал. Но налицо моменты использования кружка в своих нуждах и тщательная охрана своей литературной собственности. Эти моменты передались и другим членам, да и всему кружку в целом. Журнал «Современник» в руках Панаева и Некрасова и место Белинского в нем; борьба старых членов кружка против молодых сотрудников журнала, Дружинина и Чернышевского, на стороне которых был Некрасов, наконец, разрыв кружка с Достоевским, Тургеневым, Фетом и др., — все эти по меньшей мере родственные явления, объясняемые отчасти идеологическими расхождениями, являются также и продуктами все более и более развивающегося в русской литературе понятия индивидуальной литературной собственности.

Кружок Белинского, сложный по своей структуре и по взаимоотношениям своих членов, чрезвычайно важный для истории литературных объединений именно вследствие своеобразного декаданса традиционных литературно-бытовых явлений первой половины XIX века, требует самостоятельного исследования. В нашей книге мы старались лишь представить его в общих чертах и наметить те линии, по которым должно пойти изучение кружка Белинского, стоящее особой монографией.

Салон А. Н. Оленина

Салон директора Публичной Библиотеки, президента Академии Художеств, члена Российской Академии Наук, Алексея Николаевича Оленина (1763 — 1843) возник, повидимому, в конце первого десятилетия XIX века. По крайней мере самая ранняя из известных нам дат, констатирующих наличие салона, относится к декабрю 1808 г. (см. *К. Батюшков*, Соч. п/р. Л. Майкова, т. III, с. 25). Трудно сказать, когда салон окончил свое существование, скорее всего во второй половине 30-х годов. По крайней мере в IV главе своих воспоминаний *В. А. Соллогуб*, бывавший у А. Н. Оленина в 30-х гг., описывая великосветские кружки и салоны Петербурга начала 40-х годов, ни одним словом не обмолвился о салоне Оленина. Повидимому, в это время собрания уже прекратились. Умер Оленин в 1843 г.

Точно определенных *jeu-dixé*'ов у Олениных, повидимому, не было. Собирались почти ежедневно к обеду и засиживались порою до поздней ночи в дружеской беседе, шутках и критике произведений близких друзей дома — художников, музыкантов, писателей и т. д.

Состав обычных или случайных посетителей салона, кроме названных в тексте лиц, может быть еще пополнен именами художника-археолога Ф. Г. Солнцева (см. его Воспоминания в «Р. Ст.», 1876, № 3, с. 619 — 620), К. Н. Батюшкова (см. *Ф. Вигель*, Записки, т. II, ч. III, с. 134), Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Грибоедова, Лобанова (см. *Батюшков*, Соч. т. III, с. 660) и гр. В. А. Соллогуба (см. его Воспоминания в «Р. А.» за 1865 г. и отдельной книгой). Центральными, постоянными посетителями салона, задававшими, так

сказать, тон, были, кроме дилетанта-искусствоведа хозяина, повидимому, Гнедич и Крылов (о Гнедиче см. в письме Д. Н. Блудова к И. И. Дмитриеву в кн. *Е. Ковалевского*, Блудов и его время», П., 1866, с. 236, и *Загарин*, В. А. Жуковский etc., М., 1883, с. 190).

Если верить А. О. Смирновой (см. ее Воспоминания в «Б. д. Чт.», 1859, III — IV), Пушкин в 8-й главе «Евгения Онегина» описал салон Олениных и встречу с ней.

Но вот толпа заколебалась,
По зале попот пробежал...
К хозяйке дама приближалась
И с нею важный генерал... и т. д.

Стр. XIV, XV. гл. 8.

Литературная позиция и значение салона Оленина, объединявшего значительную группу образованнейших людей своего времени, все же не должны быть переоценены. Следует твердо помнить, что салон Оленина — салон дилетанта и эклектика, не имевшего твердых убеждений в вопросах литературы и искусства, хотя и обладавшего тонким вкусом. Отсюда — широкая терпимость салона; «жил мирно и с Шипковым и с Карамзиным», констатирует А. В-н (Пыпин). Чрезвычайно трудно было бы характеризовать вкусы салона. Так, одно из немногих дошедших до нас свидетельств говорит только о том, что Шиллер не пользовался в нем симпатиями (*К. Н. Батюшков*, Соч. п/р. Л. Майкова, т. III, с. 599). Но и этого нельзя утверждать с полной категоричностью.

Салон З. А. Волконской

Одна из замечательнейших русских женщин, Зинаида Александровна Волконская (1792 — 1862), обращала на себя общее внимание как своих современников, так и позднейших поколений. К сожалению, мы не имели возможности привести весь характеризующий ее материал, как, впрочем, не могли привести всего собранного нами материала и о других кружках и салонах, помещенных в книге.

З. А. Волконская получила французское воспитание и на русском языке изъяснялась не безгрешно. В сохранившейся коллективной повести архивных юношей «Пампушки», в

которой З. А. Волконской принадлежит несколько страниц, ее часть прямо испещрена поправками Шевырева (ср. «Р. А.», 1885, 1, с. 119 — 120). Тем не менее, Волконская принимала близкое участие в литературной жизни 20-х годов, и страницы любого журнала были открыты для нее. Ее стихи, отрывки из путевых записок (она много путешествовала), кое-какие статьи появлялись и в «Московском Телеграфе», и в «Московском Вестнике», и в «Галатее», и в «Дамском Журнале», и в «Литературной Газете» и в альманахе «Северные Цветы», а позже (повидимому, через Шевырева) в «Московском Наблюдателе». Иногда возникала вокруг нее даже полемика. Так, в связи с переводом ее *Tableau Slave* в «Дамском Журнале» 1825 г. (вышло и отдельно, М., 1825 и 1826), возникло небольшое препирательство между этим журналом и «Северной Пчелой» и «Сыном Отечества», органами Булгарина и Греча. Пушкин посвятил ей Цыган. Баратынский, Мицкевич, Козлов, Шевырев, Д. В. Веневитинов, И. Киреевский, Н. Павлов, А. Писарев (позднее Некрасов) воспевали ее в своих стихах. Все это показывает, насколько значительно было место З. А. Волконской в культурном обществе Москвы 20-х годов.

Салон ее просуществовал около 5 лет (с 1824 до начала 1829), которые Волконская прожила в Москве. Это был салон, целиком посвященный искусству. Поэзия, живопись, музыка, скульптура одинаково культивировались тут. Волконская украшала свой дом оригиналами и копиями лучших произведений искусства. Отсюда, вероятно, возник и ее более поздний проект эстетического музея (напечатан в «Телескопе», 1831, ч. III, с. 385 сл.), судьбу которого вскрывает переписка Погодина с Шевыревым («Р. А.», 1882, III, с. 141 сл., 151 и др.), а также ряд неопубликованных еще архивных материалов, хранящихся в Гос. Публичной Библиотеке и в Пушкинском Доме в Ленинграде. Культ высокого чистого искусства отчасти определил и состав салона: это Пушкин, его литературные друзья и любомудры. Кружок любомудров сам разделял такой же культ высокого искусства. Что до Пушкина, то его отношение к этому культу значительно более сложно и требует специального углубленного анализа. Возможно, что стихотворение «Чернь» явилось не без участия салона; но крайней мере связь этого стихотворения с

любомудрами, как ее пытались установить старое литературоведение, теперь, после некоторых новых находок (письмо Пушкина к Дельвигу, «Литературные Портфели», I, «Атеней», 1923, с. 80 сл.), должна считаться окончательно неудавшейся. Впрочем, такие пушкинисты, как Н. Лернер, возражали против этой связи уже давно (см. его «После ссылки в Москве», соч. Пушкина, изд. Брокгауза, т. III, с. 341 сл.) Салон же Волконской, пользовавшийся большим вниманием Пушкина и его ближайших литературных друзей, возможно, связан с этим стихотворением более или менее тесными узами.

Салон А. П. Елагиной

Салон Авдотьи Петровны Елагиной¹ (1789 — 1877) один из значительнейших и интереснейших салонов, сыграл не малую роль в истории русской общественной жизни, в частности в истории славянофильства. Салон Елагиной наиболее типичен для всей группы тесно связанных между собою и переплетавшихся московских славянофильских салонов и кружков. Елагины переехали в Москву в 1821 г., и Авдотья Петровна вскоре оказалась близкой к кружкам любомудров, Раича и Н. А. Полевого. Связана с этими кружками она была через своего сына И. В. Киреевского. К тому же времени (1825 г.) относится и возникновение салона Елагиной. Число посещавших этот салон в последующие годы очень значительно. Состав посетителей салона был вообще текучий. Назовем главные имена: А. И. Тургенев, Хомяков, Чаадаев, Гоголь (с 1838 г.), Герцен (40-е годы), Самарин, Попов, К. и И. Аксаковы, Огарев, Свербеев, Сатин, Кавелин, М. Орлов (1831 или 1832 г.), И. и П. Киреевские, Грановский, Валуев, Вигель, бр. Бакунины и целый ряд других. Популярность салона Елагиной была столь велика, что почти всякий иностранец считал своим долгом побывать у Елагиной и засвидетельствовать ей свое почтение. Во второй половине 40-х гг. салон начал хиреть и вскоре и вовсе окончил свое существование. (В 1846 г. умер А. А. Елагин, муж Авд. Петровны, несколько

¹ Авдотья Петровна Елагина, жена В. И. Киреевского, мать И. В. и П. В. Киреевских. Елагина — ее фамилия по второму браку. Она, кроме того, побочная племянница Жуковского и сестра известной в свое время писательницы А. П. Зонтаг (1735 — 1864).

раньше ее сыновья и дочери от второго брака; вскоре А. П. переселилась в Дерпт, где и умерла в 1877 г.)

Салон сыграл большую роль в объединении славянофилов; он способствовал выработке их взглядов и идеологии, и, что очень важно, явился школой, воспитавшей поколение молодых славянофилов из круга университетской молодежи — друзей бр. Киреевских (см. об этом в тексте). Постоянными посетителями салона были также Чаадаев, Герцен, Грановский и др., и их появление вызывало долгие и страстные споры, «где кончали в 4 ч. утра, начавши в 9 ч. вечера».

А. И. Кошелев в воспоминаниях о Хомякове («Р. А.», 1879, 3, с. 266 — 268) подробно перечисляет затрагиваемые в салоне темы и характер собраний. Читались статьи, которые не могли по цензурным соображениям печататься. Беседовали главным образом о философии и вере, но возбуждались и политические вопросы, например, вопрос об освобождении крестьян с землею. Много говорили о быте русского народа, о его воззрениях (религиозных и общественных). В эпоху Александра II группа эта стала издавать «Русскую беседу».

САЛОН Е. А. КАРАМЗИНОЙ

Точно указать год основания салона Карамзиных трудно; салон этот вырос, повидимому, из семейной обстановки самого Н. М. Карамзина, поддерживавшего дружеские сношения со своими литературными последователями — с Жуковским, Вяземским, лицеистом Пушкиным, со всем Арзамасом (ср. П. А. Вяземский, Соч., т. X, с. 245). Дом Карамзиных принимает характер салона уже после смерти Н. М. Карамзина (1826), когда его друзья стали группироваться вокруг его вдовы, Екатерины Андреевны Карамзиной (1780 — 1851) и его дочери от первого брака, Софии Николаевны (1802 — 1856), которые жили в 30-х годах в доме Голенищева-Кутузова на быв. Михайловской площади, рядом с бывш. Михайловским театром, ¹ а позже, в 40-х, — на Моховой ул. в доме Бибикова. ² Салон Карамзиной продолжал существовать до

¹ Ср. «Р. Ар.», 1868, с. 633; Карамзины жили в 3-м этаже, первые два этажа занимали Виельгорские, у которых также был салон. Теперь дом этот (пл. Лассаля, 3) занят Центральной библиотек. Политпросвета.

² Ср. «И. В.», 1888, 34, с. 100.

самой смерти Екатерины Андреевны, т. е. до 1851 года. Таким образом, можно считать, что салон Е. А. Карамзиной существовал около 25 лет. Однако наибольший расцвет его, его основное значение как одного из культурнейших очагов петербургской жизни можно распространить только на вторую половину 20-х и на 30-е годы.

На эти годы падает ожесточенная борьба аристократического и торгового направления в русской литературе. Борьба эта, выразившаяся в полемиках, в журнальных склоках, захватившая помимо литературы и критику и театр, отразилась и на литературном быте, в частности на жизни кружков и салонов, заставляя каждый из них принять определенную ориентацию на то или иное направление. Если на вечерах Н. И. Греча, А. Ф. Воейкова, О. И. Сенковского, Н. В. Кукольника и др., несмотря на жестокую вражду этих литераторов друг с другом, собирались писатели торгового направления, если салон В. Ф. Одоевского стремился сблизить аристократов с писателями-разночинцами, то в салон Е. А. Карамзиной допускались только аристократы.¹

Основное литературное ядро Карамзинского салона состоит из бывших арзамасцев и из бывших любомудров. Приведенные в тексте мемуары упоминают Жуковского, Пушкина, Блудова, А. И. Тургенева, Дашкова, Вяземского, Полетику, т. е. бывших членов Арзамаса, к этому времени разделившихся уже на две группы: старших и младших карамзинистов (ср. Ю. Тынянов, Пушкин и арханглы, сб. «Пушкин в мировой литературе», Л., 1927). Вместе с Пушкиным в салон вошли и Плетнев и Соболевский, возможно, и Дельвиг, представители младшего карамзинизма, не связанные с Арзамасом.

Связь любомудров — Одоевского, Кошелева, Титова — с Карамзиным значительно сложнее. Литературная физиономия их была скорее враждебна карамзинизму. Если все же и ка-

¹ Разумеется, речь идет не о писателях, аристократах по рождению, но о писателях, занимавших литературно-аристократические позиции. В. А. Соллогуб, впрочем, вспоминает, что салон Карамзиной посещали Глинка, Даргомыжский и Брюллов (Воспоминания, II, 1887, стр. 208—209), связанные более с торговым направлением. Все же как принцип, аристократическое направление этого салона несомненно, тем более, что редкий салон вызывает такое единодушное отзыв о себе.

рамзинисты и любомудры мирно уживаются в салоне Карамзиной, то это означает, что в конце 20-х и в начале 30-х годов дифференциация поэтических стилей играла значительно менее активную роль, чем дифференциация социальная. Тут изменился критерий литературных направлений. Объединенные литературным аристократизмом, обе группы, несмотря на различие своих традиций и своих литературных целей, совместно боролись против писателя-коммерсанта, писателя-издателя (Булгарин, Греч, Воейков, Полевой) под знаменем «Литературной Газеты», созданной Пушкинской группой, но активно поддерживаемой и любомудрами (Одоевский, Шевырев, Титов).

Борьба «аристократов» с «торговым направлением» в сущности явилась началом затяжной войны между писателем-дилетантом и писателем-профессионалом. Эта война нам предстоит на страницах журналов; но в живой действительности оружие противников было различно. В то время как профессионалы укрепили свои позиции в журнальных редакциях, дилетанты утверждались в авторитетных великосветских салонах. «Мнемозина», «Московский Вестник», «Литературная Газета», «Европеец» и др. журналы, — эти органы дилетантов, — не могли успешно конкурировать с массовыми журналами торгового направления и неизменно терпели поражение. Салон же являлся для дилетантов тем более острым оружием борьбы и защиты, что полицейским проискам Булгарина позволял противопоставлять связи с аристократическим миром, власть предержавшим.

Литературное значение салона Е. А. Карамзиной, повидному, в этом и заключается. Тут происходила встреча непрофессионального писателя со своим немногочисленным читателем, тут создавался комплот для борьбы с усиливающимся писателем-издателем, тут готовились резервы знакомств и связей, противопоставлявшихся связям Булгарина с Третьим Отделением.

Салон В. Ф. Одоевского

Владимир Федорович Одоевский (1803 — 1869) основал свой салон в конце 20-х годов, после переезда из Москвы, где он собирал на своей квартире известный кружок любомудров,

в Петербург (1826), где он и поселился в маленьком флигельке в доме на углу бывш. Миллионной ул. и Мошкова пер. Высокая культурность В. Ф. Одоевского, его разносторонние интересы и обширные знакомства долгие годы приводили в его салон действительно все талантливое в русской литературной жизни. Мемуары называют свыше 50 имен выдающихся людей, бывавших у Одоевского. Салон Одоевского относится к тем салонам, где посетители собираются не ежедневно, не случайно, а в определенные дни, так называемые *jours-fixes*. Днями этими у Одоевского были в Петербурге субботы. На субботу указывает большинство источников, об этом же говорит письмо В. Ф. Одоевского 1850 года. Один лишь Ю. Арнольд дважды ошибается, определяя этот день один раз понедельником, другой раз четвергом. Судя по письму Одоевского, в 1850 году его суббот уже не было. Арнольд познакомился с Одоевским, по его словам, в 1840 году и говорит о его салоне еще после переезда В. Ф. Одоевского на новую квартиру, на Литейную, в дом Краевского¹ в 1845 году. Григорович посещал салон Одоевского в 40-х годах. Поэтому можно смело сказать, что субботы Одоевского прекратили свое существование в самом конце 40-х годов.

Характер салона Одоевского в этот первый, петербургский период его жизни можно назвать музыкально-литературным. Там читались литературные произведения. В записке Пушкина Одоевскому 1833 г. говорится: «Я надеялся быть сегодня у вашего превосходительства и услышать трагедию г. Якимова — но невозможно. Мне назначили деловое свидание к 8 часам, и я жертвую вами и Шекспиrom подъяческим разговорам» (Переписка, т. III, с. 16). Ю. Арнольд сообщает, между прочим, что Мятлев читал в салоне Одоевского свою поэму «Путевые впечатления мадам де-Курдюков» (Воспоминания, 1892, вып. II, с. 214 сл.). Он же вспоминает, что разговоры в салоне «шли наибольшею частью о последних явлениях литературы, преимущественно отечественной» (*ib.*, с. 198).

Как ни отрывочны и бесвязны эти намеки, все же они до известной степени оправдывают то, что вплоть до 50-х гг. салон Одоевского считался «литературным» (Ю. Арнольд,

¹ Ныне ул. Некрасова, д. № 2 (угол пр. Володарского).

Воспоминания, 1892, вып. II, с. 219 сл.). Значительно полнее свидетельства о музыкальном характере салона. Приведем не датированную записку В. А. Жуковского к Одоевскому: «А вас прошу позаботиться о наших душах и ушах в субботу, то есть что-нибудь приготовить для пения. Да смотрите же, чтобы нам залучить и Глинку» («Р. Ст.», 1904, II, с. 153 сл.).

Салон Одоевского был не чужд и чисто общественным интересам. Подымавшиеся там вопросы, правда, не возвышались над частными культурно-общественными проблемами и притом, по словам Арнольда, затрагивались случайно, но иногда и просто ставились («а priori предвещанный предмет», Воспоминания, 1892, вып. II, с. 214 сл.). Два таких вопроса Арнольд запомнил: это вопрос о женских гимназиях и об «обществе посещения бедных» (ib., с. 198 сл.). Весьма вероятно, что это филантропическое общество 40-х годов, занимавшееся материальной помощью бедным, созданное Одоевским и возглавлявшееся им в течение 9 лет, явилось в свет из недр салона с его разговорами такого характера. Но, конечно, беседы в салоне затрагивали и не только чисто литературные, музыкальные и общественно-культурные темы. Рассказывались и исторические анекдоты (например, анекдоты о Екатерине, рассказанные в салоне И. А. Крыловым, «Р. А.», 1884, 3, с. 179 — 180), или просто новости (как, например, о хлопотах Арсеньевой о разрешении М. Ю. Лермонтову кратковременного пребывания в Петербурге, следствием чего явился трехнедельный отпуск поэта в 1841 г., ср. Ю. Арнольд, *op. cit.*, с. 214 сл.). Устраивались и иные вечера, например, вечер импровизации Джустинниани в 1841 г. (ib., с. 214). Не обходилось и без шуток и дурачеств (о какофоническом концерте детских музыкальных игрушек, устроенном однажды В. А. Соллогубом, рассказывает Арнольд, *op. cit.*, стр. 205 — 206).

Салон Одоевского, повидимому, заглох к концу 1840-х годов. Естественно спросить о причинах. Сам Одоевский в письме своем от 1850 года говорит о своей скупости, как о причине прекращения своих суббот. Однако эта скупость не мешала ему через десять лет снова открыть свой салон. Причину, следовательно, нужно искать глубже — в двойственном составе субботних посетителей Одоевского. В этом от-

ношении мемуаристы сходятся в указаниях на антагонизм, существовавший между гостиной (аристократы) и кабинетом Одоевского (писатели, главным образом, писатели-разночинцы).

Бражда между гостиной и кабинетом несомненно была очень остра. По Панаеву, не желали сближения аристократы, по Григоровичу — интеллигенты («Светские дамы, обескураженные первыми попытками сближения, оставались охотнее при своих кавалерах...», Соч., т. XII, изд. 1896, с. 291). Самоопределение обеих групп привело, по словам Арнольда, может быть, не без влияния супруги Одоевского, к отходу интеллигентов от салона и к значительному перевесу аристократов. Тогда самый смысл салона для Одоевского потерял свое значение, и субботы его прекратили свое существование. С переводом Румянцевского Музея в Москву в 1861 году,¹ туда же переехал и директор его, В. Ф. Одоевский. Поселившись на Смоленском бульваре, он снова устраивает вечера, на этот раз по пятницам и средам. Если вчитаться во все приведенные в тексте цитаты, то как будто выясняется, что по пятницам в салоне главенствовала музыка, а по средам собирався, вероятно, более тесный литературный кружок, а, вернее всего, устраивались чтения, очень распространенные в 60-е годы. И пятничный салон и литературные среды Одоевского прекратились, повидимому, уже со смертью В. Ф. Одоевского в 1869 г. Таким образом, литературно-музыкальный салон Одоевского обнимает период с 1826 по 1869 г., с перерывом на все 50-е гг. За этот огромный промежуток времени совершенно перестроилась русская литература, перестроились писатели, изменились литературные задачи. Изменяясь и перестраиваясь, они повлекли за собою и изменение, а потом и закрытие салона, пока, вновь возникнув в 60-х гг., салон не потерял своего значения. Целый ряд передовых писателей и критиков, делавших литературу 60-х гг., не встречается в салоне Одоевского. П. И. Мельников, Л. Н. Толстой, А. А. Фет, В. А. Соллогуб — вот представители русской литературы на вечерах у Одоевского, — все писатели либо старые, либо глубоко оппозиционные. В 60-х гг. салон Одоевского живет уже воспоминаниями...

¹ А не в 1862 или 1863, как пишут М. П. Погодин и Ю. Арнольд.

Салон Александры Осиповны Россет-Смирновой (1810 — 1882) вряд ли возник раньше 1828 г. Именно в этом году она была принята фрейлиной ко двору супруги Николая I, Александры Федоровны. В 1826 г. (год окончания ею института) она как бедная и небогатая сирота была «устроена» при дворе императрицы-вдовы. Положение там вряд ли давало ей много возможностей обратить на себя внимание и выдвинуться. Брак А. О. Россет с Н. М. Смирновым состоялся в августе 1831 г.; однако и после этого времени салон Смирновой еще продолжал существовать.

В 1831 году Смирнова еще участвовала в живых картинах при дворе. После этого у нее в Зимнем Дворце на 4-м этаже собирались Пушкин, Гоголь, Жуковский, Виельгорский, фрейлины Урусова и Эйлер, вел. кн. Михаил Павлович. Тогда Гоголь читал у нее свои «Вечера...» («Р. Ст.», 1888, 4, с. 40 — 41).

Из воспоминаний А. О. следует, что и в 1832 г. Пушкин и Вяземский, Жуковский, А. И. Тургенев, Полетика бывали у нее почти ежедневно. У нее, например, Пушкин читал в этом году первые наброски «Истории Пугачевского бунта» (см. «Р. А.», 1870, с. 1882).

А. О. жила в Петербурге до 1842 г., когда она отправилась в двухлетнее заграничное путешествие, однако прекращение ее салона следует, повидимому, датировать второй половиной 30-х годов.

Салон А. О. Смирновой аналогичен вечерам В. А. Жуковского: и там и тут объединялась литературная аристократия. Придворное положение салона позволило ему выдвигать тех писателей и те литературные произведения, которые входили в систему литературной аристократии. «Выдвиженцем» этого салона явился, например, Н. В. Гоголь.

Стихотворение Пушкина А. О. Смирновой, помещенное в тексте, известно и в другой редакции: в строке 3-й вместо «ты» читается «я». Так оно было записано Пушкиным в альбом А. О. Смирновой; оно должно было служить началом ее записок.

Об использовании малодостоверных «Записок» А. О. Смирновой см. во вступительной статье и в тексте.

САЛОН Е. М. ХИТРОВО И Д. Ф. ФИКЕЛЬМОНТ

Салон, при упоминании которого прежде всего приходит в голову имя Пушкина. Пушкин был одним из самых близких к салону лиц. История его отношений к Е. М. Хитрово и к дочери ее, графине Д. Ф. Фикельмонт, подробно изложена во вступительных статьях и примечаниях к изданным в 1927 г. Академией Наук вновь найденным письмам Пушкина к Е. М. Хитрово («Письма Пушкина к Хитрово», Л., 1927) и в подробных и обстоятельных примечаниях Б. Л. Модзалевского в «Дневнике Пушкина» (Л., 1923, с. 36 — 38 и 195 — 199), повторять которые нет надобности, так как всякий интересующийся легко их сможет найти. Там же почти исчерпывающая библиография.

Салон возник, повидимому, в конце 20-х годов и продолжался до конца 30-х гг. (К. Фикельмонт был австрийским послом в России с 1829 по 1839 г. Е. М. Хитрово умерла в мае 1839 г.). Круг посетителей салонов Хитрово и Фикельмонт разделить трудно. Они слиты еще более тесно, чем салоны Виельгорского и Соллогуба. Единственным разделительным признаком можно считать имеющееся у Вяземского указание на то, что Е. М. Хитрово принимала по утрам, т. е. от часу до четырех, а вечером бывали собрания на половине Фикельмонтов (*Вяземский*, Соч., т. VIII, с. 493). Круг посетителей салона ограничивается литературными аристократами, с одной стороны, с другой — дипломатами и политиками. Первые бывали у Хитрово и Фикельмонт, вторые только у посла.

Этот светский салон, не сыгравший почти никакой литературной роли, интересен для нас как образец типично европейского салона с его непринужденно-светской, содержательной, острой и умной *causerie*, с одной стороны, и центром аристократических сплетен — с другой.

САЛОН М. Ю. ВИЕЛЬГОРСКОГО И В. А. СОЛЛОГУБА

Салон Михаила Юрьевича Виельгорского (1786—1856), существовавший в Петербурге в период начала или середины тридцатых и, вероятно, до начала или середины пятидесятых годов, представляет собою значительный интерес для ис-

следователя. Салон Виельгорского является типом меценатского салона. Сам хозяин, высокопоставленный придворный, охотно покровительствовал молодым талантам — в особенности же музыкантам и литераторам. Такие явления, как русское музыкальное общество, концерты и т. д., обязаны своим развитием в значительной степени тем толчкам, какие дал Виельгорский развитию музыкальной жизни столицы.¹ В плане того же высокого покровительства следует рассматривать и неизменно любезный прием иностранцев в салоне Виельгорского. Ни один приезжий иностранец, мало-мальски интересный или значительный, не миновал Виельгорского. Салон Михаила Юрьевича представляет в этом случае полную аналогию с нашим ВОКС'ом. Аналогия тем полнее, что на достойный прием знатных чужестранцев Виельгорскому отпускались специальные суммы.

Пытаясь сблизить различные социальные писательские слои, этот высокопоставленный аристократ придал своему салону демократический тон, старался завлекать самых различных по своему положению писателей. Как не удалась аналогичная попытка сближения у В. Одоевского, так же неудачей кончилась и затея Виельгорского.

Салон Владимира Александровича Соллогуба (1814 — 1882) приходится рассматривать в тесной и неотделимой связи с салоном Виельгорского; дочь последнего была первой женой Соллогуба. Салон Соллогуба, начавшись, вероятно, еще в середине или конце тридцатых годов, прекратился в начале 50-го года, когда Соллогуб уехал на Кавказ. Он помещался в Петербурге, на Михайловской площади в доме Виельгорских, где Соллогуб тогда жил. (Ныне Центральная Городская Библиотека. Плещ. Лассалья, 3.)

Если салон Виельгорских был на три четверти музыкально-артистическим и литературная сторона его была представлена только Соллогубом и его несколькими друзьями, то здесь мы имеем салон только литературный, видимо выделившийся из салона Виельгорского. Кроме литераторов в ши-

¹ Музыкальные утра бывали и раньше, во второй половине 20-х годов. М. Глинка в своих «Записках» (П., 1887, с. 49) упоминает, например, о музыкальных утрах Шимановской. О других музыкальных постановках в Петербурге, в частности о постановках, непосредственно связанных с Виельгорским, см. у него же (с. 46 — 47, 107 и др.).

роком смысле слова, в салоне бывали и просто высокопоставленные и светские лица и сановники — это была давняя слабость Соллогуба, за которую он не раз подвергался злым насмешкам.

Только однажды, повидимому, незадолго до ареста появился у Соллогуба Достоевский, но частым посетителем был Тютчев. Всего число посетителей доходило до 20 — 25 человек. Соллогуб в своих воспоминаниях приводит ряд случаев домогания светских женщин бывать на его вечерах; он всем им отказывал, делая исключения лишь для своих родных и родных своей жены.

Салон Соллогуба интересен для нас как образчик высокопоставленного и в то же время демократического салона. В этом смысле Соллогубовские вечера стоят в одном ряду с меценатским салоном М. Ю. Виельгорского; цель их была содействовать сближению различных писательских групп, с одной стороны, сближению писателей с неписателями, с другой. В поведении этих бар отчетливо проглядывает и оттенок меценатства.

Салон Е. П. Ростопчиной

Салон Евдокии Петровны Ростопчиной, рожденной Сушковой (1811 — 1858), имеет свой петербургский и московский периоды. Первый начался в 1836 году, когда Ростопчина, уже замужняя, поселилась в Петербурге, где прожила с некоторыми перерывами до своей поездки за границу в 1845 г. Эти первые девять лет ее салон носит явно литературный характер. Е. П. Ростопчина, светская дама и писательница, квалифицируется как очень крупный поэт, ее стихи, насыщенные тематикой женских переживаний в обстановке светской гостиной или бального зала, берутся нарасхват во все современные журналы, тем более, что гонорара она не требует. Жуковский дарит ей после смерти Пушкина начатую Пушкиным тетрадь. Образованная, остроумная и живая собеседница, Ростопчина собирает у себя по субботам лучших петербургских писателей-аристократов: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, В. А. Соллогуба, В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева и др. В ее салоне выслушиваются ее новые произведения, обсуждаются литера-

турные события и нововышедшие книги. В 1845 году Ростопчина уезжает за границу, где создает свою, наделавшую много шума, балладу «Насильственный брак», в которой под видом некоего барона и его молодой жены говорится об угнетении Польши Россией. Баллада была напечатана, вызвала много толков и навсегда испортила отношения Ростопчиной с царским двором, где она, правда, и раньше не бывала, но с которым сталкивалась на великосветских балах и празднествах. Говорили даже, что из-за этого стихотворения Ростопчину вызывали в III Отделение, что из Петербурга она была выслана и именно поэтому решила обосноваться в Москве. Как бы то ни было, но вскоре после ее возвращения из-за границы она селится в Москве и тут с конца 1847 года возобновляет свои субботы, прекращающиеся лишь незадолго до ее смерти (1858).

С развитием общественно-публицистической литературы и критики литературное положение Ростопчиной сильно пошатнулось. «Современник» довольно холодно отзывался о ее творчестве. Литературно-актуальной к этому времени стала сама Ростопчина, автор шумевшего политического памфлета, но не ее произведения. Изменение литературной системы вызвало негодующие протесты со стороны писательницы и способствовало прояснению ее социально-литературной позиции. Ростопчина, верная заветам писателей-аристократов, начинает неравную борьбу с победившим разночинцем, пишет памфлеты против современных литературных деятелей («Возвращение Чацкого» — продолжение Грибоедовской комедии, и «Дом Сумасшедших» — продолжение Воейковского памфлета). Ее салон собирает довольно разношерстную публику — от богемы славянофильского «Москвитянина» до «нигилиста» Северцева, от музыкальных и сценических светил Европы до замоскворецкого купца, почитателя ее поэзии. Хозяйка дома частенько заставляет своих посетителей выслушивать ее новые произведения, от которых те потихоньку зевают. Беседа вращается больше вокруг литературных новостей, разных занимательных воспоминаний и даже анекдотов. Участие в салоне «молодой редакции Москвитянина» — славянофильского журнала, в котором печатаются последние романы Ростопчиной, есть связь, заостренная против либерального западного «Современника».

Но и славянофилы чужды Ростопчиной: она их выводит в своем «Доме Сумасшедших». Непонимание и отрицание современных литературных явлений, — явный признак литературной старости, — характерны не для салона Ростопчиной, а для нее лично. Салон явился лишь ее оружием в борьбе против литературной молодежи, последней мобилизацией сил аристократического направления, последней вспышкой давнишней вражды.

ВЕЧЕРА В. А. ЖУКОВСКОГО

Вечера Жуковского относятся к группе вечеров так называемого «высокого тона». Это был наполовину тесный кружок друзей, собиравшихся потолковать о литературных новостях, обсудить и выслушать новое произведение, поспорить на теоретические темы, наполовину светский салон, куда широко допускались все желающие высокопоставленные лица до членов царской фамилии включительно.

Собрания Жуковского (тогда субботы) восходят к 1818 году, когда А. А. Плещеев переехал в Петербург и Жуковский поселился вместе с ним. Впоследствии, когда Жуковский переехал в Зимний Дворец, собрания продолжались и там. Изменяется лишь день. В воспоминаниях находим указания, что, вместо суббот, собрания происходили по пятницам. Повидимому, к концу 30-х годов собрания сами собою постепенно прекратились.

В летние месяцы собрания иногда не прекращались и происходили в Павловске, Царском Селе и пр., где Жуковский жил с царской семьей и где жили в то время многие из друзей Жуковского.

На собраниях бывали: Пушкин, Плетнев, Плещеев, Гнедич, Батюшков, Гоголь, Вяземский, Одоевский, Виельгорский... и др. — все, как видим, довольно узкий круг друзей, объединенных дружескими связями и общими интересами.

Значение вечеров Жуковского невелико, он не стал особенно ярким и определяющим центром литературы, но в ряду салонов Смирновой, Одоевского, Карамзиной, Олениных и он занимает свое место.

Четверги Н. И. Греча

Четверги Николая Ивановича Греча (1787 — 1867) начались с середины 20-х годов и продолжались до середины 30-х. Состав их посетителей был самый разнообразный. Греч старался собрать у себя всех литераторов Петербурга и объединить их вокруг своего журнала. В то время тип редактора, объединяющего вокруг себя сотрудников, начинает становиться характерным (см. пятницы Воейкова).

С другой стороны, дом Греча был вообще местом, где собирались петербуржцы, заграничные артисты, музыканты и др. до гастролеров и фокусников включительно.

Пятницы А. Ф. Воейкова

Пятницы Александра Федоровича Воейкова (1778 — 1839), главным материалом для описания которых являются, к сожалению, малодостоверные воспоминания Бурнашева, любопытны для нас как тип вечеров, происходящих на фоне постепенного процесса объединения сотрудников журнала вокруг своего редактора. Объединение это чисто «производственного» порядка. Порою же пятницы Воейкова превращались попросту в репортерские собрания: Воейков брал с посетителей материал для своих изданий (брал его, разумеется, даром), сам записывал новости, городские сплетни, эпиграммы и т. д. У Воейкова были и секретари-волонтеры — те тоже выпытывали у гостей новости и тут же записывали их. Хозяин ходил с записной книжкой в руках по комнате, в которой вместо карточных столов были расставлены письменные. Гости должны были писать, давая материал для Воейковских изданий. И все это происходило в годы, когда гонорар за литературный труд стал общепринятым явлением!

В связи с победой «торговых принципов», установлением гонорара, постепенно выявляется тип прижимистого редактора, который не прочь эксплуатировать своих сотрудников.

Собрания деловые, обсуждающие вопросы теоретические, мало свойственны этому периоду. Постепенно они превращаются в более или менее обязательные «приемы» сотрудников и посторонних, обеды для цензоров и др. официальные собрания, бывать на которых становится в тягость.

Вечера Воейкова, начавшись в конце 20-х годов, продолжались до конца 30-х гг.. Воейков умер в 1839 г.

Субботы С. Т. Аксакова

Начало суббот С. Т. Аксакова (1791 — 1859) следует отнести к 1827 г., когда он, приехав из деревни, получил место цензора и прочно осел в Москве. Наезды Аксакова в Москву из своей уфимской деревни в 1808, 1812, 1816 и 1821 гг. и его литературно-театральные интересы сблизили его с А. С. Шишковым, Ф. Ф. Кокоскиным, А. А. Шаховским, М. Н. Загоскиным и др. архаистами, в литературных вечерах и домашних спектаклях которых он принимал деятельное участие. Эта традиция вначале сохраняется и на Аксаковских вечерах, правда, без драматических постановок, превышавших материальные возможности Аксакова; тут сохранились тот же литературный репертуар, те же литературные вкусы, что и на вечерах Шаховского или Кокоскина. Тут пишется опера, читаются водевили А. И. Писарева и стихи А. А. Шаховского, тут ведется борьба с Н. А. Полевым.

Несколькими годами позже Аксаков со своими сыновьями оказывается в центре нарождающегося славянофильства. Таким образом, Аксаковские вечера представляют как бы звено в непрерывной цепи от архаистов к философски обоснованному славянофильству 30-х годов. Литературная эволюция от языкового архаизма к философскому славянофильству требует особо тщательного анализа. Нам важно здесь лишь подчеркнуть значение цепи вечеров, сохранивших живую традицию архаизма, импульс которого чувствуется и в русском славянофильстве, как литературном явлении.

В 20-х годах мы находим архаистов в целом ряде объединений. В самом начале десятилетия возникают субботы книгопродавца Ширяева, на которых Каченовский с Мерзляковым дружно ругают Карамзина; тогда же существовали и литературные беседы Мерзлякова, на которых пропагандировалась архаическая литература. В Петербурге существовали и затянулись до середины 30-х гг. воскресенья А. С. Шишкова, на которых Шишков и другие академики занимались «корнесловием», в то время как молодежь усердно танцевала. Иногда тут, по крайней мере в более ранние эпохи этого са-

лона, тоже устраивались спектакли и литературные вечера, при близком участии и С. Т. Аксакова, во время его наездов. Мы уже в разных местах сталкивались с этими домашними спектаклями и имели случай говорить о большом значении театральных жанров для литературной системы архаизма. Оленин в Петербурге, Кокошкин, Шаховской, отчасти Елагина и Волконская в Москве — вот сеть вечеров и салонов, культивировавших театральные жанры. Со всеми такими московскими объединениями Аксаков связан довольно тесно: с Кокошкиным и Шаховским непосредственно, с Елагиной и Волконской через Погодина и Хомякова. Связь с Елагиной, а через нее с салонами Свербеевых, Кошелевых и др., в которых обтачивалась славянофильская мысль, особенно значительна; тут традиционное прошлое переключается в нарождающееся славянофильство.

Таким образом, вечера С. Т. Аксакова являются своеобразной перемышкой весьма сложной литературной эволюции, требующей специального исследования.

Среды Н. В. Кукольника

Среды Нестора Васильевича Кукольника (1809 — 1868) для историка литературы представляют тот большой интерес, что с них как будто начинается типичная русская богема, вошедшая в быт русских писателей и художников в 40-х гг. в виде шумных пиршеств с неизбежными гитарами, а в литературу — в виде струи «цыганских романсов», «мелодий» и столичных героев-художников.

Когда начались среды Кукольника, сказать трудно. И. И. Панаев говорит, что они начались уже после смерти Пушкина (Лит. Воспоминания, «Academia», 1928, с. 73), т. е. не ранее 1837 года. М. И. Глинка сообщает, что в 1836 году он на одном таком вечере написал свое трио (Записки, СПб., 1887, с. 112 сл.), т. е. вечера уже существовали в 1836 году. Вечерам Кукольника предшествовали литературные чтения (начиная с 1833 г.), о которых подробно рассказывает И. И. Панаев) *op. cit.*, с. 64 — 71, ср. также его повесть «Белая Горячка», СПб., 1888, и «Литературные кумиры, дилетанты и пр.», Собр. соч., т. V, с. 1 — 11, в которых описана быто-

вая обстановка Кукольниковских вечеров и предшествовавших им чтений). На этих чтениях прочитанные произведения Кукольника почти не обсуждались; это был кружок монологического типа, в котором Кукольник читал, а слушатели благоговейно внимали.

«Каждое чтение нового произведения, — пишет И. И. Панаев, — оканчивалось ужином и шампанским. На этих ужинах поэт делал объяснения своим произведениям, из которых мы между прочим узнали, что *цаца* и *ляля* в «Джулия Мости» — любимые слова его детства и что он решил внести их в драму, как приятное для него воспоминание», (op. cit., с. 71). Жена И. И. Панаева, Авдотья П. Панаева, со слов своего мужа сообщает, что Кукольник за этими ужинами часто говорил про себя: «Кукольник велик! Кукольника потомство оценит!» (*Авдотья Панаева*, Воспоминания, «Academia», 1927, с. 80).

Характер этих чтений, обильно смоченных шампанским в атмосфере поклонения Кукольнику, бывшему в те годы в зените своей славы,¹ представляет хорошую интродукцию к позднейшим «средам». Возможно, что переход от литературных чтений к средам, порою музыкальным («Р. Ст.», 1874, 9, с. 708), порою просто веселым, совершался постепенно. И тут и там царил культ «высокого, чистого искусства», служителями которого считали себя Кукольник и его друзья. Для характеристики этого культа достаточно напомнить, что Кукольник, познакомившись с Глинкой, «умолял его — честно любовью любить искусство, бескорыстно служить ему и никогда не изменять своему идеалу («Баян», 1888, 9, с. 80). И тут и там этот культ «святого искусства», о котором с большой иронией вспоминает и И. И. Панаев, сочетался с пьяным разгулом. На средах Кукольника к этому прибавлялись еще импровизации и романсы Глинки и карикатуры Степа-

¹ «Московский Телеграф», разбранивший патристическую драму Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», понравившуюся Николаю, был за свою рецензию закрыт (1834), что дало повод к известной эпиграмме:

Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого погубила.

нова и самого Брюллова. До каких пределов доходил разгул на средах Кукольника, судить трудно. Н. И. Греч, вспоминая их, называет их пристойными (Записки о моей жизни, СПб., 1887, с. 499), а племянник К. Брюллова, член Кукольниковского триумвирата, П. П. Соколов (Воспоминания, «И. В.», 1910, 8, с. 403) и И. А. Арсеньев (Слово живое о неживых, «И. В.», 1887, 2, с. 355 сл.) вместе с И. И. Панаевым (Лит. Воспоминания, «Academia.», с. 79 — 82), А. Н. Струговщиковым (М. И. Глинка, «Р. Ст.», 1874, 9, с. 709) и некоторыми другими так или иначе подчеркивают слишком неумеренное потребление алкоголя на этих вечерах. Известно также, что К. П. Брюллов, Н. В. Кукольник и Я. Ф. Яненко умерли от последствий сифилиса.

Об атмосфере этих вечеров говорит также культура прозвищ и «своих словечек». Сам кружок именовался «биржей» (ср. Т. Шевченко, Художник, «Киевск. Ст.», 1887, 1, с. 13) или «комитетом» (Н. В. Кукольник, Дневник, «Баян», 1888, 16, с. 142 и др.), Кукольник — Клюкольником и Епископом (П. Соколов, «И. В.», 1910, 8, с. 403 и В. Бурнашев, «Р. Вест.», 1871, 10, с. 627), Яненко — Пьяненко (Т. Шевченко, «Киевск. Ст.», 1887, 1, с. 13, и П. Соколов, «И. В.», 1910, 8, с. 403), художник Гаронович, ученик К. Брюллова, — Алисой («Баян», 1888, 13, с. 113), а сам Карл Брюллов — Карлом Великим. Словечки и прозвища равнялись по атмосфере. Посетивший Н. В. Кукольника с его сожительницей (позже женой), Амалией Ивановной, П. М. Ковалевский так описывает свой визит: «Мы перешли в гостиную, где уже собрались вокруг хозяйки, Амалии Ивановны, уменьшенной мужем в «Мумочку», женщины белой от пудры и белокурой от Выборга, домашние друзья: зрелый не по чину штабс-капитан с померанцевым воротником, состоявший членом какой-то эротической городской комиссии, прозванный за то «Султаном», да совершенно черный, точно из донского антрацита вытесненный, казачий майор. Намозоленный мозг¹ хозяина уходил каждый вечер в отпуск к этим людям. Раскрыли стол и разобрали карты. Детский плач Кукольника почти не унимался от острот «Султана» и тяжелых, как молот, шуток казака, прозванного «Атаманом». Этот Атаман не пони-

¹ Выражение самого Н. В. Кукольника.

мал решительно ничего, и надо было вбивать всякое понятие в него, как сваю. Хозяин и вбивал с особенным вкусом.

— Я люблю первобытных людей, — говорил он, — они становятся редки... «Мумочка» визжала и приговаривала: «ах, фуй! Какой смिशной!» призывая на помощь «Несторхена» всякий раз, когда не в меру русская соль играющих становилась не под силу ее филологии. Несторхен благодушно разъяснял, и маленькие его глазки слезились от смеха... Напившись наскоро чаю, я удалился (П. М. Ковалевский, Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 222 — 223).

Атмосфера, царившая вокруг Кукольника, как будто проясняется. Это культ высокого, чистого искусства, культ сильного личного дарования и одновременно прожигание жизни в попойках и прочих удовольствиях, отдающих заметным мешчанским духом. Тут не сами попойки характерны для «жрецов искусства», не характерен тут также и культ «искусства для искусства». Тут характерна тесная связь между творчеством и богемой, характерно творчество в угарной обстановке богемы «Несторовой биржи», не знающей салонных приличий и тесными узами связанной с операми Глинки, картинами Брюллова и драмами Кукольника.

Характерен и писательский слой, бывавший на средах Кукольника. И. И. Панаев говорит, что «на этих средах перебывали все пишущие люди, за исключением немногих писателей-аристократов, принадлежавших к друзьям Пушкина» (Лит. Воспоминания, «Academia», с. 73). Касаясь личного состава этих вечеров, А. Н. Струговщиков несколько раз противопоставляет его светским литературным салонам, особенно салонам Виельгорского, Одоевского и Соллогуба. Сам Кукольник в своем дневнике с удивительной ясностью выразил свою общественно-литературную позицию: «Я, напротив, избегал его [Пушкина], как избегаю вообще аристократию» («Баян», 1888, 11, с. 98). Писатели на средах Кукольника были писателями торгового направления: Булгарин, Греч, Сенковский, Полевой, Бенедиктов и мн. др., между прочим и члены кружка Белинского.

Среды Кукольника были взорваны самими основателями в середине 1840 г. Но богема, родившись в недрах торгового направления и захватывая в свою орбиту некоторых демократизованных аристократов (как Соллогуб, Булгаков и др.),

жила значительно дольше. В 40-х годах характерно увлечение писательской молодежи цыганскими романсами в трактовке Печкина (Москва), шумными попойками молодой редакции «Москвитянина», частыми обедами в ресторанах в Петербурге. С этим следует связать струю «мелодий», «романсов под гитару», «цыганских романсов» в русской поэзии 40-х годов. В 60-х годах богема захватывает тех писателей и журналистов, которые в силу известных исторических и литературных причин бытовали в нижних этажах литературы. Так, в эти годы намечается связь между богемой и обличительной поэзией Шумахера, Минаева и даже некоторыми жанрами сатирической журналистики вообще (ср. ст. *Н. Ф. Бельчикова* в «Литература и Марксизм», 1928, 3, и работу *Г. Ф. Тизенгаузена*, «Сатирическая журналистика 60-х гг.» — неопубликовано). Но крупного эволюционного значения богема не имела, как не имел его и родоначальник русской литературно-художественной богемы, Кукольник, с его средами.

ВЕЧЕРА Е. П. ГРЕБЕНКИ

Вечера известного в украинской литературе писателя Евгения Павловича Гребенки (1812 — 1848) любопытны, как резкое снижение великосветского тона, господствовавшего в салоне Виельгорского-Соллогуба. Явно в подражание типу высокопоставленного и гостеприимного салона строятся и вечера небольшого преподавателя кадетского корпуса, недавно только приехавшего с Украины, еще неотесанного провинциала Гребенки. Таким рисуют его все воспоминания и другие записи современников. В самом деле, высокопоставленные лица гнушаются бывать у него, а если и бывают, то редко, больше из вежливости, чем в самом деле из интереса к Гребенке (см. в тексте цитату из письма Плетнева Гроту). В то же время Гребенка хороший товарищ, чуткий и отзывчивый человек, друзья над ним подсмеиваются, но по своему его любят. Возле него сконцентрировался кружок его друзей и земляков-украинцев (Шевченко, Прокопович и др.), реже бывают М. А. Языков, А. А. Комаров, И. И. Панаев. Вечера Гребенки как-то стоят в связи с начавшими позже организовываться украинскими «землячествами».

И. И. Панаев свидетельствует, что литературные интересы мало занимали собравшихся. Речь больше шла о злободневных городских сплетнях и мелочах. Начавшись в середине (ближе к концу) 30-х годов, вечера эти окончились со смертью Гребенки в 1848 г.

РЕДАКЦИОННЫЕ СОБРАНИЯ

Редакционные собрания, как особая форма объединения, возникли лишь в 20-х гг., отчетливо же оформились к концу 30-х.

Журналы XVIII и начала XIX вв. редакционных собраний такого типа не имели. Связи литературных объединений с журналом были совсем иными. Журнал часто связывался с каким-нибудь кружком, который обеспечивал ему поступление материала; порою же кружок овладевал тем или другим журналом, как органом. («Вечера» Хераскова и его кружок и планы Арзамаса об издании своего журнала). С другой стороны, работа в журнале в то время, когда он являлся вполне отчетливым партийным органом, необходимо вызвала объединение вокруг вождя-редактора сотрудников, разделявших идеологическую платформу журнала и связанных с последним не только денежными отношениями.

Однако постепенно связь журнала с кружком утрачивает этот характер, превращаясь просто в собрания группы лиц, за деньги нанятых данным лицом. «Идеологический» характер собраний утрачен (ср. *Б. Эйзенбаум*, Толстой, «Прибой», 1928, с. 100 сл.). Именно такой характер носят собрания Греча.

Момент связанности денежными обязательствами, зафиксированный даже нотариальными актами, как в «Современнике» (см. текст), возникает значительно позднее, в период совершенной победы «торговцев», установления твердых гонораров и возникновения конкуренции между отдельными журналами (например, «Современник» и «От. З.»). Порою редакционные собрания являлись своего рода казенною необходимостью, так сказать, «официальными приемами», являться на которые сотрудникам было хоть и в тягость, а необходимо («От. З.»). И в противоположность — тип друже-

ской, веселящейся и кутящей компании: «Молодая редакция Москвитянина»).

Вечера Панаева так тесно связаны с «Современником», что отделить их было бы нелегко. Да в этом и нет надобности. Они живо характеризуют царившую в кружке «Современника» атмосферу.

КНИЖНЫЕ ЛАВКИ

Книжные лавки следует причислить к объединениям, напоминающим тип свободного салона. Этот тип включает также кафе, клубы и другие общественные, более или менее *общедоступные* места. В этом основное отличие этого типа общения литераторов от салона, где состав присутствующих всецело определяется волею хозяина. Здесь хозяин в стороне. Стало быть, говорить о партийности этого рода объединений нельзя. Мы даем в тексте несколько наиболее характерных моментов из жизни книжных лавок. Ряд материалов, часто очень характерных (например, о книжной лавке и библиотеке В. А. Плавильщикова), нами вследствие недостатка места опущен.

Книжные лавки, как момент объединения, восходят, повидимому, к мелочной торговле лубочными картинками и пр. «низкой» литературой где-либо на улице, на базаре, может быть, у Спасских ворот в Москве, как описывает эту торговлю Д. Ровинский (Русские народные картинки, с. 25): «Продажа лубочных картинок производилась в городе в овощном ряду, откуда они покупались неоднократно и для царского обихода, а главное — у Спасских ворот, в этом народном *толкучем клубе*, под чистым небом, где с утра до ночи толкался всякий люд, кто с товарами, кто с вестями». В книге «Словесность и коммерция» неверно предположение авторов — Т. Грица, В. Тренина, М. Никитина, что «в 20-х гг. XIX в. книжные лавки заняли в литературном быту то место, какое в Карамзинскую эпоху занимали салоны (М., 1923, с. 58). Дело в том, что именно в 20-е годы салоны в литературном быту занимали главенствующее место. Это время зарождения и расцвета салонов З. Волконской (1824 г.), Е. Карамзиной (1826 г.), В. Одоевского (1826 г.), А. Смирновой (1828 г.) и др., где в то время происходила активная

литературная борьба. Значение же книжных лавок В. Плавильщикова, А. Ширяева, А. Смирдина и др., как объединяющих литературных центров, было несравненно меньше. Только к 30-м годам можно говорить об их некотором участии в литературной эволюции. Таковы приведенные в тексте эпизоды с Булгариным и портретом Видока у Лисенкова, новоселье Смирдина, из которого выросли альманахи с бесплатным материалом. То же повторилось в 1837 г. при открытии типографии А. Воейкова.

Промежуточным типом между книжными лавками и клубами являются литературные кафе, получившие такое огромное, подавляющее значение в литературной жизни Запада. У нас эта форма осталась в зачаточном состоянии и только промелькнула в 30 — 40-е годы в нашем литературном быту.¹ Вообще в русской литературной жизни места общественного потребления напитков сыграли несравненно меньшую роль, чем кафе на Западе, если не считать, впрочем, еще не освещенной с должною и заслуженною полнотою роли кабака в истории русской литературной богемы.

Публичные чтения

Публичные чтения, период популярности которых ограничивается 1859 — 1862 гг.² представляют собой любопытный эпизод из истории русских кружков и салонов в широком смысле слова. Этот момент может быть охарактеризован, как попытка кружков вырваться из создавшейся душной атмосферы. В поисках нового материала, кружок демократизируется, выходит на улицу, в массы. И характерен прием, оказанный ему этой улицей. Неполные, извлеченные только из одного источника, цифры Лемке ярко характеризуют этот момент чрезвычайного успеха публичных чтений

¹ См. интересный материал в ст. *А. Д. Галахова* в «Р. Ст.», 1886, № 4, воспоминания *Н. В. Берга* в «И. В.», 1893, 3, *В. Бурнашева* в «Р. В.», 1871, 11, и т. д.

² См. *М. К. Лемке*. Дело о публичных лекциях в 1860-х годах. Истор.-лит. сборник. Посвящается В. Срезневскому, Л., 1924, с. 41. Ср. «Б. для Чт.», 1864, 2, с. 67: «В прошлом году ни одно литературное чтение, особливо в пользу фонда, не могло рассчитывать на успех. Это чувствовалось в воздухе...».

и лекций,¹ восходящих, впрочем, к более давним временам. Лекции в то время (примерно, в 1833 г.) могут быть названы «публичными» только с рядом ограничений. Происходившие в частном доме, с избранным составом слушателей, они напоминали скорее благотворительные, меценатские собрания. Чаще всего это были лекции приезжих иностранцев, иногда вечера импровизаторов, тоже чаще всего иностранцев. См. характерные описания вечера импровизации в «Египетских ночах» Пушкина у И. А. Гончарова «Литературный вечер». Характер публичных лекций 60-х годов, конечно, совершенно иной, хотя бы потому, что никакого налета меценатства и благотворительности нет и в помине. Совершенно различны и цели и задачи, которые ставили себе эти лекции. Злой пасквиль Плещеева на литературные вечера, с ироническим подзаголовком «Рассказ необличительный», находим в «Современнике» за 1861 г. (июль, с. 215—258). Многие детали и намеки рассказа, несомненно актуальные в свое время, для нас сейчас утрачены. Развитие публичных чтений стоит, наконец, в прямой связи с развивающейся книготорговлею и изменением роли журнала в литературной эволюции.

¹ М. Лемке приводит в своей статье цифры: в 1859 году прочитано 14 лекций, в 1860 г. 39 в Петербурге, 10 в Москве, 24 в других городах. Всего 73. В 1861 г. — 18 (П.), 4 (М.) и 26 (провинции). Всего 48. В 1862 г. 3 (sic!) в Петербурге и 8 в других городах. Цифры Лемке, конечно, извлечены из одного источника и не претендуют на полноту; но они верно намечают кривую популярности публичных чтений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Ниже мы помещаем список важнейших литературных объединений. Список этот никоим образом не может претендовать ни на полноту, ни на большую точность датировки. Кроме того, стремясь выделить тут лишь литературные объединения, мы часто сознательно отметили кружки и салоны, не носившие литературного характера. Однако, поскольку связь литературы с окружающим ее бытом требует для каждого конкретного случая специальной проработки, мы порою оставляли и объединения, несколько удаляющиеся от литературы.

Отметим также, что список доводится нами лишь до 60-х гг. Таким образом, из известных нам почти 400 названий мы приводим ниже лишь немногим более половины.

Система датировки отдельных объединений двоякая: иногда по году основания кружка или салона, иногда же по наиболее яркому моменту его истории.

Зная заранее все несовершенство списка, мы все же надеемся, что он может оказаться не бесполезным для историка литературы, и поэтому решаемся его опубликовать. Разумеется, за всякие указания, дополнения и исправления списка составители почтут себя весьма благодарными.

XVIII в.

Общество Любителей Российской Словесности (Сухопутный Шляхетный Корпус кружок А. П. Сумарокова).

Салон И. И. Шувалова.

Кружок М. М. Хераскова.

Дружеское Ученое Общество (Н. И. Новикова).

Типографская Компания (Н. И. Новикова).

Собрание университетских питомцев Н. И. Шварца.

Вольное Российское Собрание при Московском Университете.

Эрмитаж, салон Екатерины II.

Общество, старающееся о переводах (кружок Екатерины II).

Общество, старающееся о напечатании книг.

Общество благородных особ для театральных представлений.

Вольное Собрание Любителей Российского Языка.

Вольное Экономическое Общество.

Кружок М. Д. Чулкова.

Салон Д. И. Головкиной.

Салон Г. Р. Державина.

Салон Н. А. Львова.

Собрание воспитанников Московского Университетского Благородного Пансиона.

Кружок Московского журнала.

Салон И. П. и П. Н. Бекетовых.

Кружок В. С. Подшивалова.

«Галерея». (Кружок В. Л. Пушкина, А. М. Пушкина, П. А. Вяземского и др.).

Российская Академия.
Салон имп. Марии Федоровны.¹
Беседы Ф. Г. Карина.

1800 — 1810.

Дружеское Литературное Общество. (Кружок бр. Тургеневых).
Вольное Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств.
Общество истории и древностей Российских.
Салон Н. П. Брусилова.
Литературный кружок юнкерской школы при Сенате.
Кружок П. И. Шаликова.
Кружок Н. Н. Муравьева (Карского).
Собрания в СПб. Университетском Пансионе.
Кружок Благородного Пансиона при главном Педагогическом Институте.
Кружок А. П. Беницкого.
Литературные субботы 1807—1811.²
Воскресенья Ф. П. Толстого.
Салон А. П. Хвостовой.
Салон Б. В. Голицына.
Салон А. М. Пушкина.

1810 — 1820.

Общество Любителей Русской Словесности.
Беседа Любителей Российского Слова.
Вечера Ф. Ф. Иванова.
Вечера Ф. Ф. Кокошкина.
Кружок лицейстов Царского Села.
Кружок Е. А. Энгельгардта.
Обеды Н. П. Николева.
СПб. Вольное Общество Любителей Российской Словесности (Общество Соревнователей Просвещения и Благотворения).
Салон Д. Н. Блудова.
Арзамас.
Салон А. Н. Оленина.
Салон Е. Ф. Муравьевой.
Салон П. А. Кикина.
Общество поощрения художеств.
Салон А. Л. Нарышкина.
Салон Евдокии Голицыной (Париж).
Салон вел. кн. Елены Павловны.
Салон Н. И. Голицыной.
Салон Оболенских.
Кружок Ф. П. Шаховского.

¹ Кроме того, остался несуществленным проект И. Ф. Богдановича — «Общество Российских Писателей».

² Собирались поочередно у А. С. Шишкова, Г. Р. Державина, А. С. Хвостова и И. С. Захарова.

Вечера Федора Толстого-Американца.
Кружок А. А. Шаховского.
Кружок П. А. Катенина.
Вечера В. А. Жуковского.
Кружок Н. И. Тургенева.
Зеленая Лампа.

1820 — 1830.

Педагогические беседы А. Ф. Мерзлякова.
Кружок Архивных Юношей.
Кружок С. Е. Раича.
Кружоклюбомудров.
Латинское общество (Загряжский).
Литературное Общество 1822 года.
Вечера Ф. Н. Глинки.
Вечера Д. И. Хвостова.
Кружок И. М. Долгорукого.
Кружок Н. П. Румянцева.
Кружок Н. А. Полевого.
Вечера И. И. Дмитриева.
Салон А. О. Смирновой.
Салон Веневитиновых.
Музыкальные утра М. Шимановской.
Собрания у А. И. Галича.
Вечера И. А. Нелидова.
Кружок Е. И. Алипанова.
Общество Любителей Словесности и Премудрости (Кружок С. Д. Пономаревой).
Салон Н. К. Загряжской.
Салон Жельветра.
Вечера А. А. Дельвига.
Вечера П. А. Плетнева.
Салон З. А. Волконской.
Салон А. П. Елагиной.
Вечера Д. Н. Свербеева.
Вечера А. И. Кошелева.
Вечера С. А. Соболевского.
Вечера А. С. Хомякова и Н. М. Языкова.
Салон А. С. Шишкова.
Салон А. В. Сухово-Кобылина.
Субботы А. С. Ширяева.
Книжная лавка И. В. Слепина.
Библиотека В. А. Плавильщикова.
Книжная лавка И. Т. Лисенкова.
Вечера П. В. Нащокина.
Вечера имп. Александры Федоровны.
Кружок К. Ф. Рылеева.
Вечера И. И. Козлова.
Салон Е. А. Карамзиной.

Салон А. И. Лаваль.
Салон В. Ф. Одоевского.
Салон Е. М. Хитрово.
Салон Д. Ф. Фикельмонт.
Субботы С. Т. Аксакова.
Пятницы А. В. Никитенки.
Среды П. Я. Чаадаева.
Пятницы А. Ф. Воейкова.
Вечера С. А. Римского-Корсакова.
Четверги Н. И. Греча.
Редакционные собрания «Северного Меркурия».
Вечера О. И. Сенковского.
Кружок А. П. Купицына.
«Ассамблеи» А. И. Подолнского.

1830 — 1840.

Кружок Н. В. Станкевича.
Кружок В. Г. Белинского.
Кружок казеннокоштных студентов Московского Университета.
Кружок А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
Кружок русских гегельянцев (Берлин).
Кружок И. В. Киреевского.
Салон М. Ю. Виельгорского.
Салон А. Я. Булгакова.
Общество литературных прений.
Кружок «Красных» студентов.
Салон Е. И. Державиной (вдовы поэта).
Салон М. Ф. Орлова.
Салон А. А. Бобринского.
Кружок проф. И. И. Давыдова.
Вечера Д. В. Дашкова.
Салон Ф. И. Тютчева (Мюнхен).
Музыкальные вечера В. П. Боткина.
Вечера В. Владиславлева.
Вечера П. А. Каратыгина.
Салон Е. Долгорукой (Париж).
Четверги Цициановых.
Вечера В. А. Соллогуба.
Вечера Е. П. Гребенки.
Воскресенья И. Н. Скобелева.
Вечера М. П. Погодина.
Вторник С. В. Салтыкова.
Чтения у Гижилинского.
Вечера у Н. В. Гоголя.
Чтения у Н. Я. Прокоповича.
Субботы Е. П. Ростопчиной.
Вечера Карлгофа.
Вечера Н. А. Майкова.
Вечера Клюге фон-Флюгенау.

Вечера А. А. Комарова.
Среды Н. В. Кукольника.
Пятницы А. П. Башуцкого.
Утренники А. А. Краевского.
Вечера М. А. Языкова.
Кружок А. В. Кольцова.
Книжная лавка А. Ф. Смирдина.
Книжная лавка Набоковых.
Книжная лавка Ивановых.
Книжная лавка М. П. Глазунова.
Кофейня Печкина.

1840 — 1850.

Салон Пешель.
Салон М. Виардо.
Салон Е. Сальянс (урожденной Сухово-Кобылиной).
Понедельники И. К. Ламберта.
Четверги В. И. Даля.
Кружок Н. В. Гоголя (Рим).
Кружок П. М. Ковалевского (Рим).
Субботы К. А. Булгакова.
Вечера А. Н. Струговщикова.
Понедельники В. Пассека.
Вечера Н. М. Языкова.
Вторники К. К. Павловой.
Субботы И. И. Панаева.
Вечера А. Ф. Вельтмана.
Молодая редакция «Москвитянина».
Вечера редакции «Отечественных Записок».
Кружок «Современника».
Кружок А. Н. Островского.
Вечера Е. И. Ахматовой.
Кружок Т. Н. Грановского.
Вечера И. Введенского.
Кружок А. Н. и Н. Н. Бекетовых.
Кружок М. В. Петрашевского.
Кружок С. Ф. Дурова.
Кружок Н. А. Монбелли.
Кружок А. Н. Плещеева.
Кружок Кашкина.
Кружок Е. Ковалевского.
Кружок И. А. Арсеньева.

1850 — 1860.

Вечера П. Л. Пикулина.
Вечера Щербатова.
Кружок А. И. Герцена (Лондон).
Кружок А. М. Тургенева.
Субботы Чернышевской.
Рауты М. И. Глинки.

Литературные обеды Некрасова.
Салон М. Н. Каткова.
Вечера И. С. Тургенева.
Салон М. П. Боткина.
Чтения у И. А. Гончарова.
Вечера А. В. Дружинина.
Кружок А. А. Котляревского.
Вечера П. А. Вяземского.
Вечера Н. В. Сушкова.
Литературный фонд.

Список провинциальных кружков и салонов.

Рязань — Литературный кружок Е. А. Волконской (XVIII в.).
Тула — Кружок В. А. Жуковского (до 1795 г.).
Тамбов — Собрания у Г. Р. Державина (1786—1788).
Архангельск — Историческое общество (1759—1768).
Казань — Студенческий кружок (1800 г.).
» — Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности (1812 г.).
Варшава — Общество *dobroszinosci* (20-е гг.).
Нижний-Новгород — Субботы А. А. Крюкова (1812 г.).
» » — Общество литераторов (1812).
» » — Литературные беседы Нижегородской гимназии (1841—1846 гг.).
Воронеж — Офицерский кружок. (Салон А. И. Бедряги).
» — Кружок Н. И. Второва (30-е и 40-е гг.).
Харьков — Сотоварищество любителей наук (20-е гг.).
» — Общество наук (1812 г.).
» — Дружеское Общество Любителей Отечественной Словесности (1819 г.).
Калуга — Офицерские литературные вечера 2-й Гренадерской дивизии (1817—1821 гг.).
Киев — Кружок М. Ф. Орлова (1819—1820 гг.).
» — Салон Е. А. Васильчиковой (1857).
С. Писаревка, Воронежской губ. — Кружок А. В. Никитенки.
Вильно — Литературно-педагогическое общество.
» — «шубравцы».
» — «филареты».
Ярославль — Литературное общество.
Одесса — Общество Соревнователей Отечественной Словесности.
Тульчин — Беседы (1822—1825).
Гельсингфорс — Ученое общество (с 1838 г.).
Кишинев — Собрания у И. П. Липранди (1820—1823 гг.).
Иркутск — Кружок Иркутской Гимназии (1830 г.).
» — Салон купца Дудоровского (1830 г.).
» — Отделение Новиковского общества.
Оренбург — Отделение Новиковского общества.
Нежин — Лицейский кружок (субботы П. Г. Редкина).
С. Черни — Кружок А. А. Плещеева (1812—1814 гг.).
Севастополь — Кружок Л. Н. Толстого (1855 г.).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН.

- Аксаков, И. С.** 223.
Аксаков, К. С. 133, 135, 136, 138, 183, 221, 223, 272, 277.
Аксаков, С. Т. 37, 59, 60, 146, 219, 220, 222, 291, 292, 304.
Аксаковы, бр. 134, 161.
Александр, I. 84, 157, 158, 162.
Амфитеатров, С. Е., см. Раич, С. Е.
Анненков, П. В. 51, 58, 135, 138, 140, 141, 147, 149, 207, 237, 258, 261, 269.
Антоновский-Прокопович, А. А. 127, 267.
Апостолов, Н. Н. 10.
Армафельдт, А. О. 159, 223.
Арнольд, Ю. А. 172, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 281, 282, 283.
Ашукин, Н. С. 9, 10.
Бакунин, М. А. 134, 135, 138, 141, 236, 272, 273.
Барсуков, Н. П. 58, 126, 157, 266, 268, 269, 270.
Бартнев, П. И. 159, 161, 261.
Батюшков, К. Н. 52, 55, 56, 89, 97, 98, 101, 148, 207, 257, 258, 259, 260, 264, 275, 289.
Белинский, В. Г. 11, 66, 68, 73, 74, 133 — 142, 178, 216, 217, 226, 235, 236, 237, 271—274, 295, 304.
Бенедиктов, В. Г. 196, 226, 233, 235, 248, 295.
Бенкендорф, А. X. 27, 28, 130.
Берг, Н. В. 199, 200, 203, 222, 240, 299.
Берков, П. Н. 14.
Блудов, Д. Н. 38, 50, 52, 56, 57, 58, 89 — 110, 126; 165, 166, 167, 172, 196, 257, 258, 260, 275, 302.
Богданович, И. Ф. 43, 47, 302.
Боратынский, Е. А. 23, 24, 63, 65, 118, 119, 120, 152, 156, 159, 160, 167, 170, 207, 263, 267, 276.
Боткин, В. П. 71, 134, 138, 236, 237, 238, 272, 273, 274, 304.
Брюллов, К. П. 79, 146, 226, 227, 228, 231, 232, 236, 245, 279, 293, 294.
Булгарин, Ф. В. 4, 26, 28, 57, 69, 70, 119, 128, 142, 211, 216, 225, 226, 243, 244, 246, 276, 280, 299.
Бурнашев, В. П. 12, 73, 148, 210, 213, 214, 244, 245, 294, 299.
Веневитилов, Д. В. 125—132, 153, 155, 159, 260, 265—271, 276, 303.
Вигель, Ф. Ф. 56, 57, 58, 93, 97, 98, 99, 100, 103, 105, 145, 161, 257, 258, 260, 267, 274, 277.
Виельгорские, 78, 199.
Виельгорский, М. Ю. 80, 145, 171, 185, 188, 193—198, 209, 227, 284, 285—287, 289, 295, 296, 304.
Войков, А. Ф. 37, 69, 72, 73, 89, 98, 210, 212, 214, 216, 217, 218, 235, 244, 245, 255, 257, 258, 279, 280, 288, 290, 291, 299, 304.
Волконская, З. А. 13, 27, 63, 78, 152—157, 220, 267, 268, 275—277, 292, 298, 303, 306.
Вяземский, П. А. 16, 167 *passim*.
Галич, А. И. 64, 303.
Гегель, Г.-Ф. 134, 139, 140, 273.
Герцен, А. И. 11, 26, 66, 68, 69, 80, 134, 136, 137, 138, 161, 271, 277, 278, 304, 305.
Гершензон, М. О. 21, 131.
Гете, В. 36, 85, 159, 167, 229, 231.
Глинка, М. И. 51, 71, 72, 78, 80, 171, 181, 208, 225, 226, 227, 229, 230, 232, 279, 282, 286, 292, 293, 295, 306.
Глинка, Ф. Н. 260, 303.
Гнедич, Н. И. 51, 71, 89, 90, 118, 119, 145, 146, 148, 150, 207, 208, 209, 244, 261, 264, 275, 289.

- Гоголь, Н. В. 16, 69, 155, 161, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 196, 199, 200, 208, 209, 220, 221, 277, 284, 289, 304, 305.
- Гончаров, И. А. 19, 133, 139, 238, 300, 306.
- Грановский, Т. Н. 68, 138, 227, 271, 277, 278, 305.
- Гребенка, Е. П. 174, 233, 234, 235, 288, 296.
- Греч, Н. И. 37, 54, 72, 89, 91, 93, 118, 119, 142, 150, 210—213, 225, 226, 235, 243, 244, 246, 247, 276, 279, 280, 290, 293, 295, 304.
- Грибоедов, А. С. 24, 96, 138, 274.
- Григорович, Д. В. 68, 138, 140, 177, 181, 196, 199, 201, 202, 234, 237, 238, 240, 283.
- Грпц, Т. 13, 17, 241, 298.
- Давыдов, Д. В. 98, 153, 287.
- Давыдов, И. И. 221, 304.
- Даргомыжский, А. С. 171, 226, 279.
- Дашков, Д. В. 41, 52, 89, 90, 91, 92, 93, 97, 98, 99, 166, 170, 240, 257, 258, 259, 260, 279, 304.
- Дельвиг, А. А. 69, 118, 119, 120, 152, 208, 245, 260, 261, 262, 263, 277, 279, 303.
- Державин, Г. Р. 20, 41, 43, 44, 46, 47, 53, 89, 93, 246, 301, 302, 306.
- Дмитриев, И. И. 20, 27, 41, 42, 43, 44, 62, 89, 98, 103, 123, 125, 166, 168, 246, 257, 258, 268, 275, 303.
- Дмитриев, М. А. 20, 42, 44, 52, 64, 75, 98, 100, 123, 124, 161, 258, 268, 270.
- Достоевский, Ф. М. 17, 34, 74, 138, 178, 196, 237, 248, 250, 273, 287.
- Дружинин, А. В. 138, 199, 238, 273, 306.
- Екатерина II. 47, 49, 55, 84, 138, 192, 301.
- Елагина, А. П. 63, 66, 158—161, 208, 222, 277—278, 292, 303.
- Ефремов, А. П. 161, 223, 261.
- Жирмунский, В. М. 76.
- Жихарев, С. П. 21, 22, 44, 45, 46, 62, 92, 98, 103, 257.
- Жуковский, В. А. 16 *passim*.
- Загоскин, М. Н. 51, 59, 145, 146, 152, 219, 221, 291.
- Захаров, И. С. 44, 46, 89, 302.
- ванов, Ф. Ф. 50, 60, 84, 86, 302.
- Измайлов, А. Е. 117, 118, 119, 120, 122, 246, 263, 264.
- Карамзин, Н. М. 46, 49, 52, 53, 58, 86, 87, 89, 90, 94, 96, 97, 98, 99, 102, 103, 109, 125, 146, 151, 157, 162—170, 255, 256, 257, 261, 268, 278, 291.
- Карамзина, Е. А. 37, 38, 63, 72, 78, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 170, 176, 278—280, 289, 298, 304.
- Карамзина, С. Н. 23, 36, 163, 165, 169, 278.
- Катенин, П. А. 24, 58, 59, 118, 303.
- Катков, М. Н. 134, 139, 286, 272, 306.
- Киреевский, И. В. 64, 67, 69, 124, 125, 129, 131, 153, 159, 160, 208, 222, 223, 265, 267, 276, 277, 278, 304.
- Ковалевский, Е. П. 96, 275, 305.
- Ковалевский, П. М. 229, 230, 294, 295, 305.
- Козлов, И. И. 155, 192, 246, 276, 303.
- Кокочкин, Ф. Ф. 50, 59, 60, 61, 62, 64, 219, 291, 292, 302.
- Кольцов, А. В. 46, 134, 237, 272, 305.
- Колупанов, Н. П. 41, 129, 265, 266, 267.
- Кошелев, А. И. 41, 63, 66, 124, 126, 129, 130, 131, 159, 160, 163, 165, 169, 222, 223, 265, 266, 267, 269, 278, 279, 292, 296, 303.
- Краевский, А. А. 69, 73, 174, 179, 235, 239, 273, 305.

- Крылов, И. А. 51, 89, 118, 119, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 157, 171, 207, 209, 244, 246, 275, 282.
- Кукольник, Н. В. 71, 73, 74, 79, 188, 224—232, 233, 234, 236, 279, 292—296, 305.
- Бюхельбекер, В. К. 24, 119, 120, 127.
- Лаваль, А. 72, 172, 304.
- Ланская, О. С. 21, 126, 131.
- Лейкин, Н. А. 247.
- Ленц, В. 172, 173, 175, 196.
- Лермонтов, М. Ю. 139, 165, 166, 170, 171, 199, 282.
- Лернер, Н. О. 277.
- Лисенков, И. Т. 244, 245, 299, 303.
- Лобанов, М. Е. 118, 242, 274.
- Ломоносов, М. В. 41, 49, 270.
- Львов, Н. А. 43, 44, 46, 301.
- Львов, Ф. П. 43, 44, 45, 46.
- Майков, А. 19, 201, 248, 249.
- Майков, Л. Н. 101, 258, 259, 274, 275.
- Максимович, М. А. 64, 123, 159, 265.
- Мельгунов, Н. А. 132, 160, 161, 220, 267.
- Мерзляков, А. Ф. 60, 64, 66, 84, 85, 86, 218, 255, 256, 266, 267, 268, 271, 291, 303.
- Минаев, Д. Д. 18, 249, 296.
- Мицкевич, А. 70, 153, 155, 267, 276.
- Модзалевский, Б. Л. 23, 25, 26, 27, 29, 113, 116, 167, 261, 262, 285.
- Муравьев, А. Н. 56, 123, 124, 125, 153, 269.
- Мятлев, И. П. 167, 174, 185, 199, 281.
- адеждин, Н. И. 64, 221, 227.
- Некрасов, Н. А. 138, 140, 178, 196, 237, 238, 239, 251, 273, 276, 306.
- Нелединский-Мелецкий, Ю. А. 98, 190, 257, 274.
- Никитенко, А. В. 30, 37, 52, 180, 203, 266, 298, 304, 306.
- Никитин, М. 13, 17, 241, 298.
- Николай I. 27, 155, 158, 188, 284, 293.
- Новиков, Н. И. 42, 49, 186, 301.
- Огарев, Н. П. 66, 137, 161, 237, 277, 304.
- Одоевский, В. Ф. 13, 36, 37, 38, 67, 68, 69, 71, 72, 75, 78, 80, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 152, 153, 159, 167, 171—182, 185, 193, 196, 199, 203, 208, 226, 227, 228, 234, 237, 265, 266, 267, 269, 271, 279, 280—283, 286, 287, 289, 295, 298, 304.
- Озеров, В. А. 145, 146.
- Ознобишин, Д. П. 123, 124, 270.
- Оксман, Ю. Г. 14,
- Оленин, А. Н. 41, 43, 50, 61, 78, 145—151, 274, 275, 289, 302.
- Орлов, М. Ф. 25, 56, 57, 58, 98, 102, 103, 107, 138, 161, 257, 277, 304, 306.
- Остолопов, Н. Ф. 122, 263.
- Островский, А. Г. 10.
- Островский, А. Н. 194, 201, 202, 305.
- Павлова, К. К. 64, 159, 221, 305.
- Павлов, Н. Ф. 161, 201, 221, 276.
- Панаев, В. И. 117, 119, 120, 122, 263.
- Панаев, И. И. 72, 138, 139, 140, 173, 177, 179, 196, 221, 224, 225, 226, 228, 230, 233, 234, 235—239, 273, 283, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 305.
- Панаева, А. 34, 141, 178, 195, 236, 238, 293.
- Писарев, А. И. 123, 124, 219, 248, 268, 270, 276, 291.
- Плавильщиков, В. А. 242, 298, 303.
- Плетнев, П. А. 37, 51, 63, 150, 166, 174, 183, 185, 186, 188, 199, 203, 207, 208, 234, 264, 277, 287, 289, 303.

- Плещеев, А. А. 98, 101, 207, 257, 258, 289, 306.
- Погодин, М. П. 63, 64, 66, 69, 75, 123, 124, 126, 130, 153, 156, 157, 161, 171, 186, 201, 220, 227, 265, 266, 267—270, 276, 283, 304.
- Подольинский, А. И. 212, 304.
- Полевой, К. А. 127, 211, 215, 243, 244, 269.
- Полевой, Н. А. 64, 126, 127, 128, 130, 211, 221, 226, 235, 267, 277, 280, 291, 293, 295, 303.
- Полетика, П. И. 98, 107, 167, 260, 279, 284.
- Пономарева, С. Д. 20, 118, 121, 263, 264, 303.
- Пушкин, А. М. 22, 301, 302.
- Пушкин, А. С. 5 *passim*.
- Пушкин, В. Л. 22, 52, 55, 62, 89, 90, 99, 100, 151, 257, 259, 301.
- Пыляев, М. 41, 145, 245, 261.
- Пыпин, А. Н. 112, 151, 239, 275.
- Пятковский, А. Я. 129, 266, 270.
- Раич, С. Е. 13, 63, 64, 75, 123—132, 152, 265—271, 277, 303.
- Рокалин, Н. М. 125, 129, 130, 159, 266.
- Россет, А. О. См. Смирнова, А. О.
- Ростопчина, Е. А. 164, 171, 199—202, 203, 287—289, 304.
- Рылеев, К. Ф. 24, 26, 51, 129, 146, 212, 303.
- Сайтов, В. И. 13, 58, 109.
- Сакулин, П. Н. 75, 266.
- Самарин, Ю. Ф. 134, 161, 166, 200, 201, 277.
- Сахаров, И. П. 171, 178, 236.
- Свербеев, Д. Н. 63, 66, 118, 223, 277, 292, 303.
- Семевский, В. И. 25, 114, 116, 261, 262.
- Сепковский, О. И. 69, 150, 216, 225, 226, 241, 279, 295, 304.
- Слешин, И. В. 245, 303.
- Смирдин, А. Ф. 241, 242, 243, 298, 305.
- Смирнова, А. О. 12, 63, 72, 166, 167, 183—189, 200, 275, 284, 289, 298, 302.
- Соболевский, А. С. 63, 66, 69, 127, 130, 153, 159, 160, 166, 180, 184, 185, 199, 201, 237, 267, 303.
- Соллогуб, В. А. 77, 78, 80, 81, 145, 166, 171, 172, 174, 175, 181, 191, 193—198, 199, 209, 226, 227, 234, 237, 274, 279, 282, 283, 285—287, 295, 296, 304.
- Сомов, О. М. 246, 263.
- Станкевич, Н. В. 11, 66, 80, 133—137, 138, 271—274, 304.
- Струговщиков, А. Н. 79, 80, 228, 232, 294, 295, 305.
- Сумароков, А. П. 40, 41, 55.
- Тизенгаузен, Г. Ф. 296.
- Титов, В. П. 123, 124, 130, 131, 159, 165, 267, 279.
- Толстой, Л. Н. 15, 34, 74, 181, 182, 297, 306.
- Толстой, Ф. И. (Американец). 61, 62, 200, 265, 283, 303.
- Толстой, Ф. П. 36, 50, 71, 150, 226, 302.
- Толстой, Ф. М. 71, 72, 174.
- Толстой, Я. Н. 112, 113, 114, 260, 261, 262.
- Томашевский, Б. В. 11.
- Тренин, В. 13, 17, 241, 298.
- Трубецкой, С. П. 114, 260.
- Тургенев, Ал. И. 54, 55, 58, 85, 89, 92, 98, 101, 103, 106, 107, 109, 110, 138, 160, 161, 165, 166, 169, 186, 192, 199, 208, 255, 257, 258, 259, 277, 279, 284, 287.
- Тургенев, Андр. И. 255, 256.
- Тургенев, И. С. 16, 74, 138, 142, 178, 181, 196, 199, 201, 202, 238, 273, 306.
- Тургенев, Н. И. 25, 55, 56, 57, 85, 98, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 259, 260, 287, 303.
- Тынянов, Ю. Н. 4, 14, 15, 22, 44, 77.
- Тютчев, Ф. И. 4, 16, 65, 123, 166, 194, 196, 200, 203, 237, 266, 268, 287, 304.
- Уваров, С. С. 35, 36, 44, 55, 93, 97, 98, 99, 103, 105, 109, 130, 146, 257, 258, 259.

- Фет, А. А.** 16, 181, 273, 283.
Фикельмонт, Д. Ф. 190, 191, 285, 304.
Фикельмонт, К. 192, 285.
Фомин, А. Г. 87, 256.
Фон-Фок, М. Я. 27, 28, 131.
- Хвостов, А. С.** 44, 89, 302.
Хвостов, Д. И. 44, 52, 53, 55, 98, 109, 241, 242, 246, 259, 303.
Хемницер, И. И. 43, 44 46.
Херасков, М. М. 41, 42, 49, 78, 86, 256, 297, 301.
Хитрово, Е. М. 166, 190, 191, 192, 285, 304.
Хомяков, А. С. 53, 67, 134, 138, 153, 159, 160, 161, 165, 166, 169, 185, 222, 223, 267, 277, 278, 303.
- Чаадаев, П. Я.** 138, 159, 223, 277, 278, 304.
Чуковский, К. И. 251.
- Шаховской, А. А.** 44, 52, 54, 59, 61, 62, 64, 71, 89, 91, 92, 93, 94, 96, 99, 100, 102, 109, 123, 172, 219, 268, 291, 292, 303.
- Шаховской Ф. П.** 25, 61, 303.
Шевченко, Т. Г. 226, 231, 248, 294, 296.
Шевырев, С. П. 49, 67, 69, 123, 124, 130, 152, 153, 157, 159, 160, 161, 220, 267, 268, 269, 271, 276, 280.
Шимановская, М. 286, 303.
Ширяев, А. С. 221, 291, 298.
Шишков, А. С. 41, 44, 46, 52, 53, 54, 55, 89, 90, 96, 109, 151, 258, 268, 275, 302, 303.
Шкловский, В. Б. 16.
Шувалов, И. И. 41, 47, 49, 301.
- Щеголев, П. Е.** 10, 11, 114, 261, 262.
Щепкин, М. С. 138, 201, 202.
- Эйхенбаум, Б. М.** 7, 10, 14, 15, 297.
- Языков, М. А.** 139, 235, 296, 305.
Языков, Н. М. 4, 5, 6, 159, 160, 186, 303, 305.
Яненко, Я. Ф. 226, 229, 294.
Яниш, К. К. — см. Павлова, К. К.
-

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Б. М. Эйхенбаум — Предисловие	3
С. А. Рейсер — Монтаж и литература	9
М. И. Аронсон — Кружки и салоны	15
КРУЖКИ	
Дружеское литературное общество	84
Арзамас	89
Зеленая Лампа	111
Общество любителей словесности и премудрости	117
Четверги С. Е. Райча и субботы любомудров	123
Кружок Н. В. Станкевича и В. Г. Беллинского	133
САЛОНЫ	
Салон А. Н. Оленина	145
» З. А. Волконской	152
» А. П. Елагиной	158
» Е. А. Карамзиной	162
» В. Ф. Одоевского	171
» А. О. Смирновой	183
» Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмонт	190
» М. Ю. Внелъгорского и В. А. Соллогуба	193
» Е. П. Ростопчиной	199
ВЕЧЕРА	
Вечера В. А. Жуковского	207
Четверги Н. И. Греча	210
Пятницы А. Ф. Восойкова	214
Субботы С. Т. Аксакова	219
Среды Н. В. Кукольника	224
Вечера Е. П. Гребенки	233
Редакционные собрания	235
Книжные лавки	241
Публичные чтения	248
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Комментарий	255
Список литературных объединений	301
Алфавитный указатель имен	—
Список сокращений	8
ИЛЛЮСТРАЦИИ	88, 154, 160, 242